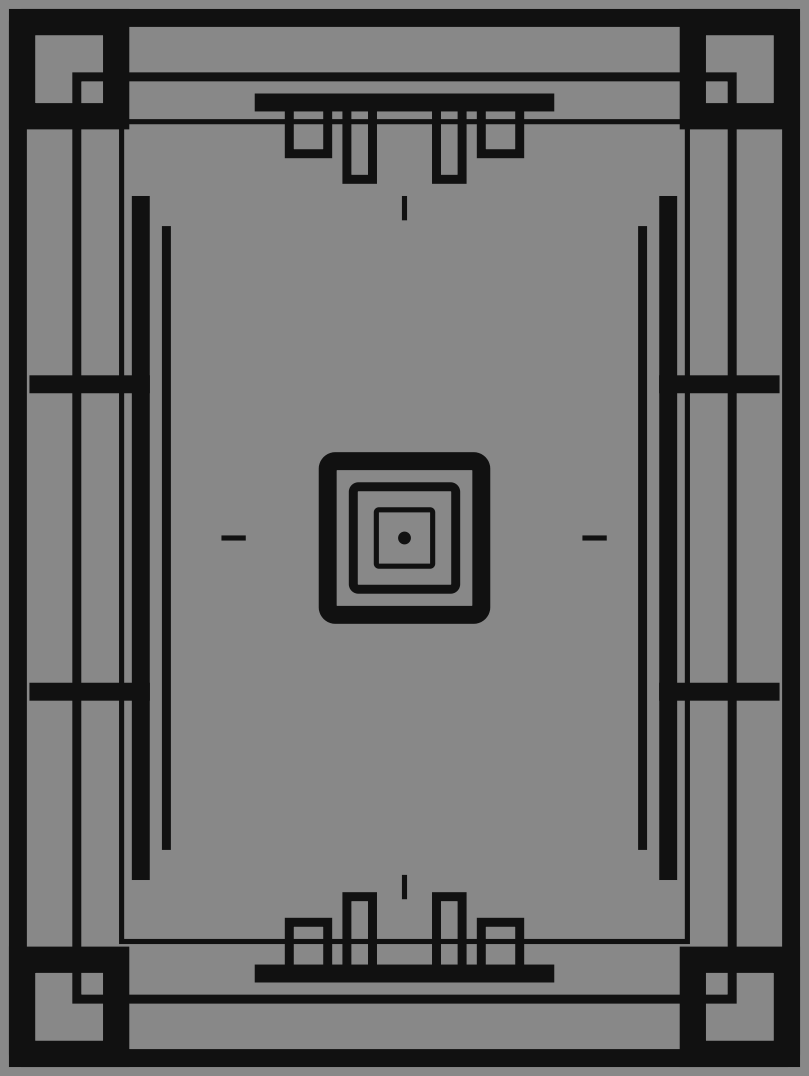

Тартарен на Альпах

Альфонс Доде

НЕОБЫЧАЙНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ. ТАРТАРЕНА ИЗЪ ТАРАСКОНА. и. ТАРТАРЕНЪ НА АЛЬПАХЪ. Альфонсъ Доде
I
II
III
IV
V
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV

НЕОБЫЧАЙНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТАРТАРЕНА ИЗЪ ТАРАСКОНА
и
ТАРТАРЕНЪ НА АЛЬПАХЪ.

Альфонсъ Доде

I

10 августа 1880 года, въ часъ пресловутаго солнечнаго заката, прославленнаго Путеводителями Жоанна и Бедекера, густой желтый туманъ заволакивалъ вершину Риги (Regina montium) и громадный отель, совсѣмъ не подходящій къ суровому горному пейзажу, знаменитый Риги-Кульмъ, куда съѣзжаются на одинъ день и на одну ночь толпы туристовъ восхищаться закатомъ солнца и его восходомъ. Въ ожиданіи втораго звонка къ обѣду, мимолетные гости громаднаго европейскаго каравансарая зѣвали отъ скуви и бездѣлья по своимъ комнатамъ или дремали на диванахъ читальной залы, пригрѣтые тепломъ колориферовъ. А тамъ, снаружи, вмѣсто обѣщанныхъ красотъ природы, злилась вьюга, разнося облака снѣжныхъ хлопьевъ, да однообразно поскрипывая тускло горящими фонарями. Нечего, сказать, стоило забираться на такую высь, тащиться за тридевять земель!... О, Бедекеръ!...

Вдругъ въ туманѣ появилось нѣчто: сквозь завываніе вѣтра послышался стукъ и лязгъ желѣза; въ вихрѣ метели обрисовывались какія-то стран-

ныя движенія, вынужденныя необычайнымъ снаряженіемъ. Удрученные бездѣльемъ туристы и англійскія миссъ въ мужскихъ шапочкахъ, глазѣвшія въ окна, приняли было показавшуюся фигуру сначала за отбившуюся отъ стада корову, потомъ — за продавца жестяныхъ издѣлій, обвѣшаннаго своимъ товаромъ. Шагахъ въ десяти отъ подъѣзда такъ нежданно явившаяся фигура приняла новыя, болѣе опредѣленныя очертанія: вотъ видѣнъ лукъ-самострѣлъ на плечѣ, шлемъ съ опущеннымъ забраломъ, — изъ тумана выдвигался настоящій средневѣковый стрѣлокъ, встрѣча съ которымъ на этихъ высотахъ была еще менѣе правдоподобна, чѣмъ встрѣча съ безпастушною коровой или съ разнощикомъ.

На крыльцѣ стрѣлокъ съ лукомъ оказался просто толстымъ, плечистымъ и коренастымъ человѣкомъ. Онъ остановился, шумно отдуваясь, стряхнулъ снѣгъ съ желтыхъ суконныхъ наколѣнниковъ, съ такой же желтой фуражки и съ вязаннаго «passe-montagne», изъ-за котораго видны были только клочки темной бороды съ просѣдью да огромные синія очки пузырями. Горная

кирка, альпенштокъ [1], мѣшокъ за спиной, связка бичевокъ черезъ плечо и нѣсколько желѣзныхъ крючьевъ у пояса, стягивающаго англійскую блузу, дополняли снаряженіе это-то образцоваго альпиниста. На дикихъ высотахъ Монъ-Блана или Финстераархорна такое снаряженіе никого бы не удивило, а тутъ, у Риги-Кульмъ, въ двухъ шагахъ отъ желѣзной дороги!...

Альпинистъ, правда, шелъ со стороны, противуположной станціи, и его обувь ясно свидѣтельствовала о долгомъ переходѣ по снѣгу и грязи. Онъ пріостановился и удивленнымъ взглядомъ осмотрѣлъ отель и окружавшія его постройки. Нашъ путешественникъ, очевидно, не ожидалъ встрѣтить на высотѣ двухъ тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря такихъ громадныхъ сооруженій, съ стеклянными галлереями, съ колоннадами, съ семью этажами горящихъ огнями оконъ и съ широкимъ подъѣздомъ, освѣщеннымъ двумя рядами фонарей, придававшими этимъ горнымъ вершинамъ видъ парижской Оперной площади въ осеннія сумерки.

Но какъ бы ни былъ удивленъ нашъ альпини-

---

[1] Примечания: 1

Киркою вырубаютъ ступеньки во льду глетчеровъ; альпенштокъ — палка съ острымъ желѣзнымъ никонечникомъ и съ крючкомъ, вродѣ багра.

стъ, обыватели отеля были удивлены еще болѣе его появленіемъ, и когда онъ вошелъ въ огромную прихожую, толпы любопытныхъ высыпали изъ всѣхъ залъ: мужчины съ билліардными кіями и съ газетами въ рукахъ, дамы съ работою или книгою, а тамъ выше и выше, со всѣхъ площадокъ лѣстницы, свѣшивались сотни головъ.

Пришедшій заговорилъ громко, на всю прихожую, густымъ «южнымъ» басомъ, напоминавшимъ звукъ литавръ:

— Ну, погодка!... Будь она проклята!

Чутъ не задыхаясь, онъ снялъ фуражку и очки. Яркій свѣтъ газа, тепло колориферовъ, великолѣпіе обстановки, швейцары въ галунахъ и въ адмиральскихъ фуражкахъ съ золотыми буквами Regina montium, бѣлые галстухи метръ д'отелей, цѣлый батальонъ швейцаровъ въ національныхъ костюмахъ, — все это ошеломило его на секунду, но только на одну секунду, не больше. Онъ почувствовалъ, что на него смотрятъ, и тотчасъ же пріободрился, какъ актеръ передъ полнымъ театромъ.

— Чѣмъ могу служить? — съ неподражаемымъ достоинствомъ спросилъ управляющій, шикарнѣйшій изъ управляющихъ, въ полосатой жакеткѣ и съ шелковистыми баками, ни дать, ни

взять дамскій портной.

Альпинистъ ни капельки не смутился, спросилъ комнату, «маленькую, удобную комнатку», и вообще держалъ себя съ величественнымъ управляющимъ совсѣмъ запросто, какъ со старымъ школьнымъ товарищемъ. Онъ даже чуть-чуть не разсердился, когда къ нему подошла бернская служанка, въ золотомъ нагрудникѣ и вздутыхъ тюлевыхъ рукавахъ, и спросила, не угодно ли ему отправиться наверхъ на подъемной машинѣ. Предложеніе совершить преступленіе не могло бы привести его въ большее негодованіе.

— На подъемной машинѣ!... Да чтобъ я... я!...- но онъ сейчасъ же смягчился и дружескимъ тономъ сказалъ швейцаркѣ:

— Pedibusse eut jambisse, моя хорошенькая кошечка... — и гордо пошелъ за служанкою по лѣстницѣ.

По всему отелю, на всѣхъ языкахъ цивилизованнаго міра, пронесся одинъ и тотъ же вопросъ: «Это еще что же такое?...» Но вотъ раздался второй звонокъ къ обѣду, и всѣ забыли объ удивительномъ господинѣ.

Любопытная вещь — столовая въ отелѣ Риги-Кульмъ.

Середина громаднаго стола подковой на шесть-

сотъ приборовъ занята живыми растеніями, съ которыми чередуются компотныя блюда, одни — съ рисомъ, другія — съ черносливомъ; въ ихъ то свѣтломъ, то темномъ сыропѣ отражаются тысячи огней и залоченыя вычуры лѣпнаго потолка. Какъ и за всѣми швейцарскими табль-д'отами, рисъ и чернослив дѣлятъ обѣдающихъ на два враждебные лагеря. По взглядамъ, полнымъ ненависти или благожеланія, съ которыми каждый посматриваетъ на эти дессертныя блюда, можно уже заранѣе опредѣлить, кто принадлежитъ къ какому лагерю. «Рисовые» отличаются худобой и блѣдностью, «черносливцы» — полнокровнымъ румянцемъ толстыхъ щекъ.

На этотъ разъ численный перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣднихъ; къ тому же, они насчитывали въ своихъ рядахъ нѣсколько важныхъ лицъ, европейскихъ знаменитостей, какъ, напримѣръ: великаго историка Астье-Рею «de l'Académie franèaise», барона фонъ-Штольца, стараго австро-венгерскаго дипломата, лорда Чипендаля (?), члена жокей-клуба, съ его племянницей (гм... гм!...), знаменитаго профессора Боннскаго университета, доктора Шванталера, перувіянскаго генерала съ семью дочками... Тогда какъ «рисовые» могли имъ противупоставить только

бельгійскаго сенатора съ семействомъ, супругу профессора Шванталера и возвращающагося изъ Россіи итальянскаго тенора, щеголяющаго рукавными запонками величиною въ чайное блюдцо.

Враждебное отношеніе этихъ двухъ сторонъ и было, по всей вѣроятности, причиной натянутой сдержанности, царившей за столомъ. Чѣмъ же инымъ могло бы быть объяснено молчаніе этихъ шести сотъ человѣкъ, надутыхъ, хмурыхъ, подозрительныхъ и посматривающихъ другъ на друга съ величественнымъ презрѣніемъ? Поверхностный наблюдатель могъ бы приписать все это нелѣпой англо-саксонской спѣси, задающей теперь повсюду тонъ путешественникамъ. Но онъ ошибся бы, конечно. Немыслимо, чтобы люди, не утратившіе образа человѣческаго, стали вдругъ, безъ причины и повода, ненавидѣть другъ друга, задирать другъ передъ другомъ носы, дѣлать другъ другу презрительныя рожи изъ-за того только, что не былъ совершенъ обрядъ взаимнаго представленія. Тутъ, навѣрное, кроется другая причина, и, по моему мнѣнію, во всемъ виноваты рисъ и черносливъ. Только ими и можетъ быть объяснено мрачное молчаніе, удручающее обѣдающихъ въ отелѣ Риги-Кульмъ. Безъ этой причины розни и при такомъ количествѣ

сотрапезниковъ самыхъ разнородныхъ національностей, табль-д'отъ былъ бы оживленъ и шуменъ, напоминалъ бы собою нѣчто вродѣ пиршества временъ столпотворенія вавилонскаго.

Альпинистъ не безъ нѣкотораго волненія вошелъ въ эту трапезу невольныхъ молчальниковъ, громко откашлялся, — на что никто не обратилъ вниманія, — и сѣлъ: на послѣднее свободное мѣсто. На этотъ разъ онъ имѣлъ видъ самаго зауряднаго туриста: плѣшивый, съ круглымъ животикомъ, съ густою остроконечною бородой, съ величественнымъ носомъ и добродушными глазами, осѣненными грозными бровями, — онъ отличался отъ другихъ только непринужденностью манеръ.

Рисовый или черносливный? — этого пока никто незналъ.

Едва успѣлъ онъ сѣсть, какъ тотчасъ же безпокойно завертѣлся на стулѣ, потомъ испуганно вскочилъ и съ словами: «Фу-ахъ!... Сквознякъ!» — кинулся къ свободному стулу, наклоненному къ столу. Его остановила швейцарка кантона Ури, въ бѣломъ нагрудникѣ и обвѣшанная серебряными цѣпочками:

— Позвольте, занятъ.

Сидящая рядомъ молодая дѣвушка, лица кото-

рой онъ не видалъ, сказала, не поднимая головы:

— Это мѣсто свободно. Мой братъ болѣнъ и не придетъ сегодня.

— Болѣнъ?... — переспросилъ альпинистъ участливо, — болѣнъ? Не опасно, надѣюсь?

Въ его говорѣ рѣзко выдавалось южное произношеніе, и это, повидимому, не понравилось бѣлокурой дѣвушкѣ, такъ какъ она ничего не отвѣтила и только окивула сосѣда ледянымъ взглядомъ темно-синихъ глазъ. Не особенно расположеннымъ къ любезности казался и сосѣдъ справа, итальянскій теноръ, здоровенный малый съ низкимъ лбомъ, масляными глазами и усами шиломъ, которые онъ сердито закручивалъ съ того момента, какъ альпинистъ сѣлъ между нимъ и дѣвушкой. Но нашъ добрякъ не любилъ ѣсть молча, считалъ это вреднымъ для здоровья.

— Эге! Славныя запонки! — громко, но какъ бы самъ съ собою, проговорилъ онъ, разглядывая рукава итальянца. — Музыкальныя ноты, врѣзанныя въ яшму... чудесно, превосходно!

Его громкій, металлическій голосъ одиноко раздавался по залѣ, не находя отклика.

— Вы, навѣрное, пѣвецъ? Да?

— Non capisco... — пробурчалъ себѣ подъ носъ итальянецъ.

Альпинистъ притихъ на минуту, рѣшившись ѣсть молча; но куски становились ему поперегъ горла. Наконецъ, когда сидящій противъ него австро-венгерскій дипломатъ потянулся дрожащею отъ старости рукой за горчишницей, онъ предупредительно подвинулъ ее съ словами:

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ баронъ...

Онъ слышалъ, что такъ титуловали дипломата.

Къ несчастью, бѣдняга фонъ-Штольцъ сохранилъ только хитрую и тонкую физіономію, выработанную дипломатическою китайщиной, но давнымъ-давно растерялъ способности говорить и думать и теперь путешествовалъ по горамъ въ надеждѣ ихъ какъ-нибудь разыскать. Онъ широко открылъ выцвѣтшіе глаза, всмотрѣлся въ незнакомое лицо и опять закрылъ ихъ. Десятокъ заслуженныхъ дипломатовъ такой интеллектуальной силы упорными совмѣстными стараніями едва ли бы въ состояніи были выработать формулу обычной благодарности.

При этой новой неудачѣ лицо альпиниста приняло отчаянно-свирѣпое выраженіе; а по стремительности движенія, съ какимъ онъ схватилъ бутылку, можно было подумать, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ пуститъ ею въ опустѣлую

голову барона и прикончитъ на мѣстѣ заслуженнаго австро-венгерскаго дипломата. Ничуть не бывало! Онъ просто предложилъ пить своей сосѣдкѣ, которая даже не слыхала его словъ, занятая разговоромъ въ полголоса съ двумя молодыми людьми, сидящими рядомъ съ нею. Она наклонялась къ нимъ и оживленно говорила что-то на незнакомомъ языкѣ. Видны были только блестящіе завитки бѣлокурыхъ волосъ. вздрагивавшіе вокругъ маленькаго, прозрачнаго розоваго ушка. Кто она: полька, русская, шведка? — во всякомъ случаѣ сѣверянка. И южанину сама собою пришла на память хорошенькая провансальская пѣсенка; не долго думая, онъ спокойно началъ напѣвать:

«O coumtesse génto,
Estelo dou Nord
Que la neu argento,
Qu' Amour friso en or...»[2].

На этотъ разъ всѣ оглянулись, всѣ подумали: не съ ума ли онъ сошелъ? Онъ покраснѣлъ, молча углубился въ свою тарелку и опять оживился

---

[2] Примечания: 2

"Прелестная графиня, звѣзда Сѣвера, снѣгомъ посеребренная, Амуромъ завитая въ кудри золотыя"... (Фридерикъ Мистраль).

лишь для того, чтобъ оттолкнуть одинъ изъ поданныхъ ему соусниковъ раздора.

— Опять черносливъ! Въ жизни никогда не ѣмъ!

Это было уже слишкомъ. Вокругъ стола задвигались стулья. Академикъ, лордъ Чипендаль (?), боннскій профессоръ и нѣкоторыя другія знаменитости черносливнаго лагеря встали съ мѣстъ и удалились изъ залы, выражая тѣмъ свое протестующее негодованіе. За ними почти тотчасъ же послѣдовали рисовые, такъ какъ и ими излюбленный соусникъ былъ отвергнутъ, подобно первому.

Ни риса, ни чернослива!... Что же это такое?

Всѣ вышли вонъ, и было что-то торжественно-ледяное въ этомъ молчаливомъ шествіи недовольныхъ лицъ съ надменно поднятыми носами и презрительно сжатыми губами. Альпинистъ остался одинъ-одинёшенекъ въ ярко освѣщенной залѣ, всѣми отвергнутый, подавленный общимъ презрѣніемъ.

Друзья мои, не презирайте никого и предоставьте это недостойное дѣло выскочкамъ, уродамъ и глупцамъ. Презрѣніе — маска, которою прикрывается ничтожество, иногда умственное убожество; презрѣніе есть признакъ недостатка

доброты, ума и пониманія людей. Добродушный альпинистъ зналъ это. Ему уже давно перевалило за сорокъ лѣтъ, онъ былъ глубоко умудренъ жизненнымъ опытомъ и, кромѣ того, хорошо зналъ себѣ цѣну, понималъ важность лежащей на немъ миссіи и настолько сознавалъ, къ чему обязываетъ его громкое, носимое имъ, имя, что не обратилъ никакого вниманія на мнѣніе о себѣ всѣхъ этихъ господъ. Къ тому же, ему стоило только сказать свое имя, крикнуть: «Это я», — и всѣ эти презрительныя лица низко склонились бы передъ нимъ; но его забавляло инкогнито.

Одно стѣсняло его, это — невозможность поговорить, пошумѣть, разойтись, что называется, во всю, пожимать руки, похлопывать по плечу, называть людей уменьшительными именами. Вотъ что угнетало и давило его въ отелѣ Риги-Кульмъ, а главное — опять-таки это невыносимое молчаніе.

«Вѣдь, этакъ просто типунъ наживешь, вѣрнѣйшій типунъ!» — разсуждалъ бѣдняга самъ съ собою, бродя по отелю и не зная, куда приклонить голову.

Онъ зашелъ было въ кофейную, огромную и пустынную, какъ городской соборъ въ будни, подозвалъ слугу, назвалъ его «другомъ сердечнымъ»,

приказалъ подать «хорошаго мокка… да смотри, безъ сахару». И хотя слуга не полюбопытствовалъ узнать, «почему безъ сахару», — альпинистъ, все-таки, прибавилъ: «По старой привычкѣ, которую и сдѣлалъ въ Алжирѣ, еще во время моихъ охотъ тамъ». И онъ уже открылъ ротъ, чтобы разсказать про свои знаменитыя охоты, но слуга убѣжалъ и стоялъ передъ растянувшимся на диванѣ лордомъ Чипендалемъ, требовавшимъ лѣнивымъ голосомъ: Tchimppègne! Tchimppègne! [3] Пробка глупо хлопнула, и опять ничего не стало слышно, кромѣ завыванія вѣтра въ трубѣ монументальнаго камина, да лихорадочнаго шуршанья снѣга по оконнымъ стекламъ.

Тоскливо-мраченъ былъ также читальный залъ; у всѣхъ газеты въ рукахъ, сотни головъ склонились вокругъ зеленыхъ столовъ, освѣщенныхъ газовыми рожками съ рефракторами. Отъ времени до времени слышится зѣвокъ, раздается кашель, шуршаніе переворачиваемыхъ листовъ и надъ всѣмъ этимъ, въ молчаливомъ величіи, прислонившись спинами къ камину, стоятъ двѣ унылые наводящія фигуры, отъ которыхъ такъ и вѣетъ затхлою плѣсенью оф-

[3] Примечания: 3

Tchimppègne — на англійскій ладъ исковерканное Champagne — шампанское.

фиціальной исторіи, — профессоръ Шванталеръ и академикъ Астье-Рею, капризомъ судьбы поставленные лицомъ къ лицу на вершинѣ Риги послѣ тридцати лѣтъ обоюдной ругани въ объяснительныхъ запискахъ и замѣткахъ, гдѣ они величали другъ друга то «безмозглымъ осломъ», то «vir ineptissimus».

Можете себѣ представить, какъ они встрѣтили добродушнаго альпиниста, когда онъ подсѣлъ къ нимъ позаняться умными разговорами. Съ высоты этихъ двухъ каріатидъ его сразу обдало такимъ убійственнымъ холодомъ, что онъ въ ту же минуту всталъ, началъ шагать по залѣ и, наконецъ, отворилъ библіотечный шкафъ. Тамъ валялось нѣсколько англійскихъ романовъ въ перемежку съ толстыми Библіями и разрозненными томами записокъ швейцарскаго альпійскаго клуба. Нашъ путешественникъ взялъ было одну книгу съ тѣмъ, чтобы почитать въ постели на сонъ грядущій, но вынужденъ былъ водворить ее на мѣсто, такъ какъ правила читальни не дозволяютъ разносить книги по нумерамъ.

Продолжая безцѣльно бродить, онъ добрался до послѣдняго убѣжища — до салона. И тамъ царило то же всеподавляющее уныніе, — такое

уныніе, какое возможно только въ Сенъ-Бернардскомъ монастырѣ, гдѣ монахи выставляютъ тѣла несчастныхъ, погибшихъ въ снѣгахъ, въ той именно позѣ, въ какой ихъ застигла смерть отъ мороза. Такой точно видъ представлялъ салонъ Риги-Кульма. Всѣ дамы уныло сидѣли группами на диванахъ, идущихъ по стѣнамъ, или одиноко замерли гдѣ попало въ креслахъ. Неподвижныя миссъ точно застыли съ альбомами и работами въ рукахъ. А въ глубинѣ передъ фортепіано, съ видомъ покойника, котораго забыли похоронить, сидѣлъ старый дипломатъ, положивши мертвыя руки на клавиши. Несчастный Штольцъ задремалъ, обезсиленный стараніями припомнить польку, когда-то имъ сочиненную. За нимъ заснули и всѣ дамы, склонивши головки въ завиткахъ или въ уродливыхъ англійскихъ чепцахъ пирогами.

Приходъ альпиниста не разбудилъ ихъ, и самъ онъ безпомощно опустился на диванъ, подавленный вселеденящимъ отчаяніемъ. Вдругъ по отелю разнеслись веселые и громкіе звуки музыки. Странствующіе «musicos», — арфа, флейта и скрипка, — постоянно бродящіе по отелямъ Швейцаріи, забрались въ Риги-Кульмъ и расположились въ прихожей. При первыхъ аккордахъ,

нашъ герой ожилъ, вскочилъ на ноги.

— Zou! bravo!... Музыка! Давай ее сюда! — и онъ кидается въ прихожую, растворяетъ настежь двери, тащитъ музыкантовъ, поитъ ихъ шампанскимъ и самъ пьянѣетъ не отъ вина, котораго онъ не пьетъ, а отъ звуковъ бродячаго оркестра, возвратившихъ его къ жизни.

Онъ подсвистываетъ флейтѣ, взвизгиваетъ скрипкой, прищелкиваетъ надъ головою пальцами, кидаетъ кругомъ торжествующіе взгляды, приплясываетъ и приводитъ въ недоумѣніе туристовъ, сбѣжавшихся на шумъ со всего отеля. Подогрѣтые виномъ, музыканты, съ воодушевленіемъ настоящихъ цыганъ, заиграли одинъ изъ увлекательныхъ вальсовъ Штрауса. Альпинистъ оглянулся и увидалъ у двери жену профессора Шванталера, уроженку Вѣны, толстушку съ бойкими глазами, сохранившую всю живость молодости, несмотря на сѣдину, словно пудрой засыпавшую ея голову. Онъ подлетѣлъ къ профессоршѣ, обхватилъ ея талію и, съ крикомъ:

— Э! Живо, берите дамъ! Впередъ, впередъ! — понесся по залѣ.

Сразу все встрепенулось, ожило и закружилось въ общемъ вихрѣ, все затанцовало, вездѣ — въ прихожей, въ гостиной, въ читальнѣ, вокругъ зе-

леныхъ столовъ. И сдѣлалъ это онъ одинъ, всѣхъ расшевелилъ, разогрѣлъ, воспламенилъ; а самъ, однако же, не танцуетъ больше, запыхавшись на двухъ-трехъ турахъ вальса. За то онъ наблюдаетъ, распоряжается своимъ баломъ, командуетъ музыкантамъ, устраиваетъ пары, просовываетъ руку боннскаго профессора вокругъ таліи старой англичанки, на серьезнаго Астье-Рею напускаетъ самую задорную изъ дочерей перувіянскаго генерала. Сопротивленіе немыслимо. Необычайный альпинистъ обладаетъ какою-то обаятельною силой, которая такъ и поднимаетъ, такъ и мчитъ въ вихрь танцевъ. «Жги, жги!...» Презрѣнія, ненависти — какъ не бывало. Нѣтъ ни «рисовыхъ», ни «черносливныхъ», — всѣ вальсируютъ. Настоящая эпидемія танцевъ охватила весь громадный отель; даже на площадкахъ лѣстницы, до шестаго этажа включительно, вертѣлись швейцарки-служанки, точно деревянныя куклы на пружинахъ.

Пусть непогода злится снаружи, пусть воетъ вѣтеръ, взметая облака снѣга на пустынныхъ высотахъ, до этого никому нѣтъ дѣла, — здѣсь тепло, хорошо, веселья хватитъ до утра.

— Ну, а мнѣ, пожалуй, и на покой пора, — порѣшилъ добродушный альпинистъ, человѣкъ разсудительный, истый сынъ своей отчизны. гдѣ

люди быстро увлекаются и еще быстрѣе успокоиваются. Посмѣиваясь про себя, онъ прокрался мимо профессорши Шванталеръ, послѣ тура вальса неотступно приставшей къ нему съ своими: «Walsiren… dansiren…» — и тихонько удалился съ импровизированнаго бала.

Онъ взялъ свой ключъ, подсвѣчникъ и на минуту пріостановился на площадкѣ перваго этажа полюбоваться плодами своихъ дѣяній, посмотрѣть на умиравшую отъ тоски толпу, которую онъ заставилъ прыгать и веселиться. Тутъ къ нему подошла запыхавшаяся отъ танцевъ швейцарка и, подавая перо, сказала:

— Позвольте просить васъ, mossié, вписать ваше имя въ книгу.

Съ секунду онъ колебался: сохранить или не сохранить инкогнито? Впрочемъ, не все ли равно? Предполагая даже, что вѣсть о его пребываніи на Риги и разнесется по отелю, все-таки, никто неузнаетъ, зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ въ Швейцарію. А за то ужь ибудетъ же завтра потѣха, когда всѣ эти «инглишмены» узнаютъ… Служанка не вытерпитъ, разболтаетъ. Вотъ удивятся-то, вотъ пойдетъ говоръ по всему отелю: «Неужели? Онъ… онъ самъ!…»

Эти соображенія пронеслись въ его головѣ съ

быстротою звуковъ гремѣвшаго внизу оркестра. Онъ взялъ перо и съ спокойною небрежностью написалъ подъ именами Астье-Рею, Шванталера и другихъ знаменитостей имя, долженствующее затмить всѣ прежде вписанныя; онъ написалъ свое имя и сталъ подниматься выше, не обернувшись даже посмотрѣть на эффектъ, который его имя должно произвести. Въ этомъ онъ не сомнѣвался.

Швейцарка заглянула въ книгу и прочла:

Тартаренъ изъ Тараскона,

а внизу:

П. А. К.

Прочла и, какъ ни въ чемъ не бывало, глазомъ не мигнула. Она не понимала, что означаютъ буквы П. А. К., отъ роду своего не слыхивала ни о какомъ «Дардаренѣ».

Дикій, темный народъ!

II

Когда подъ яснымъ, синимъ провансальскимъ небомъ, въ поѣздѣ, идущемъ изъ Парижа въ Марсель, торжественно раздается названіе станціи «Тарасконъ», любопытныя головы высовываются изъ всѣхъ оконъ вагоновъ, и пассажиры переговариваются между собой: «А, такъ вотъ Тарасконъ... Посмотримъ, что за Тарасконъ такой». Въ томъ, что представляется ихъ глазамъ, нѣтъ, однако же, ничего необыкновеннаго: мирный, чистенькій городокъ, башни, крыши домовъ, мостъ черезъ Рону. Но не это привлекаетъ взоры путешественниковъ; ихъ интересуетъ тарасконское солнце и производимые имъ миражи, поражающіе удивительными неожиданностями, своею фантастичностью, потѣшнымъ неправдоподобіемъ; ихъ интересуетъ этотъ крошечный, чудочный, своеобразный народъ, представляющій собою яркое выраженіе всѣхъ инстинктовъ юга Франціи, — народъ живой, подвижный, болтливый, все преувеличивающій, забавный и до крайности впечатлительный... Вотъ что стараются уловить жадные взгляды пассажировъ поѣзда, мчащагося

съ сѣвера къ Средиземному морю; вотъ что составляетъ громкую славу мирнаго городка.

Въ достопамятныхъ разсказахъ, опредѣленнѣе указывать на которые автору не дозволяетъ скромность, исторіографъ Тараскона пытался изобразить счастливые дни маленькаго городка съ его клубомъ, съ романсами, составляющими личную собственность каждаго обывателя, съ его любопытными охотами по фуражкамъ за неимѣніемъ дичи. Потомъ наступили тяжелые дни войны и горькихъ испытаній, въ которыхъ и Тарасконъ принялъ свою долю участія, готовясь къ геройской оборонѣ... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но Тарасконъ не забылъ пережитыхъ несчастій; онъ отказался отъ прежнихъ легкомысленныхъ забавъ и всѣ заботы направилъ къ тому, чтобы развить физическую силу, мускулы своихъ доблестныхъ сыновъ, въ чаяніи будущихъ «реваншей». Въ немъ устроились стрѣлковыя и гимнастическія общества, каждое съ своимъ особымъ костюмомъ, съ соотвѣтствующимъ снаряженіемъ, съ своею музыкой и съ своимъ знаменемъ; открылись фехтовальныя собранія, боксерныя бои на палкахъ, борцовыя. Состязанія въ бѣгѣ и въ единоборствѣ замѣнили собою для людей высшаго общества охоты по фуражкамъ

и платоническія охотничьи бесѣды въ лавкѣ оружейника Костекальда. Наконецъ, клубъ, самъ старый клубъ, отказался отъ пикета и безига и превратился въ альпійскій клубъ, по образцу лондонскаго «Alpine Club'a», слава котораго гремитъ даже въ Индіи. Различіе между лондонскимъ клубомъ и тарасконскимъ заключалось лишь въ томъ, что члены этого послѣдняго, не желая разставаться съ дорогою родиной изъ-за славы лазить по иноземнымъ горамъ, довольствовались тѣмъ, что было у нихъ подъ руками, или, вѣрнѣе, подъ ногами, тутъ же, сейчасъ за заставой.

Альпы въ Тарасконѣ? Ну, не Альпы, конечно, а, все-таки, горы, не особенно высокія, правда, покрытыя душистымъ тминомъ и лавандой, не очень крутыя и опасныя, возвышающіяся метровъ на 150–200 надъ уровнемъ моря, рисующіяся бирюзовыми волнами на горизонтѣ Прованса, но окрещенныя пылкою фантазіей мѣстныхъ жителей баснословными и характеристичными именами: le Mont-Terrible, le Bout-du-Monde, le Pic-des Geants и т. под.

Истинное наслажденіе посмотрѣть, какъ въ воскресенье утромъ тарасконцы въ гетрахъ, съ альпійскими палками въ рукахъ, съ мѣшками и палатками на спинахъ, при звукѣ рожковъ,

отправляются въ свои горныя экспедиціи, о которыхъ на другой день мѣстная газета Форумъ даетъ подробный отчетъ въ необыкновенно «картинныхъ» описаніяхъ, не щадя выраженій: «страшные обрывы», «пропасти», «ужасающія стремнины», точно дѣло идетъ о Гималаяхъ. Само собою разумѣется, что, благодаря такимъ забавамъ, обыватели пріобрѣли новыя силы, тѣ «двойные мускулы», которыми въ былыя времена могъ похвастать только одинъ Тартаренъ, добрый, неустрашимый, славный геройскими подвигами Тартаренъ.

Если Тарасконъ резюмируетъ собою югъ Франціи, то въ Тартаренѣ олицетворяется весь Тарасконъ. Тартаренъ не только первый гражданинъ города, онъ — его душа, онъ точное выраженіе всѣхъ его прекрасныхъ особенностей. Всѣмъ извѣстны его былые подвиги, его тріумфы въ качествѣ пѣвца (о, незабвенный дуэтъ изъ Роберта Дьявола въ аптекѣ Безюке!) и поразительная одиссея его охотъ за львами въ Алжирѣ, откуда онъ вывелъ великолѣпнаго верблюда. Этотъ послѣдній изъ алжирскихъ верблюдовъ покончилъ въ Тарасконѣ свои земныя странствованія и скелетъ его хранится въ городскомъ музеѣ среди тарасконскихъ рѣдкостей.

А Тартаренъ остался все такимъ же, какимъ былъ. Такъ же крѣпки его зубы, такъ же вѣренъ глазъ; несмотря на то, что ему перевалило за пятьдесятъ, его воображеніе работаетъ по-прежнему и все увеличиваетъ не хуже добраго телескопа. Тартаренъ былъ и теперь «молодчиной», какъ называлъ его много лѣтъ назадъ храбрый Бравида, начальникъ гарнизонной швальни. Да, онъ былъ, несомнѣнно, «молодчина»! Только въ немъ, какъ и во всякомъ тарасконцѣ, что-то такое тамъ, въ глубинѣ его нутра, сдваивалось: съ одной стороны, была страсть къ приключеніямъ, къ опасностямъ, — словомъ, къ молодечеству, съ другой — таился неопредѣленный страхъ передъ всякимъ утомленіемъ, передъ сквознымъ вѣтромъ и передъ всякою случайностью, могущею повліять на здоровье, а тѣмъ паче — причинить и самую смерть. Извѣстно, однако же, что обусловленная такимъ страхомъ осторожность не помѣшала Тартарену показать себя храбрецомъ и даже героемъ, при случаѣ. И вотъ невольно возникаетъ вопросъ, зачѣмъ онъ забрался на Риги (Regina montium) въ свои лѣта и послѣ того, какъ онъ столь дорогою цѣной пріобрѣлъ неоспоримое право на покой и мирный отдыхъ на лаврахъ.

На этотъ вопросъ могъ бы отвѣтить одинъ только злокозненный оружейникъ Костекальдъ. Этотъ недостойный гражданинъ представляетъ собою типъ, довольно рѣдкій въ Тарасконѣ. Зависть, низкая и черная зависть яркими чертами выступаетъ въ злобной складкѣ его тонкихъ губъ и въ непріятной окраскѣ, поднимающейся изъ глубины его печени и заливающей желтыми тонами его выбритое, правильное лицо, все изрытое бороздами, напоминающими изображенія Тиверія или Каракалы на старыхъ римскихъ медаляхъ. Его зависть есть своего рода болѣзнь, которую онъ не старается даже скрывать; иногда, подъ вліяніемъ тарасконскаго темперамента, неудержимо прорывающагося наружу, ему случается, въ разговорѣ объ удручающемъ его недугѣ, высказывать такія слова: «Вы не можете себѣ представить, какъ это тяжело!»

Само собою разумѣется, что Тартаренъ былъ невольнымъ виновникомъ мученій Костекальда. Ему покоя не давала слава Тартарена: повсюду онъ, всегда онъ, этотъ Тартаренъ! И вотъ медленно, тихомолкомъ. незамѣтно, подобно муравью, забравшемуся въ деревянное изображеніе божества, онъ въ теченіе двадцати лѣтъ подтачиваетъ эту блестящую репутацію, грызетъ ее и под-

рываетъ. Когда вечеромъ въ клубѣ Тартаренъ разсказывалъ про свои охоты за львами, про свои путешествія по великой пустынѣ Сахары, Костекальдъ ехидно усмѣхался и недовѣрчиво пожималъ плечами.

— А шкуры-то, Костекальдъ, львиныя шкуры, которыя онъ намъ присылалъ? Онѣ, вѣдь, тутъ налицо... вонъ онѣ въ клубной залѣ.

— Хе, невидаль шкуры!... Мало ихъ, что ли, по-вашему, этихъ шкуръ-то въ Алжирѣ?

— А слѣды пуль, круглыя дыры въ головахъ?

— Знаемъ мы и это... видали! Вы забыли, должно быть, какъ во времена нашихъ охотъ по фуражкамъ шапошники держали прострѣленныя дробью и разорванныя фуражки для плохихъ стрѣлковъ.

Такіе подвохи не могли, разумѣется, поколебать славу Тартарена — истребителя львовъ. Но далеко не такъ неуязвимъ онъ былъ въ качествѣ альпиниста, и Костекальдъ пользовался этимъ, злобствуя на то, что президентомъ альпійскаго клуба выбрали человѣка, замѣтно «отяжелѣвшаго» отъ лѣтъ и, къ тому же, привыкшаго въ Алжирѣ въ мягкимъ туфлямъ, къ широкимъ одеждамъ, располагавшимъ къ лѣни и нѣгѣ. На самомъ дѣлѣ Тартаренъ рѣдко принималъ участіе

въ восхожденіяхъ на горы и довольствовался лишь тѣмъ, что напутствовалъ экскурсіонистовъ добрыми пожеланіями, да потомъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ громко прочитывалъ потрясающіе отчеты объ экспедиціяхъ такимъ страшнымъ голосомъ и съ такими ужасающими взглядами, что дамы чуть не падали въ обморокъ.

Костекалъдъ же, напротивъ, сухой,*нервный, «съ пѣтушиными ногами», какъ про него говорили, лѣзъ всегда впереди всѣхъ; онъ облазилъ одну за другою всѣ тарасконскія «Альпины», на недоступныхъ вершинахъ водрузилъ знамя клуба съ изображеніемъ Тараска въ звѣздномъ полѣ. И, все-таки, онъ былъ только вицепрезидентомъ — В.-П. А. К.; но онъ работалъ, такъ неусыпно работалъ для достиженія президентства, что на предстоящихъ выборахъ Тартаренъ долженъ былъ неминуемо провалиться.

Неизмѣнные друзья, аптекарь Безюке, Экскурбанье, капитанъ Бравида, храбрый начальникъ гарнизонной швальни, сообщили объ этомъ Тартарену. Его геройская душа была глубоко возмущена такою неблагодарностью и гнусностью интриги. У него даже зародилась было мысль на все махнуть рукой, все бросить, покинуть

самую родину, перебраться черезъ мостъ и поселиться въ Босерѣ у Вольсковъ; но онъ скоро успокоился. Невозможно, выше силъ его было бы покинуть этотъ маленькій домикъ съ садомъ, разстаться со старыми привычками, отказаться отъ президентскаго кресла альпійскаго клуба, отъ величественныхъ П. А. К., красующихся на его карточкахъ, на бумагѣ и конвертахъ и даже въ тульѣ его шляпы!... И вдругъ ему пришла въ голову съ ногъ-сшибательная идея.

Въ сущности, всѣ подвиги Костекальда ограничивались шляньемъ по тарасконскимъ горкамъ. Почему бы ему, Тартарену, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, оставшихся еще до выборовъ, не попытать совершить что-либо грандіозное, — водрузить, напримѣръ, знамя клуба на вершинѣ одной изъ высочайшихъ горъ Европы, на Юнгфрау или на Монъ-Бланѣ? Каковъ былъ бы тріумфъ при возвращеніи, каковъ ударъ Костекальду! Попробуй-ка онъ тогда, потягайся на выборахъ!

Тартаренъ тотчасъ же принялся за дѣло, тайно отъ всѣхъ выписалъ изъ Парижа цѣлую кучу спеціальныхъ сочиненій: Восхожденія Вимпера, Ледники Тиндаля, Монъ-Бланъ Стефенъ д'Арка, Извѣстія альпійскаго клуба, англійскаго и швейцарскаго, и начинилъ себѣ голову множе-

ствомъ альпійскихъ терминовъ, не понимая ихъ настоящаго смысла. По ночамъ ему стали сниться страшныя вещи: то онъ катился по безконечному глетчеру, то стремглавъ летѣлъ въ бездонную разщелину, то его засыпали обвалы, то онъ попадалъ на востріе огромной ледяной сосульки, насквозь протыкавшей его грудь... И долго потомъ, уже проснувшись и напившись шоколата, по обыкновенію въ постели, онъ не могъ по настоящему придти въ себя, отдѣлаться отъ перепугавшаго его кошмара. Это не мѣшало ему, однако же, вставши, посвящать все утро дѣятельнымъ упражненіямъ, необходимымъ для его цѣли.

Вокругъ всего Тараскона идетъ нѣчто вродѣ бульвара, обсаженнаго деревьями и носящаго у мѣстныхъ жителей названіе «Городскаго круга». Каждое воскресенье, послѣ обѣда, тарасконцы, — отчаянные рутняеры, несмотря на пылкость воображенія, — обходятъ этотъ «кругъ» и непремѣнно въ одномъ направленіи. Тартаренъ сталъ обходить его по утрамъ восемь, десять разъ сряду и иногда даже въ обратномъ направленіи. Онъ шелъ, заложивши руки за спину, неширокимъ, мѣрнымъ шагомъ, настоящею горною походкой. Лавочники, пораженные такимъ отступленіемъ

отъ общепринятыхъ обычаевъ, терялись во всевозможныхъ догадкахъ.

У себя дома, въ своемъ экзотическомъ садикѣ, онъ дѣятельно упражнялся въ прыганіи черезъ разщелины, для чего перескакивалъ черезъ бассейнъ, въ которомъ нѣсколько золотыхъ рыбокъ плавало между водорослями; раза два онъ упалъ въ воду и долженъ былъ смѣнить платье и бѣлье. Такія неудачи только больше раззадоривали его. Будучи подверженъ головокруженіямъ, онъ взбирался на каменный бортъ бассейна и прохаживался по немъ, къ великому ужасу старой служанки, непонимавшей, ради чего продѣлываются всѣ эти необыкновенныя штуки. Въ то же время, онъ заказалъ хорошему слесарю въ Авиньонѣ стальные шипы, системы Вимпера, для обуви и кирку системы Кеннеди, пріобрѣлъ лампу съ канфоркой, два непромокаемыя одѣяла и двѣсти футовъ веревки собственнаго изобрѣтенія, сплетенной изъ тонкой проволоки.

Полученіе этихъ разнородныхъ предметовъ, таинственные разъѣзды для заказовъ и покупокъ сильно интриговали тарасконцевъ; въ городѣ заговорили: «Президентъ затѣваетъ что-то». Но что онъ затѣваетъ? Навѣрное, что-нибудь необыкновенное и грандіозное, ибо, по прекрас-

ному и мѣткому выраженію храбраго капитана Бравиды, говорившаго не иначе, какъ апоѳегмами, — «орелъ не охотится за мухами».

Тартаренъ не открывался даже самымъ близкимъ друзьямъ. Только въ засѣданіяхъ клуба замѣтно было, какъ вздрагиваетъ его голосъ и вспыхиваетъ его взоръ, когда онъ обращается съ рѣчью къ Костекальду, косвенно вынуждающему его на эту новую экспедицію, трудность и опасность которой все болѣе и болѣе выяснялась по мѣрѣ приближенія времени отъѣзда. Въ этомъ отношеніи несчастный Тартаренъ нисколько не пытался обмануть себя; напротивъ, онъ представлялъ ихъ себѣ въ такомъ мрачномъ цвѣтѣ, что счелъ необходимымъ привести свои дѣла въ порядокъ и написать духовное завѣщаніе, — актъ, совершенія котораго животолюбивъге тарасконцы боятся, кажется, не менѣе самой смерти.

И вотъ, прелестнымъ іюньскимъ утромъ, при чудномъ блескѣ безоблачно-лазурнаго неба, въ своемъ кабинетѣ, передъ дверью, отворенною въ чистенькій садикъ, наполненный экзотическими растеніями, сидитъ Тартаренъ въ мягкихъ туфляхъ, въ широкой фланелевой одеждѣ,- сидитъ въ покоѣ и довольствѣ, съ любимою трубкой въ зубахъ, и вслухъ прочитываетъ только что

написанныя на большомъ листѣ бумаги слова:

«Симъ духовнымъ завѣщаніемъ я выражаю мою послѣднюю волю...»

Что ни говорите, какимъ бы непоколебимымъ сердцемъ, какою бы силою характера ни обладалъ человѣкъ, въ подобномъ положеніи онъ переживаетъ, все-таки, страшно тяжелыя минуты. Тѣмъ не менѣе, ни рука, ни голосъ Тартарена не дрогнули въ то время, какъ онъ распредѣлялъ между своими согражданами этнографическія сокровища, собранныя и сохраняемыя въ образцовомъ порядкѣ въ его маленькомъ домикѣ.

«Альнійскому клубу, — писалъ Тартаренъ, — завѣщаю боабабъ (arbor gigantea), который поставить на каминѣ въ залѣ засѣданій.

„Капитану Бравидѣ — карабины, револьверы, охотничьи и малайскіе кривые ножи, томагауки и все иное смертоубійственное оружіе.

„Экскурбанье — всѣ мои трубки, мундштуки, кальяны, маленькія трубочки для куренія опіума.

«Костекальду»... — да, онъ не забылъ и Костекальда и ему завѣщалъ знаменитыя отравленныя стрѣлы, съ надписью: «не дотрогивайтесь».

Весьма возможно, что этотъ посмертный даръ былъ сдѣланъ не безъ затаенной надежды: авось либо предатель наколется отравленною стрѣлой

и тоже умретъ. Но ничего подобнаго нельзя было вывести изъ содержанія духовнаго завѣщанія, заканчивавшагося возвышеннымъ и глубокотрогательнымъ обращеніемъ:

«Я прошу моихъ дорогихъ альпинистовъ не забывать ихъ президента... Я прошу ихъ простить моему врагу, какъ я ему прощаю, несмотря на то, что онъ-то и есть виновникъ моей смерти».

Тутъ Тартаренъ вынужденъ былъ пріостановиться; цѣлый потокъ слезъ хлынулъ изъ его глазъ. Онъ съ поразительною отчетливостью увидалъ себя разбитымъ, изуродованнымъ, растерзаннымъ въ клочки у подножія высокой горы, — увидалъ, какъ кладутъ въ телѣжку и везутъ въ Тарасконъ его обезображенные останки... Такова сила провансальскаго воображенія! Онъ присутствовалъ на собственныхъ похоронахъ, слышалъ пѣніе, рѣчи, произносимыя на его могилѣ, сожалѣнія: «Бѣдняга Тартаренъ!...» — и, затерявшись въ толпѣ друзей, самъ себя горько оплакивалъ.

Но тотчасъ же видъ его кабинета, залитаго солнечными лучами, игравшими на блестящемъ оружіи и на рядахъ трубокъ, и веселое журчаніе маленькаго фонтана въ саду возвратили его къ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ: изъ-за чего

умирать? Зачѣмъ уѣзжать? Что за неволя? Кто его гонитъ? Глупое самолюбіе!... Рисковать жизнью изъ-за президентскаго кресла и какихъ-нибудь трехъ буквъ!...

То была, однако, лишь минутная слабость, такая же мимолетная дань человѣческой немощи, какъ и невзначай пролитыя слезы. Черезъ пять минутъ завѣщаніе было дописано, вложено въ конвертъ, запечатано огромною черною печатью, и великій человѣкъ принялся за окончательные сборы въ путь.

Въ тотъ же день, когда часы на городской ратушѣ пробили десять, а улицы опустѣли и запоздалые гуляки, охваченные страхомъ, кричали другъ другу въ потемкахъ: «Добрый вечеръ... вы... кто тамъ»... и спѣшили захлопнуть за собою дверь, кто-то осторожно пробирался черезъ площадь къ аптекѣ Безюке, въ освѣщенныя окна которой можно было разсмотрѣть силуэтъ самого аптекаря, мирно спавшаго надъ Кодексомъ, облокотившись на конторку. Безюке принялъ за правило каждый вечеръ вздремнуть часокъ-другой, чтобы быть бодрѣе въ томъ случаѣ, если бы кому-нибудь потребовались его услуги ночью. Между нами говоря, то была своего рода тарасконада, такъ какъ его никто никогда не будилъ и

разбудить не могъ, — предусмотрительный аптекарь на ночь отвязывалъ проволоку у звонка.

Въ аптеку вошелъ Тартаренъ, нагруженный одѣялами, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Онъ былъ такъ блѣденъ, такъ разстроенъ, что аптекарь, подъ вліяніемъ игры туземной фантазіи, отъ которой не предохраняетъ и провизорство, воабразилъ, что случилоси нѣчто ужасное, и закричалъ благимъ матомъ:

— Несчастный!... Что съ вами?... Васъ отравили?... Скорѣй, скорѣй, эпекак... — Онъ заметался, рояяя стклянки и натыкаясь на ящики. Чтобъ остановить суетившагося друга, Тартаренъ принужденъ былъ обхватить его обѣими руками.

— Да выслушайте вы меня, чортъ возьми! — и въ его голосѣ звучала затаенная досада актера, которому испортили эффектный выходъ.

Продолжая придерживать аптекаря у конторки, Тартаренъ тихо проговорилъ:

— Безюке, насъ никто не слышитъ?

— Д... да, конечно... — отвѣтилъ аптекарь, озираясь кругомъ въ безотчетномъ страхѣ. — Паскалонъ спитъ (Паскалонъ — его ученикъ), мамаша тоже... Да что такое?

— Завройте ставни, — скомандовалъ Тартаренъ, не отвѣчая на вопросъ. — Насъ могутъ

увидать съ улицы.

Безюке повиновался, дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Будучи уже старымъ холостякомъ, онъ никогда въ жизни не разставался съ своею мамашей и до сѣдыхъ волосъ остался тихимъ и робкимъ, какъ дѣвушка, что отнюдь не гармонировало съ его грубымъ цвѣтомъ лица, толстыми губами, здоровеннымъ носомъ, огромными усами, со всею внѣшностью алжирскаго пирата прошедшаго столѣтія. Такія противорѣчія часто встрѣчаются въ Тарасконѣ, гдѣ головы удержали рѣзкія характерныя особенности римскихъ и сарацинскихъ типовъ, въ то время какъ ихъ обладатели заняты самыми безобидными промыслами и ведутъ тихую жизнь: люди съ физіономіями сподвижниковъ Пизаро торгуютъ въ мелочной лавочкѣ и мечутъ пламя страшными глазами изъ-за того, чтобы продать нитокъ на двѣ копѣйви, а Безюке, съ лицомъ разбойника Варварійскаго берега, наклеиваетъ ярлычки на коробочки съ лакрицей и на пузырьки съ siropus gummi. Когда ставни были закрыты, задвижки заперты и поперечные засовы задвинуты, Тартаренъ заговорилъ:

— Слушайте, Фердинандъ! — и тутъ онъ выложилъ все, что было у него на сердцѣ, высказалъ все негодованіе, которое въ немъ возбуждала

неблагодарность согражданъ, передалъ обо всѣхъ низкихъ подкопахъ оружейника, указалъ на недостойную штуку, которую ему готовили на выборахъ, и открылъ, наконецъ, то средство, которымъ онъ разсчитывалъ поразить недруговъ. Но, прежде всего, надо все это держать въ строгой тайнѣ до поры до времени, и открыть секретъ лишь тогда, когда это окажется необходимымъ для успѣха дѣла, если только какой-нибудь несчастный случай, всегда возможный, конечно, какая-нибудь ужасная катастрофа...

— Да перестаньте вы, Безюке, высвистывать, когда я говорю о серьезномъ дѣлѣ!

Молчаливый отъ природы (большая рѣдкость въ Тарасконѣ), аптекарь имѣлъ, дѣйствительно, слабость сопѣть съ присвистомъ прямо въ лицо собесѣднику при самыхъ важныхъ разговорахъ. За молчаливость Тартаренъ выбралъ аптекаря повѣреннымъ своей тайны, а этотъ вѣчный свистъ звучалъ въ такую минуту какъ бы неумѣстною насмѣшкой. Нашъ герой намекалъ на возможность трагической смерти; передавая аптекарю конвертъ съ траурною печатью, онъ торжественно говорилъ:

— Тутъ мое завѣщаніе, Безюке... Васъ я избралъ моимъ душеприкащикомъ, исполнителемъ моей

посмертной воли...

— Фю-фюитъ... фю-фюить... фю-фюить... — посвистывалъ, между тѣмъ, аптекарь, хотя и былъ въ глубинѣ души сильно взволнованъ и хорошо понималъ всю важность выпадающей ему роли.

Минута отъѣзда приблизилась, и онъ на прощанье предложилъ выпить за успѣхъ предпріятія — «чего-нибудь хорошенькаго... стаканчикъ элексира Garus». Поискавши въ нѣсколькихъ шкафахъ, Безюке вспомнилъ, что элексиры и настойки заперты у мамаши. Приходилось разбудить ее и поневолѣ сказать, кто пришелъ въ такую позднюю пору. Рѣшено было замѣнить элексиръ калабрскимъ сиропомь, невиннымъ лѣтнимъ питьемъ, изобрѣтеннымъ самимъ Безюке. Въ газетѣ Форумъ онъ давно уже помѣщалъ такое объявленіе объ этомъ сиропѣ: «Sirop de Calabre, dix sols la bouteille, verre compris». Чертовски злой и завистливый ко всякому успѣху, Костекальдъ подло перенначилъ это по-своему и говоритъ: «Sirop de cadavre, vers compris» [4]. Впрочемъ, эта отвратительная игра словъ только усилила продажу и тарасконцы въ восторгѣ отъ

---

[4] Примечания: 4

Непередаваемая игра сіовъ; въ объяніеніи значится: "Калабрійскій сиропъ, десять су за бутылку, съ посудой". Ехидный Костекальдъ говоритъ: "Трупный сиропъ съ червями".

этого «sirop de cadavre».

Чокнулись, выпили, обмѣнялись еще нѣсколькими словами и обнялись. Безюке засвисталъ еще сильнѣе и оросилъ слезами огромные усы.

— Ну, прощай... прощай! — рѣзко проговорилъ Тартаренъ, чувствуя, что и у него подступаютъ слезы къ глазамъ, и поспѣшилъ выйти.

Но такъ какъ наружная дверь была заперта, то нашему герою пришлось пройти черезъ дворъ и выползть въ подворотню на брюхѣ. То было уже началомъ путевыхъ испытаній.

Три дня спустя Тартаренъ вышелъ изъ вагона въ Вицнау, у подошвы Риги. Онъ избралъ Риги для своего перваго дебюта, отчасти вслѣдствіе небольшой высоты этой горы (1,800 метровъ, приблизительно въ десять разъ выше тарасконской Mont-Terrible), а также и потому, что съ ея вершины открывается чудная панорама бернскихъ Альпъ, тѣснящихся вокругъ живописныхъ озеръ. Отсюда путникъ можетъ выбрать любую вершину и намѣтить ее своею киркой.

Опасаясь быть узнаннымъ дорогой и, чего добраго, быть выслѣженнымъ врагами, — онъ имѣлъ слабость думать, что во всей Франціи онъ такъ же извѣстенъ и популяренъ, какъ у себя въ Тарасконѣ;- Тартаренъ направился не прямо въ

Швейцарію, а пустился въ объѣздъ и лишь на границѣ нацѣпилъ на себя все свое альпійское снаряженіе. Это онъ, впрочемъ, хорошо сдѣлалъ, такъ какъ едва ли бы смогъ въ такомъ видѣ пролѣзать въ вагоны французскихъ дорогъ. Но, при всемъ просторѣ и удобствѣ швейцарскихъ вагоновъ, нашъ алъпинистъ, обвѣшанный своими инструментами, къ которымъ не успѣлъ еще и привыкнуть, на каждомъ шагу давилъ ноги пассажировъ то киркою, то альпенштокомъ, зацѣплялъ на ходу людей желѣзными крючками, и повсюду, куда входилъ, — на станціяхъ, въ отеляхъ, на пароходахъ, — вызывалъ всеобщее смятеніе и громко выражаемое неудовольствіе. Всѣ отъ него сторонились, всѣ окидывали его непріязненными взглядами, которыхъ онъ не могъ себѣ объяснить. Его благодушная и сообщительная натура не мало выстрадала отъ такого отчужденія. А тутъ еще, какъ бы нарочно, чтобы доканать его, небо покрылось сѣрыми сплошными тучами и полилъ непрерывающійся дождь.

Дождь лилъ въ Балѣ и помогалъ служанкамъ обмывать бѣлые и безъ того чистенькіе домики; лилъ онъ въ Люцернѣ на сундуки и чемоданы, придавая имъ видъ пожитковъ, спасенныхъ послѣ кораблекрушенія; лилъ изъ Вицнау на берегу

озера Четырехъ Кантоновъ, лилъ на зеленыхъ силонахъ Риги, надъ которыми ползли черныя тучи, струился мутными потоками вдоль скалъ, рокоталъ разсыпчатыми каскадами, тяжелыми каплями падалъ съ каждаго камня, съ каждаго хвоя сосны. Тарасконецъ во всю жизнь свою не видалъ столько воды.

Онъ зашелъ въ трактиръ, спросилъ кофе со сливками, меда и масла. Подкрѣпивши силы, онъ рѣшилъ тутъ же, не откладывая, предпринять свое первое восхожденіе на Альпы.

— А скажите, — заговорилъ онъ, навьючивая на себя пожитки, — во сколько времени доберусь я до вершины Риги?

— Въ часъ или въ часъ съ четвертью; только поторопитесь: поездъ отходитъ черезъ пять минутъ.

— Поѣздъ — на Риги!... Что за вздоръ!...

Въ тусклое окно трактира ему указали на отходящій поѣздъ. Локомотивъ съ короткою и толстопузою трубой толкалъ впереди себя два крытыхъ вагона безъ стеколъ въ окнахъ, и, словно какое-то чудовищное насѣкомое, прицѣпившееся къ горѣ, карабкался по ужасающимъ крутизнамъ. Оба Тартарена, и «молодчина», и животолюбивый тарасконецъ, одновременно возстали противъ

столь отвратительнаго механическаго способа подниматься на горы. «Молодчина» находилъ смѣшнымъ лазить по Альпамъ въ вагонѣ съ паровозомъ; что же касается другаго Тартарена, то въ немъ висящіе въ воздухѣ мосты съ перспективою паденія съ высоты 1,000 метровъ, при малѣйшемъ сходѣ съ рельсовъ, вызывали рядъ размышленій на весьма печальные мотивы, оправдываемые видомъ маленькаго вицнаускаго кладбища, бѣлыя могилки котораго у подножія ската казались сверху бѣльемъ, разложеннымъ на дворѣ прачешной. Очевидно, это кладбище тутъ не даромъ, а приспособлено на всякій случай, чтобы не далеко было таскать путешественниковъ.

— Нѣтъ, ужь я лучше на собственныхъ ногахъ, — разсудилъ храбрый тарасконецъ, — надо же привыкать…

И онъ пустился въ путь, стараясь на первыхъ порахъ не ударить лицомъ въ грязь умѣньемъ управляться съ альпенштокомъ передъ сбѣжавшимся трактирнымъ персоналомъ, кричавшимъ ему, куда идти и гдѣ свернуть. Никого и ничего не слушая, альпинистъ пошелъ прямо въ гору по дорогѣ, усыпанной крупнымъ и острымъ щебнемъ и окаймленной сосновыми желобами для стока дождевой воды. Справа и слѣва тянулись большіе

фруктовые сады, сочные луга, изрѣзанные оросительными деревянными водопроводами. Теперь всѣ они рокотали переполнявшею ихъ водой. Всякій разъ, когда альпинистъ задѣвалъ своею киркой за нависшія вѣтви деревъ, его обдавало, какъ изъ спрыска садовой лейки.

— Господи Боже, сколько воды! — вздыхалъ житель благодатнаго юга. Но его дѣло стало еще хуже, когда щебенка вдругъ исчезла на дорогѣ, и пришлось шагать прямо по водѣ, перепрыгивать съ камня на камень, чтобы не промочить гетровъ. А дождь лилъ все такъ же упорно, становился все холоднѣе и уже начиналъ забираться за шею путника. Мимо его проходили мужчины, дѣти, съ низко опущенными головами, съ согнутыми спинами подъ тяжестью плетеныхъ корзинъ, въ которыхъ они разносили провизію по вилламъ и пансіонамъ, разбросаннымъ въ полу-горѣ. «Риги-Кульмъ?» — спрашивалъ Тартаренъ, желая удостовѣриться, по той ли онъ идетъ дорогѣ. Но его необычайное снаряженіе и, въ особенности, вязанный «passe-montagne», закрывающій почти все лицо, вселяли во всѣхъ такой ужасъ, что прохожіе боязливо озирались и ускоряли шагъ, не отвѣчая на вопросъ.

Скоро прекратились и эти встрѣчи. Послѣд-

нимъ живымъ существомъ на этомъ тяжеломъ пути была старуха, что-то полоскавшая въ водосточномъ желобѣ, укрывшись отъ дождя подъ огромнымъ зонтомъ, воткнутымъ въ землю.

— Риги-Кульмъ? — спросилъ альпинистъ.

Старуха подняла идіотское лицо, подъ которымъ висѣлъ зобъ величиною съ большой колокольчикъ, привязываемый на шею швейцарской коровѣ, долго всматривалась въ удивительнаго путника, потомъ разразилась неудержимымъ хохотомъ, растянувшимъ ей ротъ до ушей. Маленькіе глаза совсѣмъ исчезли въ складкахъ окружавшихъ ихъ морщинъ; но лишь только она опять ихъ открывала, видъ стоящаго передъ нею Тартарена во всемъ его вооруженіи, казалось, удвоивалъ ея глупую смѣшливость.

— Ахъ, лопни ты совсѣмъ! — выругался Тартаренъ. — Счастлива ты, что баба, не то бы…

Пылая гнѣвомъ, онъ зашагалъ дальше и сбился съ дороги въ мелкомъ ельникѣ. Его ноги скользили и разъѣзжались по влажному моху. Измѣнился и окружавшій его лейзажъ, — не стало ни тропинки, ни деревьевъ, ни пастбищъ. Передъ нимъ высылись унылыя голыя скалы, да каменистые обрывы, на которые приходилось взбираться на четверенькахъ, чтобы не упасть,

Рытвины были полны желтою грязью, и онъ осторожно переходилъ ихъ, ощупывая впереди альпенштокомъ. Чуть не каждую минуту онъ смотрѣлъ на маленькій компасъ, висѣвшій на цѣпочкѣ его часовъ; но потому ли, что онъ забрался слишкомъ высоко, или вслѣдствіе рѣзкаго измѣненія температуры, стрѣлка вертѣлась безъ толку, точно сумасшедшая. Густой желтый туманъ лишалъ возможности опредѣлить на глазъ направленіе, которому слѣдовало держаться. Мелкая гололедка дѣлала подъемъ съ каждымъ шагомъ все труднѣе и опаснѣе. Вдругъ Тартаренъ остановился; земля какъ бы смутно забѣлѣла впереди... Теперь береги только глаза!... Очевидно, начинался поясъ вѣчныхъ снѣговъ...

Тотчасъ же нашъ путникъ вынулъ свои очки изъ футляра и плотно ихъ надѣлъ. Минута была торжественная. Немного взволнованному тарасконцу казалось, что онъ однимъ скачкомъ поднялся на тысячу метровъ, къ недосягаемымъ высотамъ и великимъ опасностямъ. Онъ сталъ подвигаться съ большими предосторожностями, воображая, что вотъ-вотъ сейчасъ наткнется на трещины и разсѣлины, о которыхъ читалъ въ книгахъ. Въ глубинѣ души онъ проклиналъ обитателей трактира, посовѣтовавшихъ ему идти

все прямо и отпустившихъ его безъ проводника. Да ужъ чего добраго, не ошибся ли онъ горой! Онъ идетъ больше шести часовъ, тогда какъ подняться на Риги можно въ три часа времени. Подулъ холодный вѣтеръ и закружилъ снѣжною метелью въ потемнѣвшемъ воздухѣ.

Его застигла ночь. Гдѣ бы найти какую-нибудь лачугу, хоть навѣсъ скалы, чтобъ укрыться отъ непогоды? Вдругъ онъ увидалъ прямо передъ собою нѣчто вродѣ деревяннаго садоваго павильона съ огромною вывѣской, на которой съ трудомъ разобралъ: «Фо…то…гра…фія… Ри…ги…Кульмъ». Въ ту же минуту показался громадный отель съ тремя стами оконъ и съ праздничнымъ освѣщеніемъ подъѣзда только что зажигавшимися фонарями.

III

— Què̀s aco?... Кто идетъ?... Что тамъ?... — выкрикивалъ Тартаренъ, напряженно прислушиваясь и вглядываясь въ темноту широко раскрытыми глазами.

Изъ корридоровъ слышались шумъ бѣготни, хлопанья дверей, суета какая-то, крики: «Скорѣй... скорѣй!...» Снаружи доносились какъ будто призывцые звуки трубы, а сквозь оконныя сторы просвѣчивали вспышки яркаго свѣта...

Пожаръ!...

Черезъ полминуты Тартаренъ былъ на ногахъ, обутъ, одѣтъ, и уже несся съ лѣстницы, на которой еще горѣлъ газъ и толпился шумливый рой миссъ въ наскоро надѣтыхъ шапочкахъ, въ зеленыхъ шаляхъ, шерстяныхъ косынкахъ, — въ томъ, что второпяхъ попалось подъ руку.

Тартаренъ мчался, какъ вихорь, всѣхъ расталкивалъ и, чтобы подбодрить себя и успокоить дамъ, оралъ во все горло: «Хладнокровіе!... прежде всего необходимо хладнокровіе!» Онъ вопилъ это такимъ неистовымъ голосомъ, какимъ человѣкъ можетъ кричать только въ бреду и наводить

ужасъ на людей самаго неробкаго десятка. А каковы же эти юныя миссъ!... Онѣ только хихикаютъ да пересмѣиваются, глядя на него. Нашли время смѣяться! Впрочемъ, онѣ еще не понимаютъ серьезнаго значенія опасности, — имъ все нипочемъ.

За ними шелъ старый дипломатъ въ костюмѣ, оставлявшемъ желать нѣсколько большей законченности. На немъ было пальто, изъ-подъ котораго выглядывали бѣлые кальсоны и кончики тесемокъ.

Наконецъ-то мужчина!... Тартаренъ бросился къ нему, махая руками:

— Ахъ, господинъ баронъ, какая бѣда-то? Вы не знаете ли... гдѣ, по крайней мѣрѣ... съ чего занялось?

— А? Что?... Съ чего?... — лепеталъ совсѣмъ ошалѣвшій баронъ, не понимая ни слова.

— Да, вѣдь, горитъ...

— Что горитъ?

У несчастнаго дипломата былъ такой растерянный и несчастный видъ, что Тартаренъ оставилъ его и кинулся къ выходу «организовать помощь».

— Помощь... помощь!...- твердилъ баронъ, а за нимъ пять или шесть заспанныхъ слугъ,

дремавшихъ, стоя, въ прихожей. — Помощь! — повторяли они, дико переглядываясь и ничего не понимая.

Съ первыхъ же шаговъ на крыльцѣ Тартаренъ увидалъ, что ошибся. Нигдѣ ни признака пожара. Холодъ смертельный, ночь — хоть глазъ выколи; нѣсколько смоляныхъ факеловъ тамъ и сямъ слабо разгоняютъ мракъ, кидая на снѣгъ свой красноватый отблескъ. У нижней ступеньки подъѣзда какой-то старикъ жалобно дудитъ въ альпійскій рогъ, которымъ сзываютъ коровъ въ горахъ, а на Риги-Кульмъ будятъ любителей солнечнаго восхода и возвѣщаютъ скорое появленіе дневнаго свѣтила. Увѣряютъ, будто первый отблескъ его загорается на вершинѣ горы позади отеля. Чтобы не ошибиться дорогой, Тартарену стоило только держаться того направленія, въ которомъ слышались веселые голоса смѣшливыхъ миссъ. Онъ шелъ тише другихъ, разнѣженный сномъ и порядочно утомленный вчерашнимъ шестичасовымъ восхожденіемъ на Риги…

Востокъ обозначился бѣлесоватою полосой; ея появленіе привѣтствовали новыя завыванія альпійскаго рога и довольные вздохи, которые мы слышимъ въ театрахъ при звонкѣ къ поднятію занавѣса. Сначала едва замѣтная, какъ щель

отъ неплотно прижатой крышки, эта полоса ширилась и разросталась на горизонтѣ. Но, въ то же время, снизу, изъ долины, ползъ въ гору сѣровато-желтый туманъ и становился все гуще по мѣрѣ того, какъ разгорался день. Скоро туманъ легъ непроницаемою завѣсой между публикой и ожидаемымъ зрѣлищемъ. Приходилось отказаться отъ созерцанія величественныхъ картинъ, обѣщанныхъ Путеводителями.

Тѣмъ не менѣе, были люди, которымъ особенно пылкое воображеніе помогало различать далекія вершины. Какой-то долговязый малый, въ клѣтчатомъ ульстерѣ до пятъ, окруженный многочисленными дочерьми перувіянскаго генерала, пресерьезно указывалъ на невидимую панораму Бернскихъ Альпъ и громко называлъ горы, скрытыя туманомъ.

— Вонъ, смотрите, налѣво Финстераархорнъ — четыре тысячи двѣсти семьдесятъ пять метровъ… А тутъ Шрекхорнъ, вотъ Веттерхорнъ, Юнгфрау… прошу дамъ обратить вниманіе на ея прелестныя очертанія…

— Ба!… Ну, признаюсь… Вотъ такъ нахалъ! Вретъ какъ по писанному, — проговорилъ про себя Тартаренъ. — А, вѣдь, голосъ-то какъ будто знакомый, — добавилъ онъ, подумавши съ

секунду.

Въ особенности ему знакомъ былъ южный акцентъ, распознать который такъ же легко, какъ запахъ чеснока. Холодъ, однако, давалъ себя знать не на шутку, и скоро на закутанной снѣжнымъ саваномъ и густымъ туманомъ площадкѣ не осталось никого, кромѣ Тартарена да старика, продолжавшаго уныло и безцѣльно гудѣть въ свой огромный рогъ. На его тирольской шляпѣ, какъ на фуражкахъ всей ярислуги отеля, красовалась надпись золочеными буквами: Regina montium. Тартаренъ подошелъ къ нему дать на водку, какъ дѣлали другіе туристы.

— Пойдемъ-ка спать, старина, — сказалъ онъ, похлопывая старика по плечу съ своею обычною тарасконскою фамильярностью. — И здорово только у васъ врутъ тутъ насчетъ солнцато!

А старикъ, не отрываясь отъ уродливой трубы, все выводилъ свои три неизмѣнно унылыя ноты и посмѣивался про себя.

За обѣдомъ Тартарена ждало новое разочарованіе; рядомъ съ нимъ на мѣстѣ хорошенькой блондинки, «Амуромъ завитой въ кудри золотыя», сидѣла старая англичанка съ индюшечьей шеей и въ длинныхъ локонахъ. Кто-то по близости говорилъ, что молодая дѣвушка и ея спутники

уѣхали съ однимъ изъ первыхъ утреннихъ поѣздовъ.

— Cré nom! вотъ такъ незадача... — громко проговорилъ итальянскій теноръ, такъ рѣзко заявившій Тартарену наканунѣ, что не понимаетъ по-французски. Должно быть, за ночь выучился! Теноръ вскочилъ, бросилъ салфетку и выбѣжалъ вонъ, оставляя нашего тарасконца въ полномъ недоумѣніи. Кромѣ его, изъ вчерашняго общества не было уже ни души. Такъ всегда въ отелѣ Риги-Кульмъ, гдѣ никто не остается дольше сутокъ. Не мѣняется только внѣшній видъ да соусники, красующіебя на столѣ и раздѣляющіе общество на два враждебные лагеря. На этотъ разъ численный перевѣсъ былъ на сторонѣ «рисовыхъ», и «черносливные», — какъ говорится, — «обрѣтались не въ авантажѣ».

Не приставая ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, Тартаренъ не дождался момента явнаго заявленія принадлежности къ опредѣленному лагерю. ушелъ въ свою комнату, спросилъ счетъ и собрался въ дальнѣйшій путь. Довольно... въ другой разъ его уже не заманятъ на эту Regina montium съ ея табль-д'отомъ глухо-нѣмыхъ. Какъ только онъ опять снарядился во всю свою сбрую и взялъ въ руки кирку, такъ съ новою силой его охватила

страсть къ восхожденіямъ, но только — къ настоящимъ «восхожденіямъ», на настоящія горы, на которыхъ нѣтъ ни подъемныхъ машинъ, ни фотографій на вершинахъ. Его затруднялъ лишь выборъ между болѣе высокимъ Финстераархорномъ и болѣе знаменитою Юнгфрау, дѣвственное имя которой невольно приводило ему на память бѣлокурую застольную сосѣдку.

Пока изготовляли счетъ, онъ занялся разсматриваніемъ большихъ раскрашенныхъ фотографій, висящихъ на стѣнахъ мрачной, погруженной въ невыносимое молчаніе прихожей. На нихъ были изображены ледники, снѣговые скаты, знаменитые и опасные глетчеры; на одной — путешественники подвигаются гуськомъ по острому ледяному хребту; на другой — бездонная трещина съ перекинутою черезъ нее лѣстницей, по которой ползкомъ, на колѣняхъ, перебирается какая-то дама, за нею католическій патеръ въ высоко подхваченной рясѣ. Тарасконскій альпинистъ не имѣлъ до сихъ поръ ни малѣйшаго представленія о подобныхъ трудностяхъ. А теперь уже ничего не подѣлаешь, — хочешь-нехочешь — полѣзай!

Вдругъ онъ страшно поблѣднѣлъ... Передъ нимъ была въ черной рамѣ гравюра съ извѣст-

наго рисунка Густава Доре, воспроизведшаго катастрофу на mont Gervin: четыре человѣка, кто ничкомъ, кто навзничь, стремглавъ летятъ внизъ чуть не по отвѣсной покатости, отчаянно хватаясь руками, тщетно стараясь удержаться за что-нибудь; веревка оборвалась, но между собою они ею все-таки, связаны, — связаны на вѣрную смерть, которая ждетъ ихъ на днѣ пропасти, куда они упадутъ безформенною грудой обезображенныхъ тѣлъ, вмѣстѣ съ своими кирками, зелеными вуалями и всѣмъ красивымъ снаряженіемъ горныхъ туристовъ.

— Вотъ такъ штука! — громко проговорилъ тарасконецъ, не помня себя отъ ужаса.

Отмѣнно вѣжливый метръд'отель услыхалъ это восклицаніе и счелъ своимъ долгомъ успокоить альпиниста. Съ каждымъ годомъ подобныя несчастія становятся все рѣже и рѣже; необходимо, конечно, быть очень осмотрительнымъ, а главное — запастись хорошимъ проводникомъ.

Тартаренъ спросилъ, не возьмется ли онъ рекомендовать ему такого, да поблагонадежнѣе... Онъ — это не изъ страха, разумѣется, а, все-таки, лучше имѣть при себѣ вѣрнаго человѣка.

Молодой человѣкъ призадумался на минуту, съ важнымъ видомъ и крутя бакенбарды: «По-

благонадежнѣе... Жаль, вы раньше не сказали; былъ у насъ такой человѣкъ сегодня утромъ; какъ разъ бы годился вамъ... посыльный одного перувіянскаго семейства».

— А горы знаетъ? — дѣловито спросилъ Тартаренъ.

— О, monsieur, знаетъ... всѣ горы знаетъ... и Швейцарскія, и Савойскія, и Тирольскія, и Индѣйскія, — всѣ горы въ мірѣ знаетъ, всѣ обошелъ, наизусть выучилъ, разсказываетъ безъ запиночки... Лучше трудно найти. Я думаю, что онъ охотно согласился бы. Съ такимъ человѣкомъ ребенка отпустить не страшно...

— Гдѣ онъ? Нельзя ли разыскать?

— Теперь въ Кальтбадѣ, поѣхалъ подготовить помѣщеніе для своихъ туристовъ... Мы ему телефонируемъ.

Телефонъ — на Риги! Мѣра переполнилась. Тартаренъ уже больше ничему не удивлялся.

Через пять минутъ ему сообщили отвѣтъ: посыльный перувіянскаго генерала уѣхалъ въ Тельсплаттъ, гдѣ, вѣроятно, заночуетъ. Тельсплаттъ — это одна изъ многихъ часовенъ, воздвигнутыхъ швейцарцами въ память Вильгельма Теля. Туда направлялись толпы путешественниковъ посмотрѣть стѣнную живопись, которую въ то

время оканчивалъ одинъ извѣстный художникъ. На пароходѣ можно доѣхать въ часъ, много въ полтора. Тартаренъ ни на минуту не задумался. Ему, правда, приходилось потерять цѣлый день, но за то представлялся случай почтить память Вильгельма Теля, одного изъ любимѣйшихъ героевъ тарасконца; къ тому же, его влекла надежда догнать удивительнаго проводника и уговорить отправиться вмѣстѣ на Юнгфрау.

Сказано — сдѣлано. Онъ наскоро расплатился по счету, въ которомъ и закатъ, и восходъ солнца были причтены особою графой, рядомъ съ свѣчкой и прислугой. На этотъ разъ Тартаренъ направился уже на желѣзнодорожную станцію, не желая терять напрасно времени на спускъ съ Риги пѣшкомъ... Слишкомъ много будетъ чести для этой горки съ ея усовершенствованными приспособленіями.

IV

На Риги-Кульмъ лежалъ сплошной снѣгъ, а внизу, на озерѣ, лилъ опять сплошной дождь, мелкій, частый, почти безформенный, какъ сгущенный туманъ, сквозь который едва виднѣлись смутныя очертанія уходящихъ вдаль горъ, похожихъ на облака. Горный вѣтеръ бороздилъ озеро; чайки низко летали надъ водой, скользя крыльями по волнамъ. Можно было подумать, что находишься въ открытомъ морѣ. И Тартарену припомнился его отъѣздъ изъ Марсели, пятнадцать лѣтъ назадъ, на охоту за львами; припоминались ему и чудная синева безоблачнаго неба, и синее море съ его рябью волнъ, разсыпавшихся серебромъ и жемчугами, и звуки военныхъ рожковъ въ фортахъ, звонъ колоколовъ, веселый шумъ, блескъ солнца, радость, счастье, восторги перваго путешествія!

Какая противуположность съ этимъ отвратительнымъ сырымъ мракомъ, сквозь который, точно сквозь масляную бумагу, тамъ и сямъ мелькаетъ нѣсколько пассажировъ, закутанныхъ въ долгополые ульстеры, въ каучуковые плащи, а

тамъ назади чуть виднѣется неподвижная фигура рулеваго съ важнымъ и неприступнымъ видомъ, подъ вывѣскою, гласящею на трехъ языкахъ:

«Воспрещается говорить съ рулевымъ».

Совершенно лишнее «воспрещеніе», такъ какъ на Винкельридѣ никто не говорилъ ни съ кѣмъ, ни на палубѣ, ни въ салонахъ перваго и втораго классовъ, биткомъ набитыхъ изнывающими отъ тоски пассажирами. И здѣсь, какъ на Риги-Кульмъ, Тартаренъ страдалъ, приходилъ въ отчаянье не столько отъ дождя и холода, сколько отъ невозможности поговорить. Внизу онъ, правда, встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ лицъ: члена жокей-клуба съ племянницей (гмъ!... гмъ!..), академика Астье-Рею и профессора Шванталера, заклятыхъ враговъ, на цѣлый мѣсяцъ обреченныхъ не разставаться, по милости случайности, одновременно заковавшей ихъ въ круговой объѣздъ одного и того же антрепренера-возильщика по Швейцаріи; были тутъ и другіе изъ мимолетныхъ гостей Риги-Кульмъ. Но всѣ они дѣлали видъ, будто не узнаютъ тарасконца, довольно-таки замѣтнаго своимъ шлемовиднымъ головнымъ уборомъ, своими палками, крючка-

ми и веревками у пояса. Всѣ точно стыдились вчерашняго бала, того необъяснимаго увлеченія, которымъ съумѣлъ вдохновить ихъ этотъ толстый человѣкъ.

Одна только профессорша Шванталеръ подошла къ нему съ веселою улыбкой на кругломъ, розовомъ личикѣ, приподняла чуть-чуть юбочку двумя пальцами, какъ бы собираясь протанцовать минуэтъ, и заговорила: «Dansiren… walsiren… ошень карошъ»… Вспоминала ли живая толстушка прошлое веселье, или не прочь была опять покружиться подъ музыку, только отъ Тартарена она не отставала. И Тартаренъ, чтобъ отдѣлаться отъ нея, уходилъ на палубу, предпочитая измокнуть до костей, чѣмъ казаться смѣшнымъ.

А ужь и лило же только, и мрачно же было на небѣ! А тутъ еще, какъ бы для его вящаго омраченія, цѣлый отрядъ «Арміи Спасенія», — десятокъ толстыхъ дѣвицъ съ полуумнымиі лицами, въ муруго-голубыхъ платьяхъ и въ шляпахъ Greenaway, — забрался на пароходъ въ Бекенридѣ, столпился подъ тремя огромными красными зонтами и запѣлъ свои канты подъ аккомпаниментъ аккордеона, на которомъ игралъ длинный, полувысохшій господинъ съ безумными глазами. Никогда въ жизни Тартаренъ не

слыхивалъ такого нестройнаго пѣнія, такой тянущей за душу музыки. Въ Бруненѣ эта компанія сошла съ парохода, оставивши карманы туристовъ набитыми нравственно-поучительными брошюрами. И почти тотчасъ же, какъ смолкли звуки аккордеона и взвизгиванія несчастныхъ вопильщицъ, небо стало проясняться, на немъ показались голубые просвѣты.

Между тѣмъ, пароходъ вошелъ въ озеро Ури, со всѣхъ сторонъ стѣсненное громадами дикихъ горъ; справа, у подножія Зеелисберга, показалось Грютлійское поле, на которомъ Мельхталь, Фюрстъ и Штауффахеръ дали клятву освободить свое отечество. Глубоко взволнованный Тартаренъ благоговѣйно обнажилъ голову, не обращая вниманія на недоумѣніе окружающихъ, и даже трижды помахалъ фуражкой, чтобы тѣмъ почтить память героевъ. Нѣкоторые изъ пассажировъ не сообразили, въ чемъ дѣло, и, принявши на свой счетъ поклоны тарасконца, вѣжливо съ нимъ раскланялись.

Хриплый свистокъ нѣсколько разъ повторился эхомъ близко стѣснившихся горъ. Дощечка на палубѣ, возвѣщавшая пассажирамъ названіе станціи, гласила на этотъ разъ: Тельсплаттъ.

Пріѣхали.

Часовыя находится въ разстояніи пяти минутъ ходьбы отъ пристани, на самомъ берегу озера и на той самой скалѣ, на которую Вильгельмъ Тель выпрыгнулъ во время бури изъ лодки Геслера. Необыкновенно радостное чувства охватило Тартарена, когда онъ ступилъ на эту историческую почву, припоминая и переживая мысленно главнѣйшіе эпизоды великой драмы, которую онъ зналъ такъ же хорошо, какъ свою собственную исторію. Вильгельмъ Тель былъ всегда его любимымъ типомъ. Когда въ аптекѣ Безюке затѣвалась игра въ «кто что любитъ» и каждый изъ участниковъ писалъ на бумажкѣ имя поэта, названіе дерева, запаха, имя любимаго героя и предпочитаемой женщины, — на одной изъ записокъ неизмѣнно прочитывалось:

«Любимое дерево — боабабъ.

„Запахъ — пороха.

„Писатель — Фениморъ Куперъ.

"Чѣмъ бы хотѣлъ быть? — Вильгельмомъ Телемъ".

Все общество въ аптекѣ единогласно восклицало: "Это Тартаренъ!"

Какимъ же счастьемъ забилось его сердце, и какъ сильно оно забилось передъ часовней, воздвигнутою на вѣчную память о благодарности

цѣлаго народа! Восторженному тарасконцу уже представлялось, что вотъ-вотъ сейчасъ самъ Вильгельмъ Тель съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ отворитъ ему дверь.

— Войти нельзя... я работаю... сегодня не пріемный день... — раздался изнутри громкій голосъ, усиленный еще резонансомъ свода.

— Monsieur Астье-Рею, членъ французской академіи...

— Herr докторъ-профессоръ Шванталеръ...

— Тартаренъ изъ Тараскона!...

Въ стрѣльчатомъ окнѣ надъ порталомъ показался художникъ въ блузѣ и съ палитрой въ рукахъ.

— Мой famulus [5] идетъ отпирать вамъ, господа, — сказалъ онъ почтительнымъ тономъ.

"То-то... иначе и быть не могло, — подумалъ Тартаренъ. — Мнѣ стоило только сказать свое имя..."

Тѣмъ не менѣе, онъ, изъ деликатности, уступилъ дорогу и вошелъ послѣднимъ.

Художникъ, красивый, рослый малый съ цѣ-

---

[5] Примечания: 5

Famulus — мальчикъ, ученикъ и прислужникъ. Въ немецк. университетахъ названіемъ "фамулюсъ" обозначаютъ иногда студентовъ, спеціально занимающихся при профессорѣ въ лабораторіи, иногда — ассистентовъ при знаменитыхъ врачахъ.

лою гривой золотистыхъ волосъ, придававшихъ ему видъ артиста эпохи Возрожденія, встрѣтилъ ихъ на приставной лѣстницѣ, ведущей на подмостки, устроенные для расписыванія верхняго яруса часовни. Фрески, изображающія главные эпизоды изъ жизни Вильгельма Теля, были уже окончены, кромѣ одного, воспроизводящаго сцену съ яблокомъ на площади Альторфа. Надъ нею еще работалъ художникъ, причемъ его "фамулусъ", — какъ онъ выговаривалъ, — съ прическою херувима, съ голыми ногами и въ средневѣковомъ костюмѣ, позировалъ для фигуры сына Вильгельма Теля.

Всѣ архаическія личности, написанныя на стѣнахъ, пестрѣющія красными, зелеными, желтыми, голубыми костюмами, изображенныя больше чѣмъ въ натуральную величину, въ тѣсномъ пространствѣ старинныхъ стрѣльчатыхъ очертаній постройки, и разсчитанныя на то, чтобы зритель видѣлъ ихъ снизу, вблизи производили на присутствующихъ довольно плачевное впечатлѣніе; но посѣтители пришли съ тѣмъ, чтобы восхищаться, и, разумѣется, восхищались. Съ тому же, никто изъ нихъ ровно ничего не понималъ въ живописи.

— Я нахожу это необычайно характернымъ, —

торжественно заявилъ Астье-Рею, стоя съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

Чтобы не отстать отъ француза, и Шванталеръ, съ складнымъ стуломъ подъ мышкой, продекламировалъ два стиха Шиллера, изъ которыхъ добрая половина увязла въ его шершавой бородѣ. Дамы, въ свою очередь, начали восторгаться, и съ минуту подъ стариннымъ сводомъ только и было слышно:

— Schön… oh! schön!…

— Yes… lavely…

— Exquis… délicieu…

Со стороны можно было подумать, что находишься въ лавкѣ пирожника. Вдругъ, среди благоговѣйной тишины, точно звукъ трубы, загремѣлъ чей-то голосъ:

— Никуда не годится! Я вамъ говорю — прицѣлъ не вѣренъ… Такъ не стрѣляютъ изъ лука…

Можно себѣ представить, какъ былъ пораженъ художникъ, когда необычайный альпинистъ, размахивая своимъ багромъ, съ киркой на плечѣ, рискуя изувѣчить присутствующихъ, доказалъ, какъ дважды-два — четыре, что Вильгельмъ Тель не могъ цѣлить изъ лука, какъ изображено на картинѣ.

— Да вы-то кто такой?

— Какъ — кто я такой? — воскликнулъ озадаченный тарасконецъ.

Такъ, стало быть, не передъ его именемъ открылась запретная дверь!... И, выпрямившись во весь ростъ, гордо поднявши голову, онъ выпалилъ:

— Кто я?... Спросите мое имя у пантеръ Саккара, у львовъ Атласскихъ горъ, — они, быть можетъ, вамъ за меня отвѣтятъ.

Всѣ отодвинулись подальше, — всѣмъ стало жутко.

— Позвольте, однако, — заговорилъ художникъ, — въ чемъ же вы нашли неправильность?

— А вотъ въ чемъ, — смотрите на меня! Тартаренъ притопнулъ два раза ногой такъ, что съ пола поднялась пыль столбомъ, перехватилъ лѣвою рукой свою кирку, прижалъ ея конецъ къ плечу и замеръ въ позѣ стрѣлка.

— Превосходно! Чудесно!... Онъ правъ... Стойте такъ, не шевелитесь...

Потомъ, обращаясь къ мальчику, художникъ крикнулъ:

— Скорѣй, картонъ... карандаши!

На самомъ дѣлѣ тарасконецъ такъ и просился на картину, — коренастый, широкоплечій, съ наклоненною головой, до половины ушедшій въ шлемовидный passe-montagne, съ пылающимъ

взоромъ, прицѣливающимся въ дрожащаго отъ страха ученика. О, чудо воображенія! Онъ взаправду былъ увѣренъ, что стоитъ на Альторфской площади, что въ дѣйствительности цѣлитъ въ родное дитя, котораго у него никогда не бывало, имѣя при себѣ запасную стрѣлу, чтобъ убить злодѣя своей родины. И его убѣжденіе было такъ сильно, что сообщилось всѣмъ присутствующимъ.

— Это онъ... Вильгельмъ Тель! — повторялъ художникъ, сидя на скамейкѣ и лихорадочною рукой набрасывая эскизъ на картонъ.

— Ахъ, государь мой, какъ жаль, что я не зналъ васъ раньше! Съ васъ бы я написалъ моего Вильгельма Теля.

— Неужели? Такъ вы находите сходство? — сказалъ польщенный Тартаренъ, не измѣняя позы.

Да, художникъ именно такимъ представлялъ себѣ швейцарскаго героя.

— И голова... лицо похоже?

— О, это безразлично! — художникъ отодвигался и всматривался въ эсквзъ.

— Это не важно. Мужественное, энергичное выраженіе — вотъ все, что нужно, такъ какъ, собственно, о Вильгельмѣ Телѣ никто ничего не знаетъ, да, весьма вѣроятно, что онъ никогда и не

существовалъ въ дѣйствительности.

Отъ такой неожиданности Тартаренъ даже выронилъ изъ рукъ свой мнимый лукъ.

— Какъ такъ... никогда не существовалъ?... Да вы это какъ, вправду?

— Спросите у этихъ господъ...

— Это старая датская легенда, — авторитетно проговорилъ Астье-Рею.

— Исландская... — не менѣе важно заявилъ Шванталеръ.

— Саксо Граматикъ [6] разсказываетъ, что отчаянно-смѣлый стрѣлокъ по имени Тобе или Пальтаноке...

— Es ist in der Vilkinasaga geschrieben...

Вмѣстѣ: ...былъ приговоренъ датскимъ королемъ Гарольдомъ Голубозубымъ... ...dass der isländiche Könic Neding...

Не глядя другъ на друга и другъ друга не слушая, оба говорили разомъ, точно лекцію читали съ каѳедры, докторальнымъ и деспотическимъ тономъ профессоровъ, увѣренныхъ въ томъ, что возраженій не будетъ и быть не можетъ. Они горячились, кричали, приводили имена, числа... Мало-по-малу въ споръ приняли участіе

---

[6] Примечания: 6
Датскій историкъ; жилъ въ концѣ XII в., умеръ въ 1208 г.

всѣ посѣтители; всѣ кричали, махали складными стульями, зонтами, чемоданами. Несчастный художникъ, въ страхѣ за прочность подмостковъ, тщетно старался водворить миръ и согласіе. А когда буря улеглась и онъ хотѣлъ опять взяться за свой картонъ съ неоконченнымъ эскизомъ и сталъ разыскивать таинственнаго альпиниста, имя котораго могли ему сообщить одни только пантеры Саккара, да львы горъ Атласа, — альпиниста уже не было.

Въ страшномъ негодованіи онъ шагалъ по дорогѣ, окаймленной березами и буками, ведущей къ отелю Тельсплатта, гдѣ долженъ былъ заночевать посыльный перувіянца. Въ пылу нежданнаго разочарованія онъ громко разсуждалъ самъ съ собою и гнѣвно втыкалъ свой альпенштокъ въ размякшую отъ дождя землю.

Вильгельмъ Тель никогда не существовалъ! Вильгельмъ Тель — легенда! И это преспокойнымъ манеромъ говоритъ художникъ, взявшійся расписывать часовню Тельсплатта! Этого онъ не могъ простить живописцу, не могъ простить ученымъ, не могъ помириться съ нашимъ вѣкомъ отрицанія, разрушенія, нечестія, ничего не уважающаго — ни славы, ни величія... Стоитъ же совершать подвиги послѣ того!... Такъ лѣтъ черезъ

двѣсти-триста, когда зайдетъ рѣчь о Тартаренѣ, найдутся какіе-нибудь Астъ-Рею и Шванталеры и станутъ доказывать, что Тартарена никогда не было въ дѣйствительности, что Тартаренъ — провансальская или варварійская легенда! Онъ остановился, задыхаясь отъ негодованія и отъ кругаго подъема, и присѣлъ на скамью.

Отсюда сквозь вѣтви деревьевъ видно было озеро; бѣлыя стѣны часовни казались новенькимъ памятникомъ. Пароходные свистки и суета на пристани давали знать о прибытіи новыхъ посѣтителей. Они толпились на берегу съ Путеводителями въ рукахъ, благоговѣйно шли къ часовнѣ и разсказывали другъ другу легенду... И вдругъ, подъ вліяніемъ неожиданнаго скачка мысли, ему представилась комическая сторона дѣла. Вся исторія Швейцаріи построена на этомъ воображаемомъ героѣ; ему воздвигаютъ статуи, его памяти посвящены часовни на площадяхъ маленькихъ городковъ и въ музеяхъ большихъ; въ честь его устраиваются патріотическія торжества, на которыя собираются съ знаменами во главѣ представители всѣхъ кантоновъ, задаются банкеты, произносятся рѣчи, тосты, раздаются восторженные крики, проливаются потоки слезъ, — и все это ради великаго патріота, кото-

рый завѣдомо для всѣхъ никогда не существовалъ въ дѣйствительности...

А еще осмѣливаются говорить про Тарасконъ! Вотъ это такъ ужъ подлинно тарасконада, да такая, какой тамъ, въ Тарасконѣ, и въ голову никому не приходило выдумать!

Тартаренъ пришелъ опять въ хорошее настроеніе и быстро направился по большой флюеленской дорогѣ, на которой расположенъ отель Тельсплатта съ зелеными ставнями на длинномъ фасадѣ. Въ ожиданіи звонка въ обѣду, пансіонеры отеля бродили взадъ и впередъ передъ каскадомъ, обложеннымъ туфными камнями, по дорогѣ, обрытой канавами, и между лужами красноватой воды. Тартаренъ спросилъ о проводникѣ. Ему отвѣтили, что онъ кушаетъ.

— Ведите меня къ нему... — и это было сказано такимъ недопускающимъ возраженій тономъ, что, несмотря на явное нежеланіе обезпокоить столь важную особу, служанка повела альпиниста черезъ весь отель къ необыкновенному проводнику, кушавшему въ отдѣльной комнатѣ, выходящей окнами во дворъ.

— Милостивый государь, — заговорилъ Тартаресъ, — прошу извинить меня, если...

Онъ остановился озадаченный; въ то же время,

длинный и худой знаменитый проводникъ уронилъ на столъ ложку съ супомъ.

— Пэ! Monsieur Тартаренъ!

— Тэ! Бонпаръ!

Это былъ дѣйствительно Бонпаръ, содержавшій когда-то буфетъ въ тарасконскомъ клубѣ, славный малый, на бѣду одаренный такою болѣзненною фантазіей, что не могъ сказать ни одного слова правды, за что его прозвали въ Тарасконѣ лгуномъ. Можете себѣ представить, чего должно было стоить, чтобы прослыть лгуномъ въ Тарасконѣ! И это-то необыкновенный проводникъ, облазившій всѣ Альпы, Гималаи и даже горы на лунѣ!

— Да... ну, я понимаю... — сказалъ нѣсколько разочарованный Тартаренъ, но, все-таки, довольный встрѣчей съ землякомъ и возможностью услышать родной говоръ.

— Вотъ и чудесно, monsieur Тартаренъ, вы обѣдаете со мной, да?

Тартаренъ тотчасъ же согласился, предвкушая сладостъ бесѣды по душѣ за маленькимъ столикомъ съ двумя приборами, безъ поселяющихъ раздоры и вражду соусниковъ; онъ былъ радъ, что можетъ чокаться, говорить и ѣсть въ одно время, и ѣсть, притомъ, превосходныя вещи, хо-

рошо приготовленныя, такъ какъ трактирщики отлично угощаютъ проводниковъ и курьеровъ, кормятъ ихъ отдѣльно, подаютъ лучшія вина и отборныя блюда.

Тарасконскія рѣчи такъ и забили ключомъ.

— Такъ это я вашъ голосъ слышалъ сегодня ночью тамъ, на платформѣ Риги-Кульмъ?

— Э, конечно... Я барышнямъ показывалъ восходъ... А, вѣдь правда, необычайно поразителенъ восходъ солнца на Альпахъ?

— Восхитителенъ! — сказалъ Тартаренъ, сначала не особенно убѣжденнымъ тономъ, чтобы только не противорѣчить собесѣднику; но черезъ минуту онъ уже увлекся... И надо было только руками разводить, слушая, какъ два тарасконца на перерывъ восторгаются необыкновенными красотами природы, открывающимися съ Риги. Точь-въ-точь Жоанъ пополамъ съ Бедекеромъ.

По мѣрѣ того, какъ обѣдъ подвигался къ концу, разговоръ становился все задушевнѣе и откровеннѣе, доходилъ до нѣжныхъ изліяній, увлажавшихъ слезою блестящіе и живые провансальскіе глаза, не терявшіе даже въ минуты быстро приходящаго волненія своего нѣсколько шутливаго и насмѣшливаго выраженія. И чего-чего только не видалъ этотъ бѣдняга Бонпаръ съ

тѣхъ поръ, какъ покинулъ клубъ! Его ненасытная фантазія, не давая ему покоя, уносила его на край свѣта и мчала безъ удержу. И онъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, повѣствовалъ объ удивительныхъ случаяхъ, сулившихъ ему богатство и вдругъ лопавшихся — вотъ такъ, прямо тутъ въ рукахъ, какъ, напримѣръ, дѣло съ его послѣднимъ изобрѣтеніемъ, дававшимъ возможность значительно сократить военный бюджетъ по статьѣ солдатской обуви.

— И знаете какъ?... Очень просто: я предлагалъ подковывать солдатъ...

— Да что вы! — ужаснулся Тартаренъ.

Бонпаръ продолжалъ совершенно спокойно, съ безумнымъ видомъ человѣка, одержимаго сухимъ бредомъ:

— Чудесная идея, не правда ли? И что же?! Въ министерствѣ меня не удостоили даже отвѣтомъ... Ахъ, дорогой мой господинъ Тартаренъ, много я выстрадалъ, много вынесъ нужды, прежде чѣмъ поступилъ на службу компаніи...

— Какой компаніи?

Бонпаръ понизилъ голосъ:

— Тш! Потомъ... не здѣсь... — и тотчасъ же заговорилъ опять громко:- Ну, а какъ вы тамъ въ Тарасконѣ? Что хорошенькаго подѣлывается у

васъ? Вы мнѣ не сказали, однако, какими судьбами попали въ наши горы.

Очередь сердечныхъ изліяній была за Тартареномъ. Безъ гнѣва, но съ оттѣнкомъ тихой старческой грусти, охватывающей съ годами утомленныхъ жизнью великихъ художниковъ, необыкновенныхъ красавицъ, всѣхъ побѣдителей народовъ и сердецъ, онъ разсказалъ про измѣну соотечественниковъ, про заговоръ отнять у него президентство и про свое рѣшеніе совершить геройскій подвигъ, водрузить тарасконское знамя выше, чѣмъ кто-либо его водружалъ до сихъ поръ, — доказать, наконецъ, альпинистамъ Тараскона, что онъ достоинъ... всегда достоинъ... Его голосъ оборвался отъ волненія. Онъ пересилилъ себя и продолжалъ:

— Вы меня знаете, Тонзагъ...

Невозможно передать словами, сколько искренняго чувства, сколько сближающей ласки слышалось въ голосѣ, какимъ онъ произнесъ это трубадурское имя, — точно руку пожалъ мысленно или на грудь къ себѣ привлекъ.

— Вы меня знаете, надѣюсь! Вы помните, уклонялся ли я, когда надо было идти на львовъ, да и во время войны, когда мы вмѣстѣ организовали защиту клуба?...

Бонпаръ поддакивалъ энергическими кивками головы. Еще бы, точно вчера было!

— Такъ вотъ, мой другъ, чего не могли сдѣлать ни львы пустыни, ни пушки Круппа, то удалось сдѣлать Альпамъ... Я боюсь...

— О, не говорите этого, Тартаренъ!

— Почему? — кротко возразилъ герой. — Я говорю это потому, что это правда...

И спокойно, безъ аффектаціи, осъ признался въ томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него рисунокъ Доре, изображающій катастрофу въ горахъ. Онъ признался, что его страшатъ такія катастрофы; и вотъ почему, услыхавши про необыкновеннаго проводника, способнаго предохранить его отъ несчастныхъ случайностей, онъ и поспѣшилъ ему довѣриться. И затѣмъ самымъ спокойнымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Вы, вѣдь, никогда не были проводникомъ, Гонзагъ?

— О, нѣтъ, бывалъ... — отвѣтилъ Бонпаръ, улыбаясь. — Только, конечно, не все, что я разсказывалъ...

— Само собою разумѣется, — одобрительно согласился Тартаренъ.

Бонпаръ тихо проговорилъ:

— Выйдемъ на дорогу; тамъ можно говорить

свободнѣе.

Наступала ночь. Они вышли изъ отеля и направились къ тоннелю въ сторонѣ озера.

— Остановимся тутъ... — необыкновенно громко прозвучалъ подъ сводомъ голосъ Бонпара.

Они присѣли на парапетъ и засмотрѣлись на чудный видъ озера, къ которому крутыми уступами сбѣгали ели и буки. А дальше виднѣлись горы съ тонущими въ сумракѣ вершинами; за ними — другія, голубоватыя, сливались съ облаками; между ними едва виднѣлась бѣлая полоса ледника, залегающаго въ разщелинѣ. Вдругъ онъ засверкалъ разноцвѣтными яркими лучами: это освѣщали гору бенгальскими огнями. Изъ Флюелена взлетали ракеты и разсыпались цѣлыми снопами разноцвѣтныхъ звѣздъ. По озеру скользили гирлянды венеціанскихъ фонарей на лодкахъ; оттуда неслись звуки музыки и веселые голоса. Настоящая декорація фееріи, вырѣзавшаяся на темной рамѣ тесанаго гранита туннеля.

— Удивительная, однако, страна эта Швейцарія! — воскликнулъ Тартаренъ.

Бонпаръ засмѣялся.

— О, да... Швейцарія... Только дѣло-то въ томъ, что въ дѣйствительности нѣтъ совсѣмъ никакой Швейцаріи!

V

— Швейцарія въ настоящее время, господинъ Тартаренъ, ничто иное, какъ очень большой курзалъ, открытый съ іюня по сентябрь; это — казино съ панорамами, куда люди пріѣзжаютъ развлекаться со всѣхъ странъ свѣта; это — гулянье, которое содержитъ компанія, владѣющая сотнями милліоновъ, милліардовъ и имѣющая свои правленія въ Женевѣ и въ Лондонѣ. Вы можете себѣ представить, какіе вороха денегъ истрачены на то, чтобы заарендовать, принарядитъ и изукрасить цѣлый край, всѣ эти озера, лѣса, горы и водопады, чтобы содержать полки служащихъ, фигурантовъ и статистовъ, чтобы на высочайшихъ горахъ выстроить баснословные отели съ газомъ, телеграфами, телефонами!

— А, вѣдь, это правда, — подумалъ Тартаренъ вслухъ, вспоминая про Риги.

— Еще бы не правда!... Но вы еще ничего не видали... А вотъ посмотрите-ка подальше, вы не найдете ни одного уголка безъ штукъ и фокусовъ, безъ приспособленій, какъ въ оперномъ театрѣ: водопады освѣщены à giorno, у входовъ

на глетчеры — турникеты, а для подъемовъ — множество желѣзныхъ дорогъ, гидравлическихъ и цѣпныхъ. Только ради своихъ англійскихъ и американскихъ кліентовъ, охотниковъ лазить по горамъ, компанія оставляетъ еще нѣкоторымъ знаменитымъ Альпамъ, Юнгфрау и Финстераархорну, напримѣръ, ихъ суровый и страшный видъ, хотя въ дѣйствительности и тутъ также мало опасности, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

— Однако, разщелины, мой дорогой, эти страшныя пропасти... Если слетишь туда....

— Слетите, господинъ Тартаренъ, и упадете на снѣгъ и ни чуточку не ушибетесь... А тамъ, внизу, обязательно находится служитель, охотникъ, или кто-нибудь, кто васъ подниметъ, вычиститъ вамъ платье, отряхнетъ снѣгъ и предупредительнѣйшимъ образомъ спроситъ: "нѣтъ ли багажа? не прикажите ли снести?"...

— Что вы мнѣ сочиняете, Гонзагъ!

Бонпаръ продолжалъ еще серьезнѣе:

— Содержаніе этихъ разщелинъ составляетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ расходовъ компаніи.

Разговоръ на минуту оборвался. Кругомъ все было тихо, погасли разноцвѣтные огни, не взлетали ракеты, лодокъ уже не было на озерѣ. Но

взошла луна и придала пейзажу новый видъ, заливая его голубоватымъ трепетнымъ свѣтомъ. Тартаренъ сбитъ съ толку и не знаетъ, вѣрить или не вѣрить на слово. Онъ припоминаетъ всѣ необыкновенныя вещи, видѣнныя имъ въ эти четыре дня: солнце на Риги, фарсъ Вильгельма Теля. И росказни Бонпара начинаютъ ему казаться правдоподобными, такъ какъ въ каждомъ тарасконцѣ отчаянное вранье легко уживается съ самою простодушною довѣрчивостью.

— Позвольте, другъ мой, а какъ же вы объясните ужасныя катастрофы, хотя бы вотъ нарисованную Доре?

— Да, вѣдь, это было шестнадцатъ лѣтъ назадъ, когда еще не существовало компаніи, господинъ Тартаренъ.

— А въ прошедшемъ-то году случай на Веттерхорнѣ, гдѣ два проводника съ своими путешественниками погибли въ снѣгу?

— Надо же, все-таки, знаете… чтобы пораззадорить альпинистовъ… Англичане — такъ тѣ совсѣмъ перестаютъ ходить на такую гору, гдѣ никто не сломалъ себѣ шеи… Такъ вотъ и Веттерхорнъ. былъ нѣкоторое время въ забросѣ; ну, а благодаря этому маленькому приключенію, сборы тотчасъ же поднялись.

— Такъ, стало быть, проводники…

— Живехоньки и здоровехоньки, также какъ и путешественники… Ихъ просто прибрали на время, отправили за границу на шесть мѣсяцевъ… Реклама обошлась дорогонько, да компанія настолько богата, что ей это ни-по-чемъ.

— Послушайте, Гонзагъ…

Тартаренъ всталъ и положилъ руку на плечо бывшаго буфетчика:

— Вы, конечно, не пожелаете моей гибели… такъ?… Ну, скажите же по совѣсти… Вы знаете, альпинистъ я не изъ важныхъ…

— Это точно, что не изъ важныхъ!

— Какъ же вы полагаете, могу ли я безъ большой опасности попытаться взойти на Юнгфрау?

— Головой моей поручусь, господинъ Тартаренъ… Довѣрьтесь только проводнику.

— А если у меня голова закружится?

— Закройте глаза.

— А поскользнусь?

— И валяйте… Здѣсь, какъ въ театрѣ, все такъ приспособлено, что нѣтъ никакого риска…

— Ахъ, хорошо бы было, если бы вы были со мной, напоминали бы, повторяли мнѣ это… Послушайте, дорогой мой, ну… по-пріятельски, пойдемъ вмѣстѣ…

Для пріятеля Бонпаръ пошелъ бы съ восторгомъ, но у него на рукахъ его перувіянцы до конца сезона. На выраженіе Тартареномъ удивленія, что онъ согласился принять должность курьера, почти слуги, Бонпаръ отвѣтилъ:

— Что же дѣлать, дорогой мой? Таковы условія нашей службы… Компанія имѣетъ право распоряжаться нами какъ ей заблагоразсудится.

И онъ пустился въ разсказы о претерпѣвавмыхъ имъ превращеніяхъ за три года службы: онъ былъ и проводникомъ въ Оберландѣ, и трубилъ въ альпійскій рогъ, изображалъ изъ себя стараго охотника за дикими козами, и отставнаго солдата короля Карла X, и протестантскаго пастора въ горахъ…

— Què aco? Это еще что такое? — спросилъ удивленный Тартаренъ.

А тотъ продолжалъ самымъ невозмутимымъ тономъ:

— Да, такова наша служба… Вотъ когда вы путешествуете по нѣмецкой Швейцаріи, то можете иногда увидать на страшныхъ высотахъ пастора, проповѣдующаго подъ открытымъ небомъ съ какой-нибудь скалы или съ огромнаго пня, обдѣланнаго въ видѣ каѳедры. Нѣсколько пастуховъ, сыроваровъ, нѣсколько женщинъ въ

мѣстныхъ костюмахъ расположились въ живописныхъ группахъ, а кругомъ хорошенькій пейзажъ, зеленыя пастбища, или свѣжескошенный лугъ, горные каскады, стада, пасущіяся по уступамъ горъ... Такъ вотъ, все это — одни декораціи и театральныя представленія. Только знаютъ про это лишь состоящіе на службѣ компаніи проводники, пасторы, посыльные, трактирщики... и никто, конечно, не выдастъ вамъ секрета изъ боязни, что убавится число туристовъ.

Альпинистъ ошеломленъ и молчитъ, что служитъ явнымъ признакомъ величайшаго потрясенія. Хотя въ глубинѣ его души и остается сомнѣніе въ правдивости разсказовъ Бонпара, тѣмъ не менѣе, Тартаренъ чувствуетъ себя пріободреннымъ, спокойнѣе относится къ восхожденіямъ на горы, и разговоръ становится веселымъ. Друзья вспоминаютъ про Тарасконъ, про свои старыя проказы во дни счастливой молодости.

— А кстати, о проказахъ молодости... — сказалъ вдругъ Тартаренъ. — Вы не знаете ли, что это за люди — хорошенькая блондинка и два ея спутника, молодые люди?

— Ужь это не тѣ ли, за которыми по пятамъ слѣдуетъ итальянецъ-теноръ? — озабоченно

спросилъ Бонпаръ.

— Они самые...

— И вы ихъ знаете... познакомились?

— Да, то-есть, она прехорошенькая... ну и я... А что? — спохватился Тартаренъ, замѣтивши, что его пріятель нахмурился.

— А то, что это анархисты, желающіе взбудоражить всю Европу, сжечь, взорвать на воздухъ... А итальянецъ — просто шпіонъ, слѣдящій за ними.

— Однако!... Съ довольно странными людьми приходится сталкиваться на Риги!

— Я бы вамъ посовѣтовалъ держаться отъ нихъ подальше; это народъ на все способный.

— Ну, а я... да первому изъ нихъ, кто осмѣлится подойти ко мнѣ, я раскрою голову вотъ этою киркой.

Глаза тарасконца блеснули въ темнотѣ тунеля. Но Бонпаръ не раздѣляетъ спокойной самоувѣренности своего друга; онъ знаетъ, что за ужасный народъ эти анархисты и къ какимъ они прибѣгаютъ средствамъ. Будь хоть какимъ "молодчиной", а нельзя уберечься отъ каждой кровати на ночлегѣ въ трактирѣ, отъ стула, на который садишься, на пароходѣ — отъ борта, къ которому думаешь прислониться, а онъ вдругъ подастся, и полетишь стремглавъ въ пучину...

а кромѣ того — кушанья, стаканы, вымазанные невидимымъ и смертоноснымъ ядомъ...

— Бойтесь киршвассера, налитаго въ вашу баклашку, бойтесь пѣнящагося молока, поданнаго вамъ пастухомъ... Они ни передъ чѣмъ не останавливаются, я вамъ это говорю.

— Вотъ такъ исторія!... Какъ же тутъ быть? — бормоталъ про себя Тартаренъ, потомъ схватилъ руку собесѣдника и проговорилъ:

— Посовѣтуйте, Гонзагъ!

Послѣ минуты раздумья, Бонпаръ придумалъ такую программу: завтра же уѣхать раннимъ утромъ, перебраться черезъ озеро и черезъ Брюнигъ, ночевать въ Интерлакенѣ; слѣдующій день посвятить Гриндельвальду и малой Шейдекъ, слѣдующій — Юнгфрау. А затѣмъ прямо въ Тарасконъ, безъ оглядки и не медля ни одного часа.

— Завтра же ѣду, Гонзагъ! — восклицаетъ герой энергическимъ голосомъ, бросая полные ужаса взгляды на таинственную даль, закутанную мракомъ ночи, на озеро, подозрительно сверкающее внизу своею холодною и измѣнническою гладью...

— Пожалуйте садиться. Пожалуйте, пожалуй-

те!

— Да куда же я, къ чорту, сяду, когда вездѣ полно?.. Никуда меня не пускаютъ.

Это происходило на крайней оконечности озера Четырехъ Кантоновъ, на сыромъ, болотистомъ берегу Альпнаха, гдѣ почтовые экипажи собираются цѣлыми вереницами и забираютъ пассажировъ на пароходной пристани для перевозки черезъ Брюнигъ. Съ утра шелъ мелкій дождь. Добрякъ Тартаренъ, обвѣшанный всею своею сбруей, кидался отъ одного экипажа къ другому, громыхая своимъ снаряженіемъ, какъ "человѣкъ-оркестръ" нашихъ сельскихъ ярмарокъ, каждое движеніе котораго приводитъ въ дѣйствіе то трехъ-угольникъ, то литавры, то тарелки, то китайскую шляпу съ звонками. Вездѣ его встрѣчалъ на всевозможныхъ языкахъ одинъ и тотъ же крикъ ужаса: "У насъ полно, полно!" Вездѣ пассажиры растопыривали локти, точно раздувались, чтобы занять больше мѣста и не пустить такого опаснаго и безпокойнаго сосѣда.

Неечастный пыхтѣлъ, задыхался, горячился и отчаянно жестикулировалъ при всеобщихъ крикахъ нетерпѣнія: "En route! — All right! — Andiamo! — Vorwärtz!" Лошади бились, кучера ругались. Наконецъ, почтовый кондукторъ, вы-

сокій, краснорожій малый, вмѣшался въ дѣло, насильно отворилъ дверцу полузакрытаго ландо, втолкнулъ Тартарена, и, водворивъ его туда, какъ тюкъ какой-нибудь, сталъ въ величественную позу и протянулъ руку за "наводкой".

Униженный и злобствующій на сидящихъ въ экипажѣ, впустившіи его manu militari, Тартаренъ ни на кого не смотрѣлъ, сердито спряталъ потрмонэ въ карманъ, поставилъ рядомъ съ собою свои дреколія и всѣмъ видомъ, всѣми движеніями выказывалъ крайне дурное расположеніе духа.

— Bonjour, monsieur... — послышался вдругъ уже знакомый нѣжный голосъ.

Онъ поднялъ глаза, да такъ и замеръ отъ ужаса передъ хорошенькимъ, розовымъ личикомъ "златокудрой* блондинки, сидѣвшей какъ разъ противъ него подъ поднятою половиной верха кареты, рядомъ съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, закутаннымъ въ платки и одѣяла: то былъ, навѣрное, ея братъ. Съ ними былъ и ихъ третій товарищъ, котораго Тартаренъ уже видѣлъ.

"Анархисты!... Вотъ она гдѣ западня-то! Вотъ гдѣ они, пожалуй, распорядятся по-своему".

Подъ вліяніемъ моментально охватывающаго

ужаса, нашъ герой уже видѣлъ себя сброшеннымъ въ пропасть, висящимъ на самой вершинѣ огромнаго дуба. Бѣжать скорѣй!... Но какъ бѣжать? Экипажи двинулись уже съ мѣста, несутся длинною вереницей при звукахъ почтоваго рожка и при крикахъ толпы ребятишекъ, сующихъ въ дверцы маленькіе букетики альпійскихъ цвѣтовъ. Ошеломленный Тартаренъ рѣшилъ было не дожидаться нападенія, а прямо — взять, да и раскроить киркой голову сидящему съ нимъ рядомъ злодѣю; потомъ, раздумавши, онъ почелъ болѣе благоразумнымъ пока воздержаться. Очевидно, эти люди могутъ что-либо предпринять противъ него лишь позднѣе, въ необитаемой мѣстности; а до тѣхъ поръ представится случай уйти отъ нихъ подальше. Съ тому же, съ ихъ стороны не замѣтно было никакихъ признавовъ враждебности. Чтобы попытать выяснить отношенія, Тартаренъ заговорилъ:

— Очень радъ неожиданной встрѣчѣ, молодые люди, очень радъ... Только позвольте мнѣ вамъ отрекомендоваться. Вы не знаете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло, тогда какъ я отлично знаю, кто вы.

— Шш!...- скорѣе жестомъ, чѣмъ голосомъ, остановила его молодая дѣвушка, мило улыбаясь, и указала на козлы, гдѣ рядомъ съ кондукторомъ

сидѣлъ итальянецъ-теноръ и четвертый товарищъ молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ коляскѣ.

— Знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, что это за человѣкъ? — чуть слышно спросилъ Тартаренъ, близко нагибаясь къ дѣвушкѣ.

Она глазами сдѣлала утвердительный знакъ. Нашъ герой вздрогнулъ, какъ иногда вздрагиваютъ въ театрѣ, когда въ самый сильный моментъ пьесы легкій морозъ пробѣгаетъ по спинѣ зрителя и публика настораживается, чтобы не проронить ни слова. Тартаренъ понималъ, что лично теперь его дѣло сторона; прошли всѣ страхи, не дававшіе ему покоя всю ночь, помѣшавшіе поутру всласть напиться швейцарскаго кофе съ медомъ и масломъ и заставлявшіе его на пароходѣ сторониться подальше отъ бортовъ. Онъ вздохнулъ полною грудью и сталъ находить, что хорошенькая анархистка прелесть какъ мила въ своей дорожной шапочкѣ и въ кофточкѣ, плотно облегавшей ея тоненькую, но очень граціозную талію. И какое она еще дитя! И смѣхъ у нея совсѣмъ еще дѣтскій, на щечкахъ нѣжный пушокъ. А какъ мило она укрываетъ колѣни своего больнаго брата: "Хорошо ли тебѣ, не холодно ли?..."

Да и спутники ея уже перестали ему казаться свирѣпыми. Всѣ весело смѣются, болтаютъ; его

сосѣдъ иногда школьничаетъ, какъ вырвавшійся на свободу мальчишка. Между тѣмъ, экипажи быстро неслись впередъ, переѣзжали мосты, катились по берегамъ маленькихъ озеръ, вдоль цвѣтущихъ полей, мимо прекрасныхъ садовъ, на этотъ разъ пустынныхъ, такъ какъ было воскресенье, и крестьяне встрѣчались въ праздничныхъ платьяхъ, а крестьянки щеголяли длинными восами и серебряными цѣпями. Дорога начинала подниматься вверхъ узкою полосой между дубовыми и буковыми лѣсами. Съ каждымъ шагомъ выше, съ каждымъ поворотомъ открывались чудные виды на долины, въ которыхъ бѣлѣли колокольни церквей, а тамъ, вдали, сверкала вершина Финстераархорна, залитая лучами невидимаго солнца. Скоро дорога приняла болѣе мрачный и дикій видъ. Съ одной стороны темнѣли массы деревьевъ, точно карабкающихся по кручамъ и стремнинамъ, между которыми шумѣлъ и пѣнился потокъ; съ другой — поднималась громадная скала, нависшая надъ дорогой и ощетинившаяся безпорядочными вѣтвями, торчащими изъ разсѣлинъ.

Въ ландо всѣ примолкли, всѣ всматривались вдаль, стараясь разглядѣть конецъ этого гранитнаго тоннеля.

— Точь-въ-точь лѣса Атласскихъ горъ! — важно проговорилъ Тартаренъ и, видя, что никто не обратилъ вниманія на это замѣчаніе, онъ прибавилъ:

— Не слышно только рыканій львовъ.

— А вы ихъ слыхали? — спросила молодая дѣвушка. Онъ-то слыхалъ ли львовъ!...

— Я - Тартаренъ изъ Тараскона, mademoiselle... — сказалъ онъ съ кроткою и снисходительною улыбкой.

И каковъ же этотъ народецъ! Хоть бы глазомъ повели, все равно, какъ еслибъ онъ сказалъ: "Меня зовутъ Дюпонъ". Они даже не слыхали имени Тартарена! Однако, онъ не оскорбился и на вопросъ дѣвушки, пугали ли его голоса львовъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, mademoiselle. Мой верблюдъ дрожалъ подо мной, какъ въ лихорадкѣ, а я осматривалъ курки моего карабина такъ же спокойно, какъ сдѣлалъ бы это передъ стадомъ коровъ... На нѣкоторомъ разстояніи вы слышите рычанье льва, приблизятельно, такимъ... вотъ!...

Чтобы дать сосѣдкѣ болѣе точное понятіе о голосѣ льва, нашъ герой не пожалѣлъ легкихъ и отъ всего усердія изобразилъ, какъ рычитъ левъ въ горахъ Атласа. Подхваченный эхомъ ущелья, его

ревъ перепугалъ лошадей. Во всѣхъ экипажахъ произошелъ переполохъ; путешественники въ ужасѣ поднялись съ мѣстъ, стараясь выяснить причиіу такого шума. Они узнали альпиниста до его шлемовидному головному убору и по лежащимъ рядомъ съ нимъ его дреколіямъ, и еще разъ повторили восклицаніе:

"Да что же это, накодецъ, за животное!..." А онъ преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ разсказывать во всѣхъ подробностяхъ, какъ должно нападать на звѣря, какъ бить въ него, снимать шкуру, какъ онъ придѣлалъ къ своему карабину брилліантовую мушку, чтобы вѣрнѣе цѣлить ночью. Молодая дѣвушка слушала, наклонившись, причемъ ея тонкія ноздри слегка вздрагивали отъ усиленнаго напряженія вниманія.

— Говорятъ, Бонбоннель все еще продолжаетъ охотиться? — спросилъ ея братъ.

— Вы знакомы съ нимъ?

— Да, — отвѣтилъ Тартаренъ, безъ малѣйшаго энтузіазма. — Онъ малый довольно ловкій и стрѣляетъ не дурно... Только у насъ есть и почище его.

Такъ-то, молъ: догадливый пойметъ! Потомъ съ тихою грустью онъ прибавилъ:

— А, все-таки, охоты за огромными хищниками доставляютъ не мало волненій; и когда перестанешь охотиться, то чувствуешь какую-то пустоту въ жизни и не знаешь, чѣмъ ее наполнить...

Вдругъ экипажи остановились. Дорога круче пошла въ гору и въ этомъ мѣстѣ дѣлала большой объѣздъ до Брюнигскаго перевала, достигнуть котораго можно было прямою пѣшеходною дорожкой минутъ въ двадцать, идя по восхитительному буковому лѣсу. Несмотря на сырость отъ шедшаго поутру дождя, почти всѣ пассажиры вышли изъ экипажей и пустились пѣшкомъ по крутому подъему. Мужчины вышли также изъ ландо, въ которомъ сидѣлъ Тартаренъ и которое ѣхало позади всѣхъ экипажей; а молодая дѣвушка предпочла остаться въ каретѣ, находя дорогу слишкомъ грязною. Когда альпинистъ хотѣлъ было послѣдовать за другими и нѣсколько замѣшкался, по милости своего снаряженія, хорошенькая блондинка необыкновенно мило проговорила:

— Да оставайтесь; мнѣ будетъ скучно одной...

У бѣдняги Тартарена дыханье замерло, а въ головѣ уже складывался настолько же прелестный, насколько и неправдоподобный романъ, заставлявшій неистово прыгать и стучать его старое

сердце. Очень скоро ему пришлось разочароваться, когда онъ увидалъ, съ какимъ выраженіемъ тревоги его сосѣдка смотритъ на одного изъ своихъ спутниковъ, оживленно разговаривавшаго съ итальянцемъ у входа на лѣстницу подъема, тогда какъ двое другихъ уже взбирались кверху. Теноръ колебался: точно какое-то предчувствіе подсказывало ему не ходить одному съ этими тремя господами. Наконецъ, онъ рѣшился, и дѣвушка проводила его глазами, гладя свою кругленькую щечку букетомъ альпійскихъ фіялокъ.

Ландо подвигалось шагомъ; кучеръ шелъ впереди съ другими кучерами. Тартаренъ сильно волновался предчувствіемъ чего-то недобраго, не смѣлъ глазъ поднять на сосѣдку: такъ онъ боялся какимъ-нибудь словомъ, даже взглядомъ стать невольнымъ участникомъ, или, по меньшей мѣрѣ, сообщникомъ драмы, близость которой онъ чуялъ. Но молодая дѣвушка не обращала на него вниманія.

Вдругъ надъ ихъ головами послышался шелестъ сильно и какъ бы украдкою раздвигаемыхъ вѣтвей и кустарниковъ. Тартарену, съ его вѣчными охотничьями приключеніями въ головѣ, чуть ли не показалось, что онъ сторожитъ звѣря въ дебряхъ Саккара. Одинъ изъ товарищей его хоро-

шенькой сосѣдки безшумно спрыгнулъ съ кручи у самаго экипажа и задыхающимся голосомъ что-то тихо проговорилъ молодой дѣвушкѣ. Та обратилась къ Тартарену и отрывисто сказала:

— Вашу веревку... скорѣй...

— Мо... мою... мою веревку... — пролепеталъ герой.

— Скорѣй, скорѣй!... Вамъ ее возвратятъ сейчасъ.

Не входя ни въ какія дальнѣйшія объясненія, она помогла ему своими маленькими ручками отцѣпить знаменитую веревку, изготовленную по его заказу въ Авиньонѣ. Молодой человѣкъ схватилъ всю связку и въ два прыжка скрылся въ чащѣ горной поросли.

— Что такое тутъ дѣлается?... Что они затѣваютъ?... Какой у него страшный видъ!...- бормоталъ Тартаренъ, какъ потерянный.

Онъ не успѣлъ еще опомниться какъ слѣдуетъ, когда ландо остановилось на вершинѣ Брюнигскаго перевала. Пассажиры и кучера спѣшили къ экипажамъ, чтобы наверстать потерянное время и поспѣть къ завтраку въ ближайшее селеніе, гдѣ предстояло смѣнить лошадей. Трое товарищей блондинки заняли свои мѣста; итальянца съ ними не было.

— Онъ сѣлъ въ одинъ изъ переднихъ экипажей, — отвѣтилъ на вопросъ кучера молодой человѣкъ, сидѣвшій на козлахъ, и, обращаясь къ замѣтно взволнованному Тартарену, прибавилъ:

— Надо будетъ взять у него вашу веревку; онъ унесъ ее съ собой.

Въ ландо опять послышались оживленные голоса, смѣхъ и шутки, и опять Тартаренъ терялся въ догадкахъ, не могъ рѣшить, что же, наконецъ, за люди его веселые, беззаботные спутники? Блондинка съ прежнею заботливостью укрывала пледомъ больнаго брата и необыкновенно живо передавала разсказы Тартарена про его охотничьи подвиги, прелестно выкрикивая: "пафъ!... пафъ!..." Ея спутники то восхищались геройствомъ охотника, то недовѣрчиво покачивали головами.

Вотъ и станція! Это старый трактиръ съ полусгнившею деревянною террасой на площади большаго села. Тутъ останавливается вереница экипажей, и, пока смѣняютъ лошадей, голодные путешественники кидаются въ залу нижняго этажа, выкрашенную зеленою краской и пахнущую затхлымъ. Столъ накрытъ не болѣе какъ на двадцать человѣкъ; пріѣхало шестьдесятъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ происходитъ

невообразимая толкотня, слышатся крики, дѣло доходитъ до рѣзкостей между "рисовыми" и "черносливными" изъ-за соусниковъ; хозяинъ мечется, какъ угорѣлый, хотя каждый Божій день въ тотъ же самый часъ тутъ проходятъ дилижансы и происходитъ то же самое; мечутся служанки, хронически застигаемыя ежедневно врасплохъ, что представляетъ весьма удобный поводъ подавать только половину блюдъ, значащихся на картѣ, и награждать туристовъ фантастическою "сдачей", въ которой бѣлыя швейцарскія су сходятъ за полуфранковыя монеты.

— Не позавтракать ли намъ въ экипажѣ? — сказала блондинка, которой очень не нравилась вся эта суетливая толкотня; а такъ какъ прислугѣ не до нихъ, то молодые люди отправились сами добывать кушанья. Одинъ возвращается, потрясая въ рукѣ ногой холодной жареной баранины, другой тащитъ длинный хлѣбъ и сосиськи; лучшимъ же фуражиромъ оказывается, все-таки, Тартаренъ. Правда, ему представлялся очень удобный случай отдѣлаться въ этой сутолокѣ отъ неудобной компаніи, или, по крайней мѣрѣ, справиться про итальянца; но онъ объ этомъ не подумалъ, увлеченный желаніемъ угодить "своей крошкѣ" и показать ея спутникамъ, что

можетъ сдѣлать тарасконецъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда онъ съ важнымъ и сосредоточеннымъ видомъ сошелъ съ крыльца, неся большой подносъ, уставленный тарелками, посудой, отборными кушаньями и швейцарскимъ шампанскимъ съ золотою головкой, молодая дѣвушка начала апплодировать и восхищаться:

— Да какъ же это вы умудрились?

— Не знаю… Надо же какъ-нибудь выручаться… по-нашему, по-тарасконски.

О, блаженныя минуты! На всю жизнь останется въ памяти героя этотъ чудесный завтракъ, лицомъ къ лицу съ "златокудрою крошкой", почти на ея колѣняхъ, при опереточной обстановкѣ, на сельской площади, зеленѣющей рядами деревьевъ, подъ которыми мелькаютъ живописные костюмы швейцарокъ, прогуливающихся парами, какъ куколки. Какимъ вкуснымъ казался ему хлѣбъ и какими сочными — сосиськи! Само небо какъ будто умилостивилось и взглянуло благосклонно на ихъ веселье; дождь, правда, не переставалъ, но падалъ лишь рѣдкими каплями, какъ бы для того, чтобы только напомнить. насколько цѣльное, неразбавленное водою швейцарское шампанское опасно для головы

южанина.

Подъ верандой трактира пристроился квартетъ изъ двухъ великановъ и двухъ карликовъ въ яркихъ лохмотьяхъ, которые можно было принять за уцѣлѣвшіе, по негодности, отъ распродажи обанкротившагося ярмарочнаго балагана. Завыванія этихъ уродовъ смѣшивались съ звяканьемъ тарелокъ и звономъ стакановъ. Пѣвцы безобразны, нелѣпы; глупо-неподвижны; Тартаренъ находитъ ихъ восхитительными. бросаетъ имъ пригоршни су, къ немалому изумленію обывателей, окружающихъ распряженное ландо.

— Fife la Vranze! — раздается изъ толпы старчески-хриплый голосъ и выдвигается впередъ высокій старикъ въ необыкновенномъ голубомъ мундирѣ съ посеребренными пуговицами и фалдами до пятъ, въ громадномъ киверѣ, похожемъ на капустную кадку, съ высокимъ султаномъ, такъ отягчающимъ его старческую голову и плечи, что онъ иначе не можетъ ходить, какъ балансируя руками, подобно канатному плясуну.

— Fieux soldat… отставной солдатъ, по билету… служилъ Карлу десятому…

У Тартарена свѣжи въ памяти разсказы Бонпара, и онъ посмѣивается изподтишка, подмигиваетъ:

— Знаемъ, старина… знаемъ эти штуки!…

Но онъ, все-таки, даетъ ему серебряную монетку и наливаетъ вина. Старикъ тоже посмѣивается и подмигиваетъ, самъ не зная ради чего, потомъ вынимаетъ изо рта огромную фарфоровую трубку, поднимаетъ стаканъ и пьетъ "за здоровье компаніи", чѣмъ еще болѣе убѣждаетъ Тартарена въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ изъ товарищей Бонпара. состоящихъ на службѣ "компаніи". Ну, да пускай себѣ! Пей онъ за что ему угодно… Вставши въ экипажѣ, Тартаренъ высоко поднимаетъ свой стаканъ и, со слезами на глазахъ, во весь голосъ провозглашаетъ тостъ: "За Францію… за дорогую родину!…" потомъ за гостепріимную Швейцарію, которой онъ счастливъ публично засвидѣтельствовать свои горячія симпатіи. Наконецъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ и понижая голосъ, онъ пьетъ за здоровье своихъ спутниковъ и выражаетъ имъ свои добрыя пожеланія.

Во время тоста братъ блондинки холодно улыбается съ оттѣнкомъ скрытой насмѣшки; его товарищъ, сидящій рядомъ съ тарасконцемъ, слегка хмурится, очевидно, думая про себя: да скоро ли же этотъ господинъ перестанетъ болтать всякіе пустяки; третій гримасничаетъ на

козлахъ, — вотъ-вотъ продѣлаетъ какую-нибудь шутовскую штуку... Одна только молодая дѣвушка слушаетъ очень внимательно и серьезно, стараясь уяснить себѣ этотъ странный типъ. Что онъ такое? Думаетъ ли онъ то, что говоритъ? На самомъ ли дѣлѣ онъ продѣлалъ все то, что разсказываетъ? Что онъ — сумасшедшій, или комедіантъ-шутникъ, или просто болтунъ, какъ презрительно утверждаетъ одинъ изъ ея спутниковъ?

Случай разрѣшить эти недоумѣнія не заставилъ себя ждать. Едва Тартаренъ окончилъ свой послѣдній тостъ и сѣлъ на мѣсто, какъ гдѣ-то неподалеку раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, потомъ третій... Герой вскочилъ на ноги въ сильномъ волненіи; онъ зачуялъ порохъ.

— Кто тутъ стрѣляетъ?... Гдѣ это?...Что случилось?...

Въ его быстро работающей головѣ уже успѣла сложиться цѣлая драма: вооруженное нападеніе на почтовый караванъ, превосходный случай явиться защитникомъ чести и жизни прекрасной спутницы... Дѣло оказалось много проще: выстрѣлы слышались изъ станда, гдѣ сельская молодежь забавляется каждое воскресенье стрѣльбою въ цѣль. Лошади не были еще

запряжены и Тартаренъ небрежно предложилъ пройтись посмотрѣть на стрѣльбу. У самого — свое на умѣ, а у хорошенькой блондинки — свое; она тотчасъ же согласилась. Въ сопровожденіи стараго служиваго, раскачивающагося на ходу подъ своимъ тяжеловѣснымъ киверомъ, они прошли черезъ площадь. Толпа любопытныхъ, окружавшая экипажъ, двинулась за ними.

Швейцарскій стандъ, съ своею соломенною крышей и сосновыми стойками, похожъ въ грубомъ видѣ на обыкновенные ярмарочные тиры, съ тою лишь разницей, что здѣсь любители стрѣляютъ изъ собственныхъ шомпольныхъ ружей старой системы, и стрѣляютъ весьма изрядно. Съ важнымъ видомъ, сложивши руки на груди, Тартаренъ дѣлаетъ свои замѣчанія, громко критикуетъ, подаетъ совѣты, самъ же не стрѣляетъ. Его дорожные спутники переглядываются, дѣлаютъ другъ другу знаки.

— Памъ!... пафъ!...- подсмѣивается одинъ изъ нихъ, жестомъ и голосомъ передразнивая тарасконца.

Тартаренъ обернулся, весь красный и пышущій гнѣвомъ.

— Такъ точно, молодой человѣкъ... Памъ, пафъ!... Да, и столько разъ, сколько вамъ будетъ

угодно.

Онъ быстро зарядилъ двухствольный карабинъ, послужившій не одному поколѣнію охотниковъ, и — памъ!... пафъ!... Готово, двѣ пули посажены въ центръ цѣли. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики удивленія. Блондинка торжествуетъ, ея товарищи уже не смѣются.

— Да это пустяки, игрушки, — говоритъ Тартаренъ. — А вотъ я вамъ покажу...

Ему уже мало тира; онъ осматривается, ищетъ во что бы выстрѣлить помимо мишени, и толпа въ ужасѣ сторонится отъ необыкновеннаго альпиниста, коренастаго и страшнаго, съ карабиномъ въ рукѣ предлагающаго старому королевскому гвардейцу разбить пулей въ пятидесяти шагахъ трубку въ его зубахъ. Старикъ, внѣ себя отъ страха, спасается бѣгствомъ и исчезаетъ въ толпѣ. Но карабинъ заряженъ и Тартарену во что бы то ни стало надо куда-нибудь всадить пули.

— Э, тряхнемъ стариной... по-тарасконски... — и старый охотникъ по фуражкамъ изъ всей силы своихъ двойныхъ мускуловъ бросаетъ вверхъ свой головной уборъ и прострѣливаетъ его на лету.

— Браво! — говоритъ молодая дѣвушка и продѣваетъ въ отверстіе, сдѣланное пулей, букетъ

альпійскихъ цвѣтовъ, только что ласкавшій ея пухленькую щечку.

Тартаренъ усаживается въ экипажъ съ этимъ милымъ трофеемъ на головѣ. Звучитъ почтовый рожокъ, поѣздъ трогается съ мѣста и во всю прыть несется по бріендскому спуску, по чудной дорогѣ, пробитой въ скалѣ въ видѣ карниза и отдѣленной парапетомъ отъ пропасти въ тысячу футовъ глубиной. Но Тартаренъ уже забылъ объ опасности, онъ не видитъ и пейзажа Мейрингенской долины съ ея блестящими водами прямолинейной рѣки и озера, со множествомъ селеній, убѣгающихъ вдаль, гдѣ высятся и синѣютъ горы, гдѣ ледники сливаются порою въ общихъ тонахъ съ облаками... Онъ не замѣчаетъ, какъ на поворотахъ дороги одни виды смѣняются другими, точно быстро передвигаемыя декораціи. Пригрѣтый нѣжнымъ чувствомъ, герой любуется сидящею противъ него хорошенькою дѣвушкой и раздумываетъ, что слава не можетъ дать человѣку полнаго счастья, что грустно доживать свой вѣкъ въ одинокомъ величіи и что вотъ это милое созданіе, перенесенное въ садикъ тарасконца, оживило бы его однообразіе, скрасило бы его лучше знаменитаго боабаба (arbor gigantea), сидящаго въ горшкѣ...

VII

— Господинъ Безюке, вамъ письмо... изъ Швейцаріи! — весело кричалъ разнощикъ писемъ, махая конвертомъ съ другаго конца площади и быстро шагая по направленію аптеки.

Аптекарь въ одномъ жилетѣ, безъ сюртука, вышелъ подышать вечернимъ воздухомъ и сидѣлъ у своей двери. Онъ вскочилъ, жадно схватилъ письмо, вбѣжалъ въ свое жилище, пропитанное смѣшанными запахами элексировъ и сухихъ травъ. но письма не распечаталъ до ухода почтальона, а только выпилъ, на радостяхъ, стаканчикъ освѣжающаго калабрскаго сиропа. Двѣ недѣли ждалъ Безюке этого письма изъ Швейцаріи, двѣ недѣли онъ изнывалъ отъ нетерпѣнія! Наконецъ-то оно пришло. При одномъ взглядѣ на знакомый мелкій и своеобразный почеркъ, на штемпель почтоваго бюро: "Интерлакенъ" и на другой большой фіолетовый штемпель: "Отель Юнгфрау, содержатель Мейеръ", слезы подступили къ глазамъ аптекаря, задрожали его тяжелые усы варварійскаго корсара, сквозь которые мѣрно прорывалось добродушвое посви-

тываніе носомъ.

"Конфиденціально. Прочитавши уничтожить".

Эта надпись крупными буквами въ верху страницы, въ аптечно-лаконическомъ стилѣ, вродѣ: "принимать взболтавши", такъ его взволновала, что онъ прочелъ вслухъ, точно во снѣ, когда пригрезится что-нибудь страшное:

"Со мной случилосъ нѣчто ужасное..."

Его маменька, мадамъ Безюке, сѣвшая подремать послѣ ужина, могла его слышать изъ сосѣдней комнаты; могъ также слышать и ученикъ, усердно толокшій какое-то снадобье въ лабораторіи. Безюке продолжалъ читать письмо про себя, потомъ, блѣдный и съ растерянным видомъ, перечиталъ еще два или три раза, разорвалъ на мелкіе клочки и бросилъ въ корзину. Но въ корзинѣ могли его найти, собрать и сложить клочья... Безюке наклонился достать ихъ оттуда, когда его позвалъ дребезжащій голосъ:

— Э, Фердинандъ, это ты тутъ?

— Да, maman... — отвѣтилъ несчастный корсаръ, замирая отъ страха на четверенькахъ подъ

конторкой.

— Что же ты дѣлаешь, мое сокровище?

— Я дѣлаю… я… я дѣлаю глазную примочку для mademoiselle Турнатуаръ.

Мамаша опять задремала; ступка ученика, на минуту было замолкшая, опять огласила домъ и площадь мѣрными ударами пестика, убаюкивая ихъ, подобно часовому маятнику въ тиши знойнаго лѣтняго вечера. Безюке въ сильномъ волненіи ходитъ взадъ и впередъ передъ окнами аптеки, причемъ его лицо кажется то краснымъ, то зеленымъ, смотря потому, сквозь которую изъ стеклянныхъ вазъ падаетъ на него свѣтъ. Онъ поднимаетъ руки къ небу, цроизноситъ безсвязныя слова: "Несчастный… погибъ… Проклятая любовь! Какъ спасти его теперь?…"

— Э, добрый вечеръ, Безюке… — окликаетъ его кто-то въ сумракѣ быстро наступающей ночи.

— Вы это куда, Пегулядъ?

— Въ клубъ… тамъ ночное засѣданіе… будутъ толковать о Тартаренѣ и о выборахъ президента. Надо идти.

— Э, конечно! Я тоже приду… — отвѣчаетъ аптекарь, озаренный вдругъ счастливою идеей.

Онъ возвращается въ домъ, надѣваетъ сюртукъ, ощупываетъ карманъ, чтобъ удостовѣриться,

тутъ ли дверная отмычка — "passe-partout" и американскій "casse-tête", безъ котораго ни одинъ тарасконецъ не рискуетъ выходить на улицу послѣ того, какъ на гауптвахтѣ протрубили зорю. Потомъ онъ зоветъ: "Паскалонъ... Паскалонъ... — зоветъ потихоньку, чтобы не потревожить дремлющую старушку.

На видъ почти дитя, аптекарскій ученикъ былъ совершенно плѣшивъ, точно вся растительность, отпущенная природой на его долю, пошла въ курчавую, бѣлокурую бороду; при такой наружности онъ обладалъ душою, пылкою до фанатизма, и на міръ Божій смотрѣлъ совершенно полоумными глазами; на его пухлыхъ щекахъ игралъ яркій, слегка золотистый румянецъ, какъ на хорошо выпеченныхъ булкахъ. Во дни торжественныхъ альпійскихъ празднествъ онъ удостоивался чести носить знамя клуба и питалъ къ П. А. К. чувства восторженлаго удивленія, пламеннаго и молчаливаго обожанія.

— Паскалонъ, — заговорилъ аптекарь шепотомъ, — получилъ вѣсточку отъ Тартарена... онъ пишетъ ужасы...

Но, увидавши, какъ поблѣднѣлъ его ученикъ, Безюке продолжалъ:

— Мужайся, дитя мое, все можетъ еще обойтись

благополучно... А пока я поручаю тебѣ аптеку... Если у тебя спросятъ arsenicum — не давай, опіума — не давай, ревеня — не давай и ревеня... не давай ничего. Если я не вернусь до десяти часовъ, запри двери, запри ставни, заложи засовы и... ложись спать.

И онъ быстро зашагалъ по городскому Кругу, погруженцому въ ночную темноту, ни разу не обернувшись назадъ. Паскалонъ въ то же мгновеніе кинулся къ корзинѣ, перерылъ ее лихорадочными, жадными руками, опрокинулъ на конторку, чтобы удостовѣриться, не завалилось ли гдѣ еще какого обрывка таинственнаго письма, принесеннаго почтальономъ.

Кому знакома тарасконская экзальтація, тотъ легко представитъ себѣ, въ какомъ возбужденіи находился весь городъ со времени неожиданнаго исчезновенія Тартарена. Толкамъ конца не было, всѣ потеряли головы, чему не мало способствовали лѣтніе жары, отъ которыхъ кипѣли мозги и чуть не разлетались въ дребезги тарасконскіе черепа. Съ утра до вечера только и было разговоровъ, что о Тартаренѣ, только и слышно было одно имя: "Тартаренъ", повторяемое чопорными губами дамъ въ чепцахъ и цвѣтущими веселымъ губками гризетокъ съ бархотками на головѣ:

"Тартаренъ, Тартаренъ"... Даже кузнечики въ пыльной травѣ, подъ тѣнью платановъ городскаго Круга, стрекотали безъ умолку, силясь выговорить: "Таръ... таръ... таръ... таръ"...

Такъ какъ никто ничего не зналъ, то, само собою разумѣется, каждый сообщадъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о причинѣ, отъѣзда президента. По городу ходили невозможнѣйшія росказни. Одни увѣряли, будто онъ достригся въ монахи-траппистъ, другіе — что онъ похитилъ актрису Дюгазонъ; по словамъ иныхъ, онъ уѣхалъ на необитаемые острова основывать колонію подъ названіемъ Портъ-Тарасконъ, или же путешествуетъ по центральной Африкѣ, разыскивая Ливингстона.

— Ну вотъ еще, Ливингстона!... Да Ливингстонъ уже два года какъ умеръ...

Но тарасконскому воображенію дѣла нѣтъ до времени и пространства. Всего же любопытнѣе, что всѣ эти исторіи о монастырѣ траппистовъ, о колонизаціи, о дальнихъ путешествіяхъ основывались на словахъ самого Тартарена, этого отчаяннаго фантазера, когда-то сообщавшаго ближайшимъ друзьямъ свои безалаберныя мечты. Теперь они не знали, что подумать, и, въ глубинѣ души обиженные тѣмъ, что онъ ничего

имъ не открылъ, дѣлали видъ передъ толпой, будто имъ все доподлинно извѣстно, а между собою многозначительно перемигивались... Экскурбанье подозрѣвалъ, что Бравида все знаетъ, а Бравида, съ своей стороны, говорилъ:

— Безюке навѣрное знаетъ. Не даромъ онъ ёжится, какъ собака, стащившая кость.

Надо сказать правду: секретъ причинялъ аптекарю жесточайшія страданія; онъ терзалъ, какъ власяница, заставлялъ блѣднѣть и краснѣть поминутно и вѣчно ёжиться. Вѣдь, несчастный былъ тоже тарасконецъ, и, конечно, во всѣхъ мартирологахъ не найти болѣе страшныхъ мученій, чѣмъ тѣ, которыя терпѣлъ мученикъ Безюке, знавшій кое-что и не смѣвшій ничего сказать. Вотъ почему въ этотъ вечеръ, несмотря на ужасающія извѣстія. онъ бодрою и развязною походкой спѣшилъ на засѣданіе. Наконецъ-то!... Онъ можетъ говорить, открыть свою тайну, сбросить давящій его гнетъ. Уже по дорогѣ къ клубу онъ бросалъ встрѣчнымъ полуслова, намеки. День былъ такъ жарокъ, что, несмотря на неурочный часъ и опасную темноту, — было "безъ четверти" восемь часовъ, — по Кругу сновали толпы гуляющихъ, на лавочкахъ сидѣли семьи торговцевъ и дышали чистымъ воздухомъ, пока освѣжались

ихъ дома, слышались болтовыя и взрывы смѣха вырвавшихся на волю швей. Во всѣхъ группахъ говорили о Тартаренѣ:

— Что, monsieur Безюке, все еще нѣтъ писемъ? — обращались съ вопросомъ къ аптекарю,

— Получилъ, получилъ, друзья мои... Читайте Форумъ завтра утромъ...

Онъ спѣшилъ на засѣданіе. Толпы слѣдовали за нимъ, приставали въ нему и, наконецъ, остановились подъ ярко освѣщенными окнами клуба.

Засѣданіе происходило въ прежней игорной залѣ. За столомъ, служившимъ для игры въ "бульотъ" и поврытымъ тѣмъ же зеленымъ сукномъ, помѣщалось теперь "бюро" клуба. Посереминѣ стояло президентское кресло съ вышитыми на спинкѣ буквами П. А. К., сбоку — стулъ секретаря. Сзади развертывалось знамя клуба, а подъ нимъ длинная и глянцовитая рельефная карта тарасконскихъ Альпинъ, съ обозначеніемъ ихъ названій и высотъ. Въ одномъ углу красовалась стойка съ почетными альпенштоками, отдѣланными инкрустаціей и напоминавшими билліардные кіи, въ другомъ — витрина съ "рѣдкостями", собранными во время экскурсій въ горы; тутъ были кристаллы, кремни, окаменѣлости, двѣ раковины, одна саламандра.

За отсутствіемъ Тартарена, на президентскомъ креслѣ сидѣлъ помолодѣвшій, сіяющій Костекальдъ; Экскурбанье исправлялъ должность секретаря; но этотъ безпокойный человѣкъ, по своей необыкновенной страсти шумѣть и волноваться, былъ совсѣмъ непригоденъ для усидчивыхъ занятій. По самому ничтожному поводу онъ махалъ руками и ногами, приходилъ въ дикій восторгъ, оралъ, какъ оглашенный, и постоянно заканчивалъ неистовымъ воплемъ на тарасконскомъ нарѣчіи: "Fen dé brut! — давайте шумѣть!" Его прозвали "гонгомъ" за его голосъ, подобный "мѣди звенящей".

Тамъ и сямъ, на жесткихъ волосяныхъ диванахъ по стѣнамъ, сидѣли члены комитета. На первомъ мѣстѣ — отставной начальникъ гарнизонной швальни, Бравида, котораго въ Тарасконѣ всѣ звали "командиромъ", — маленькій, чистенькій человѣчекъ, старавшійся восполнить недостатокъ роста тѣмъ, что придавалъ своимъ усамъ и всей головѣ дикій видъ Верцингеторикса. Дальше виднѣлась длинная, худая и болѣзненная фигура Пегуляда, сборщика податей, послѣдняго изъ спасшихся во время крушенія Медузы. Насколько могутъ запомнить обыватели Тараскона, у нихъ никогда не переводился послѣдній изъ

спасшихся съ Медузы. Одно время ихъ насчитывалось даже трое; но всѣ они уличили другъ друга въ самозванствѣ и никогда не сходились вмѣстѣ. Изъ троихъ единственнымъ подлиннымъ былъ Пегулядъ. Онъ дѣйствительно былъ на Медузѣ съ своими родителями и потерпѣлъ крушеніе шести мѣсяцевъ отъ роду, что отнюдь не мѣшало ему разсказывать во всѣхъ подробностяхъ про ужасы голода, про шлюпки и плотъ, — про то, какъ онъ схватилъ за горло капитана и крикнулъ: "На рубку, негодяй!" Это въ шесть-то мѣсяцевъ, — лихо!... Впрочемъ, его разсказы были убійственно скучны своимъ однообразіемъ, давнымъ-давно всѣмъ прислушались, такъ какъ повторялись пятьдесятъ лѣтъ, и повторялись часто ради того, чтобы принять мрачно-удрученный видъ и сказать: "Послѣ того, что я видѣлъ!" Какъ бы то ни было, а благодаря этому онъ удержался на своей должности сборщика при всѣхъ режимахъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣли братья Ронгона, шестидесятилѣтніе близнецы, никогда не разстающіеся, вѣчно ссорящіеся и разсказывающіе другъ про друга невѣроятныя гадости. На другой сторонѣ — предсѣдатель суда Бедарилъ, адвокатъ Баржавель, нотаріусъ Камбалалетъ и страшный докторъ Турнатуаръ, про котораго Бравида го-

ворилъ, что онъ способенъ кровь пустить изъ рѣдьки.

По случаю необыкновенной жары, еще усиливаемой газовымъ освѣщеніемъ, всѣ эти господа засѣдали безъ сюртуковъ, что въ значительной мѣрѣ умаляло торжественность собранія. Правда, засѣданіе было не многолюдно, и интриганъ Костекальдъ хотѣлъ этимъ воспользоваться, чтобы назначить, по возможности, скорѣе день выборовъ, не ожидая возвращенія Тартарена. Увѣренный въ успѣхѣ, онъ уже заранѣе торжествовалъ побѣду, и когда поднялся послѣ прочтенія секретаремъ перечня предметовъ, подлежащихъ обсужденію, то на его губахъ играла дьявольская улыбка.

— Берегись того, кто улыбается, не начавши еще говорить, — пробормоталъ храбрый Бравида.

Костекальдъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, подмигнулъ своему пріятелю Турнатуару иначалъ свои ехидства:

— Милостивые государи, необыкновенно странный образъ дѣйствій нашего президента, неизвѣстность, въ которой онъ насъ оставляетъ...

— Это неправда!... Президентъ прислалъ письмо...

Безюке, дрожа отъ негодованія, подбѣжалъ къ бюро, но, тотчасъ же сообразивъ всю непарламентарность такой выходки, измѣнилъ тонъ и, поднявши руку по обычаю, попросилъ слова для сообщенія собранію нетерпящихъ отлагательства свѣдѣній.

— Говорите, говорите!

Костекальдъ пожелтѣлъ еще больше, судорога сжала ему горло и движеніемъ головы онъ далъ слово аптекарю. Тогда только Безюке началъ:

— Тартаренъ у подножія Юнгфрау. Онъ готовъ совершить восхожденіе, требуетъ хоругвь!

На мгновеніе все замерло; слышно было только учащенное дыханіе присутствующихъ, да легкое шуршанье газа. Потомъ восторженное "ура", криви "браво", топанье ногами заглушили "гонгъ" Экскурбанье, вопившаго: "A, a, fen dé brut... Шумимъ, шумимъ!" Толпа на улицѣ неистово вторила этимъ крикамъ.

Костекальдъ желтѣлъ все болѣе и болѣе и отчаянно звонилъ президентскимъ колокольчикоиъ. Наконецъ, Безюке получилъ возможность продолжать. Онъ задыхался, точно вбѣжалъ по лѣстницѣ на пятый этажъ.

"Неужели хоругвь, которую требуетъ президентъ для того, чтобы водрузить на дѣвственнымъ

высотахъ, — неужели хоругвь клуба запакуютъ, зашьютъ, какъ какой-нибудь тюкъ, и отправятъ простою посылкой "большой скорости"?

— Никогда!... А, а, а! — ревѣлъ Экскурбанье.

"Не найдетъ ли собраніе болѣе достойнымъ командировать отъ себя делегацію, назначивъ ея членовъ по жеребью."

Ему не дали договорить. Предложеніе Безюке принято безъ голосованія; имена делегатовъ вынуты въ такомъ порядкѣ: 1) Бравида, 2) Пегулядъ, 3) аптекарь.

Второй сталъ отказываться. Это путешествіе казалось ему опаснымъ, при его слабости и плохомъ состояніи здоровья, разстроеннаго всѣмъ, вынесеннымъ на время крушенія Медузы.

— Я за васъ поѣду, Пегулядъ, — заявилъ Экскурбанье, размахивая руками, какъ старинный телеграфъ.

Что же касается Безюке, то онъ не можетъ оставить аптеку; тутъ дѣло идетъ о безопасности цѣлаго города: малѣйшая оплошность ученика — и Тарасконъ отравленъ, погибъ...

— Однако! — воскликнуло бюро въ одинъ голосъ.

Ясно было, что аптекарю нельзя уѣхать, но онъ можетъ послать Паскалона; Паскалону и

вручить знамя. Ему не привыкать! Затѣмъ новые крики, новые взрывы "гонга", а на улицѣ такая буря воплей, что Экскурбанье вынужденъ былъ показаться въ окнѣ и, покрывая уличный шумъ своимъ необычайнымъ голосомъ, заявить:

— Друзья мои, Тартаренъ нашелся. Онъ стоитъ на пути къ славѣ.

Онъ закончилъ возгласомъ:

— Да здравствуетъ Тартаренъ! — и неизмѣннымъ ferir dé brut, — во всю силу своихъ легкихъ, и затѣмъ съ минуту наслаждался невообразимымъ ревомъ толпы, проносившимся громовыми раскатами въ пыли, стоявшей столбомъ надъ деревьями городскаго Круга.

Все это слышалъ Костекальдъ, подошедшій къ окну вмѣстѣ съ другими, и вернулся къ своему креслу, едва волоча ноги и пошатываясь.

— Э, Костекальдъ, — замѣтилъ кто-то. — Что съ нимъ? До чего онъ желтъ!

Всѣ засуетились. Страшный Турнатуаръ уже вытащилъ было изъ кармана ланцетъ; но оружейникъ, съ лицомъ, искаженнымъ страданіемъ, наивно прошепталъ:

— Ничего, ничего... оставьте меня. Я знаю, что это... это — зависть!...

Бѣдняга Костекальдъ, повидимому, жестоко

страдалъ.

Пока все это происходило на другомъ концѣ города, ученикъ аптекаря сидѣлъ за конторкой, терпѣливо подбиралъ и склеивалъ разорванное письмо, извлеченное изъ корзины. Но многіе лоскутки разлетѣлись, пропали, а потому и получилось нижеслѣдующее загадочное посланіе, нѣсколько напоминающее географическую карту центральной Африки съ ея пробѣлами, обозначающими terra incognita, на изслѣдованіе которыхъ и устремилось испуганное воображеніе простодушнаго хоругвеносца:

люблю безумно
паяльная лампа американскіе консервы ; могу вырват анархист убив подъ этимъ ужаснымъ услов согласится полюб Вы меня знаете, Ферд наете мой либеральный образъ и ; но до преступлен ужасныя послѣдствія тюрьм тная казнь обожаю Ахъ! ; жму руку Тар Тар

VIII

Отель Юнгфрау, содержимый Мейеромъ, какъ и всѣ лучшіе отели Интерлакена, находится на Хохевегѣ, широкомъ проспектѣ, окаймленномъ двумя рядами аллей орѣховыхъ деревьевъ, отчасти напоминавшихъ Тартарену милый его сердцу городской Кругъ: разница была въ томъ, что тутъ не было тарасконскаго солнца, не было пыли и кузнечиковъ. Дождь не переставалъ за всю недѣлю, что нашъ герой прожилъ въ Интерлакенѣ.

Онъ занималъ прекрасную комнату съ балкономъ въ первомъ этажѣ. Утрами, когда онъ, по старой привычкѣ, брился передъ маленькимъ ручнымъ зеркаломъ у открытаго окна, первое, что поражало его взглядъ, была Юнгфрау, подошва которой тонула въ темной зелени лѣсовъ надъ цвѣтущими полями и лугами, а вершина вырывалась далеко за облака, блистала снѣговою бѣлизной, позолоченною яркимъ лучомъ невидимаго солнца. Тогда гордый своею бѣлизной Альпъ и тарасконскій альпинистъ обмѣнивались нѣсколькими словами, не лишенными величія.

— Тартаренъ, что же ты, готовъ? — строго спра-

шивала Юнгфрау.

— А вотъ, вотъ сейчасъ... — отвѣчалъ герой, спѣшно подбривая щеку.

Затѣмъ онъ торопливо надѣвалъ клѣтчатый костюмъ, спеціально предназначенный для восхожденій на горы и мирно покоившійся въ теченіе нѣсколькихъ дней, и горько упрскалъ себя:

— Эка, дрянь какая! Вѣдь, на самомъ дѣлѣ это, наконецъ, ни на что непохоже...

Но въ эту минуту снизу, сквозь зеленую листву миртъ, доносился нѣжный, веселый голосокъ.

— Здравствуйте... — говорила хорошенькая блондинка, — ландо ждетъ насъ, идите скорѣй...

— Иду, иду...

Въ одну минуту грубая шерстяная рубашка замѣнялась тонкимъ крахмаленнымъ бѣльемъ, горный костюмъ уступалъ мѣсто зеленой съ искрой жакеткѣ, кружившей головы тарасконскимъ дамамъ по воскресеньямъ на музыкѣ. Ландо уже стояло у лодъѣзда; тамъ "она" ждала его съ своимъ больнымъ братомъ. Но въ самый моментъ отъѣзда къ экипажу подходили, тяжелою, раскачивающеюся походкой горныхъ медвѣдей, два знаменитыхъ гринденнальдскихъ проводника, Родольфъ Кауфманъ и Христіанъ Инебнитъ. Тартаренъ договорилъ ихъ для восхожденія на

Юнгфрау, и каждое утро они являлись справлять-ся, угодно ли "господину" воспользоваться ихъ услугами.

И каждый разъ для Тартарена было сущею пыткой появленіе этихъ двухъ молодцовъ въ ихъ здоровенной, подкованной обуви, въ камзо-лахъ, протертыхъ мѣшками и веревками, съ ихъ наивными и серьезными лицами... Тщетно онъ повторялъ имъ:

— Напрасно вы приходите, я дамъ знать...

Каждый день онъ встрѣчалъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ и отдѣлывался отъ нихъ какою-ни-будь монетой, стоимость которой соразмѣрялась со степенью его раскаянія. Очень довольные такимъ способомъ "восхожденія на Юнгфрау", проводники важно клали въ карманъ Trin-Tcgeld и степеннымъ шагомъ направлялись къ своему селу, оставляя Тартарена сконфуженнымъ и удрученнымъ сознаніемъ своей слабости. Но... этотъ чудный, мягкій воздухъ, эти цвѣтущія до-лины, отражающіяся въ плѣнительныхъ глазахъ молодой дѣвушки, прикосновеніе маленькой ножки къ его грубому сапогу на днѣ экипажа... О, къ чорту Юнгфрау! Герой все забывалъ, кромѣ своей любви, или, вѣрнѣе даже, задачи, которую себѣ поставилъ, — возвратить на путь добра эту

бѣдную крошку, безсознательно увлеченную братомъ и его товарищами.

Это-то именно и удерживало Тартарена въ Интерлакенѣ, въ одномъ съ нею отелѣ. Въ его годы, съ его фигурой "добраго папаши", онъ не могъ мечтать о взаимности съ ея стороны; но не могъ и равнодушнымъ оставаться, не могъ не поддаваться очарованію... Тартаренъ предлагалъ увезти ихъ всѣхъ въ Тарасконъ, устроить въ хорошенькой дачкѣ, залитой солнцемъ, у самой заставы города, — славнаго маленькаго городка, гдѣ никогда не бываетъ ненастья, гдѣ всѣмъ живется припѣваючи, весело. Онъ увлекался, отбарабанивалъ по своей шляпѣ бойкій мотивъ и напѣвалъ веселый національный припѣвъ:

Lagadigadeù
La Tarasco, la Tarasco,
Lagadigadeù
La Tarasco de Casteù.

Блондинка только головой качала, а на тонкихъ губахъ ея брата скользила насмѣшливая улыбка. Въ то время, какъ они разсуждали такимъ образомъ, передъ ними развертывались виды полей, озеръ, лѣсовъ и горъ, но непремѣнно гдѣ-нибудь на поворотѣ дороги вдругъ появля-

лась бѣлѣющая вершина Юнгфрау и нѣмымъ укоромъ отравляла прелесть прогулки. Но эти укоры превращались въ настоящія мученія, когда Тартаренъ въ ночномъ колпакѣ оставался одинъ-на-одинъ съ своими думами передъ стаканомъ сахарной воды, которую онъ пилъ на ночь. На самомъ дѣлѣ, съ кѣмъ онъ связался? И что ему за дѣло до всѣхъ ихъ разрушительныхъ затѣй?... А что, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день его зацапаютъ, засадятъ въ темную, одиночную тюрьму?... Бр-р-р!... Шутки выйдутъ плохія. И въ сумракѣ ночи, съ поразительного живостью проносились передъ нимъ, одна страшнѣе другой, картины ожидающаго его суда, ссылки на необитаемые острова, откуда онъ убѣжитъ, — убѣжитъ непремѣнно, — а его поймаютъ и — неминуемая смертная казнь, тогда какъ въ Тарасконѣ, при яркомъ блескѣ солнца, при звукахъ музыки, неблагодарная и забывчивая толпа водворитъ сіяющаго Костекальда на кресло П. А. К...

Подъ впечатлѣніемъ одного изъ такихъ страшныхъ сновъ, у него вырвался крикъ отчаянія — "конфиденціальное" письмо къ аптекарю, наполненное его ночными грезами. Но стоило только прелестной блондинкѣ крикнуть ему въ окно: "здравствуйте", и онъ опять поддавался

очарованію. Разъ, когда они, обычною компаніей, возвращались изъ курзала въ отель, одинъ изъ служителей остановилъ его и сказалъ:

— Васъ тамъ какіе-то господа спрашиваютъ... ищутъ васъ.

— Ищутъ!... Зачѣмъ ищутъ?... — и передъ нимъ пронеслась картина № 1 его ночнаго бреда: арестъ, тюрьма... Скрывать тутъ нечего, — Тартаренъ струсилъ, но доказалъ себя истиннымъ героемъ:

— Спасайтесь бѣгствомъ... скорѣй!...- проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, обращаясь къ своей спутницѣ, и, высоко поднявши голову, съ непреклонностью во взорѣ, зашагалъ по лѣстницѣ. Но онъ, все-таки, былъ настолько взволнованъ, что вынужденнымъ нашелся крѣпко держаться за перила.

Войдя въ корридоръ, онъ увидалъ у своей двери нѣсколько человѣкъ, поочередно засматривающихъ въ замочную скважину и кричащихъ: "Э, Тартаренъ..."

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и, едва ворочая высохшимъ языкомъ, проговорилъ:

— Вы меня ищете, господа?

— Тэ! Конечно васъ, господинъ. президентъ!...

Маленькій старичокъ, живой и худенькій, съ ногъ до головы одѣтый въ сѣрое, запыленное

платье, кинулся на шею герою, и длинные, жесткіе усы отстаннаго начальника гарнизонной швальни впились въ нѣжную, выхоленную щеку Тартарена.

— Бравида!... Какими судьбами?... И Экскурбанье тутъ?... А это еще кто же?...

Въ отвѣтъ раздалось мычанье:

— Дорого-о-ой, много-о-уважаемый!...- и аптекарскій ученикъ выдвинулся впередъ, зацѣпляясь за стѣну какою-то длинною палкой, похожею на огромное удилище, завернутое на верхнемъ концѣ въ сѣрую бумагу и клеенку.

— Э-э! да это Паскалонъ. Поцѣлуемся, дружище... Что это ты притащилъ? Брось куда-нибудь.

— Бумагу-то, бумагу-то сними! — шепталъ Бравида.

Маленькій человѣкъ быстро снялъ обвертку, и передъ уничтоженнымъ Тартареномъ развернулось тарасконское знамя. Присутствующіе сняли шляпы.

— Президентъ! — голосъ храбраго капитана Бравиды звучалъ торжественно и твердо. — Президентъ, вы требовали нашу хоругвь. Вотъ она!

Глаза президента, круглые, какъ яблоки, выражали полное недоумѣніе.

— Я требовалъ?...

— Какъ, вы не требовали? Безюке...

— А, конечно, конечно, — спохватился Тартаренъ, услыхавши имя аптеваря.

Онъ все понялъ, обо всемъ догадался, умилился ложью аптекаря, ловко придумавшаго средство вернуть его на путь долга и чести.

— Ахъ, друзья мои, — говорилъ онъ, съ трудомъ превозмогая волненіе, — какъ хорошо вы сдѣлали. Какое добро вы мнѣ сдѣлали...

— Vive le présidai! — взвизгнулъ Паскалонъ, потрясая хоругвью.

За нимъ загремѣлъ "гонгъ" Экскурбанье, и его: "A! a! a! fen dé brut!"... раскатами пронеслось по отелю и грохотало вплоть до подваловъ.

Вся гостиница взбудоражилась: ея квартиранты выбѣгали въ корридоръ и тотчасъ же скрывались въ страхѣ, увидавши знамя, кучку необыкновенныхъ людей, вопящихъ какія-то странныя слова, махающихъ руками. Никогда еще мирный отель Юнгфрау не видалъ въ своихъ стѣнахъ такого безобразія.

— Войдемте ко мнѣ,- сказалъ Тартаренъ. почувствовавшій нѣкоторую неловкость.

Онъ ощупью разыскивалъ въ потемкахъ спички, когда сильный ударъ раздался въ дверь и сразу отворилъ ее. На порогѣ появилась сердитая,

желтая и надутая фигура содержателя гостиницы Мейера. Хозяинъ не вошелъ въ номеръ и изъ дверей проговорилъ сквозь зубы жесткимъ тевтонскимъ говоромъ:

— Нельзя ли потише, не то я васъ отправлю въ полицію.

Нѣчто вродѣ звѣринаго рычанья послышалось изъ потемокъ въ отвѣтъ на дерзкое "отправлю". Хозяинъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но добавилъ еще:

— Знаемъ мы, что вы за народъ! За вами присматриваютъ, и я прошу васъ убираться отсюда по добру, по здорову!

— Господинъ Мейеръ, — сказалъ Тартаренъ тихо и вѣжливо, но съ достоинствомъ, — прикажите подать мой счетъ. Эти господа и я отправляемся на Юнгфрау.

О, родина дорогая! О, маленькая отчизна, частица великаго отечества! Донеслось изъ тебя, далекой, нѣсколько звуковъ тарасконскаго говора, повѣяло твоимъ животворнымъ воздухомъ отъ лазурныхъ складокъ тарасконскаго знамени — и Тартаренъ сразу освободился отъ чаръ и сѣтей любви, опять вернулся къ своимъ друзьямъ, къ своему долгу и къ славѣ.

Теперь — чу!...

IX

Какъ восхитительно было на другой день маленькое путешествіе пѣшкомъ изъ Интерлакена въ Гриндельвальдъ, чтобы, захвативши тамъ проводниковъ, подняться на Малую Шейдекъ! Какъ чудно было торжественное шествіе П. А. К., одѣтаго опять по-походному, опирающагося одною рукой на худенькое плечо командира Бравиды, другою — на могучую руку Экскурбанье, гордыхъ тѣмъ, что служатъ какъ бы ассистентами, поддерживаютъ своего президента, удостоиваются нести его кирку, мѣшокъ, его альпенштокъ! Въ то же время, то впереди ихъ, то сзади, то сбоку подпрыгиваетъ, точно молодой легашъ, фанатическій Паскалонъ съ своимъ знаменемъ, тщательно завернутымъ и завязаннымъ, чтобъ избѣжать шумныхъ сценъ, подобныхъ вчерашней.

Веселость спутниковъ, сознаніе исполненнаго долга, а впереди бѣлая Юнгфрау, поднимающаяся къ небу, подобно туману, — всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы заставить нашего героя забыть, что онъ оставилъ тамъ, позади,

быть можетъ, навсегда и даже не простившись. У послѣднихъ домовъ Интерлакена что-то щекочущее подступило къ его глазамъ, и на ходу онъ началъ было свои изліянія, обращаясь сначала къ Экскурбанье: "Послушайте, Спиридонъ"... а потомъ — къ Бравидѣ: "Вы меня знаете, Пласидъ..." Надо замѣтить, что, по какой-то ироніи судьбы, доблестнаго вояку звали Пласидомъ, а толстокожаго буйвола Экскурбанье — Спиридономъ.

На бѣду, тарасконскій народъ хотя и влюбчивъ, но весьма мало сантименталенъ и всегда легко относится къ сердечнымъ дѣламъ. "Лишиться женщины и пятнадцати копѣекъ, очень жаль пропавшихъ денегъ", — сентенціозно говорилъ Пласидъ, и Спиридонъ вполнѣ раздѣлялъ такое мнѣніе. Что же касается дѣвственно-скромнаго Паскалона, то онъ пуще огня боялся женщинъ и краснѣлъ до ушей, когда при немъ произносили имя "Маленькой Шейдекъ", воображая, что дѣло идетъ о какой-нибудь особѣ легкаго поведенія. Нашему герою поневолѣ пришлось воздержаться отъ чувствительныхъ изліяній и утѣшиться въ одиночку, что онъ и сдѣлалъ. Да и какая печаль могла бы устоять передъ развлеченіями, которыя представляла дорога по узкой, глубокой и темной долинѣ, куда наши путники пошли берегомъ

извилистой рѣчки, пѣнистой и бурливой, грохочущей между заросшими лѣсомъ крутизнами?

Тарасконскіе делегаты въ недоумѣніи озирались, охваченные какъ бы нѣкіимъ священнымъ ужасомъ, вродѣ того, что испытывали товарищи Синбада-мореходца, когда впервые увидали гигантскую растительность индійскихъ береговъ.

— Да это еще что, вотъ посмотрите-ка Юнгфрау! — говорилъ П. А. К, наслаждавшійся ихъ удивленіемъ и сознаніемъ, что самъ онъ выростаетъ въ глазахъ земляковъ.

Въ то же время, чтобъ оживить эту декорацію и смягчить дроизводимое ею поражающее впечатлѣніе, по дорогѣ встрѣчались кавалькады, большія ландо, изъ которыхъ развѣвались вуали и высовывались любопытныя головы посмотрѣть на делегацію, окружающую своего предводителя; тамъ и сямъ допадались маленькія выставки на продажу вещицъ, рѣзанныхъ изъ дерева, группы дѣвочекъ въ соломенныхъ шляпахъ съ длинными лентами, пѣвшихъ въ три голоса и предлагавшихъ букеты малины и горныхъ цвѣтовъ. Отъ времени до времени раздавались меланхолическіе звуки альпійскаго рога, повторяемые горнымъ эхомъ и замирающіе вдали, подобно тому, какъ облако таетъ, разбредаясь

незримымъ паромъ.

— Какъ хорошо, точно органы! — шепталъ Паскалонъ съ увлаженными отъ восторга глазами.

Экскурбанье неистово вопилъ, а эхо откликалось тарасконскимъ: "A!.. a!... a!... fen dé brut". Но два часа ходьбы, все-таки, утомительны, при одной и той же обстановкѣ, хотя бы она представляла собою сочетаніе зелени и лазури на фонѣ альпійскихъ ледниковъ и оглашалась звуками, какъ футляръ часовъ съ музыкой. Грохотъ водопадовъ, тріо дѣвочекъ, торговцы рѣзными бездѣлушками, маленькія продавщицы букетовъ нестерпимо надоѣли нашимъ путникамъ; въ особенности же невыносимою имъ казалась сырость, влажный паръ, стоящій на днѣ разсѣлины, куда никогда не проникалъ лучъ солнца.

— Вотъ гдѣ вѣрнѣйшая-то простуда, — замѣтилъ Бравида и поднялъ воротникъ своей жакетки.

А тутъ усталость взяла свое, за нею голодъ, дурное расположеніе духа. Какъ на зло, трактира нигдѣ не было. Давала себя знать и малина, которой Экскурбанье и Бравида неумѣренно покушали и начинали за то расплачиваться. Даже Паскалонъ, этотъ ангелъ кротости, нагруженный не только хоругвью, но и киркой, и мѣшкомъ, и альпенштокомъ, которые были остальными

малодушно свалены на его плечи, — даже Паскалонъ утратилъ свою веселость и уже не прыгалъ, какъ молодой легашъ. На одномъ изъ поворотовъ дороги, у крытаго моста, какіе строятся въ мѣстностяхъ большихъ снѣговъ, потрясающія завыванья рога чуть не оглушили нащихъ путниковъ.

— А!.. довольно!... довольно!...- заголосила доведенная до отчаянія делегація.

Молодецъ огромнаго роста, притаившійся на поворотѣ, выпустилъ длинную сосновую трубку, доходившую до земли и окавчивавшуюся какимъ-то ударнымъ ящикомъ, придававшимъ этому доисторическому инструменту зычность артиллерійскаго орудія.

— Спросите у него, не знаетъ ли онъ гдѣ по близости трактира? — обратился президентъ къ Экскурбанье, который, съ огромнымъ апломбомъ и маленькимъ словаремъ въ карманѣ, увѣрилъ всѣхъ, будто можетъ служить делегаціи переводчикомъ, когда она вступитъ въ нѣмецкую Швейцарію. Но прежде чѣмъ тотъ успѣлъ вынуть свой словарь, трубачъ отвѣтилъ по-французски:

— Трактиръ, господа? Здѣсь есть близехонько... трактиръ Вѣрной Серны. Если угодно, я провожу васъ.

Дорбгой онъ сообщилъ имъ, что долго жилъ въ Парижѣ и былъ посыльнымъ коммиссіонеромъ на углу улицы Вивьенъ.

"Тоже изъ компанейскихъ, чортъ его возьми!" — подумалъ Тартаренъ, но ничего не сказалъ своимъ спутникамъ. Коллега Бонпара оказался для нихъ очень полезнымъ человѣкомъ, такъ какъ, несмотря на французскую вывѣску, обыватели трактира Вѣрной Серны говорили только на отвратительномъ мѣстномъ нѣмецкомъ нарѣчіи.

Скоро тарасконская делегація подкрѣпила свои силы яичницею съ картофелемъ; съ сытостью вернулись бодрость и веселость, столь же необходимая южанину, какъ солнце его родины. Покушали основательно и здорово выпили. Послѣ нескончаемыхъ тостовъ за президента и его будущіе подвиги, Тартаренъ, заинтересованный вывѣской трактира съ самаго прихода, спросилъ у трубача:

— Такъ, стало быть, здѣсь еще водятся серны?... А я думалъ, что ихъ уже нѣтъ въ Швейцаріи.

— Не много, конечно, а, все-таки, есть еще, — отвѣтилъ тотъ. — Коли хотите посмотрѣть, это можно устроить.

— Ему не посмотрѣть, а пострѣлять ихъ хочет-

ся! — вступился Паскалонъ. — Нашъ президентъ бьетъ безъ промаха.

Тартаренъ высказалъ сожалѣніе, что не захватилъ съ собою карабина.

— А вотъ я поговорю съ хозяиномъ.

Оказалось, что хозяинъ былъ въ свое время охотникомъ за дикими козами; онъ предложилъ свое ружье, порохъ, пули и даже согласился проводить путешественниковъ въ такія мѣста, гдѣ водятся серны.

— Идемъ! — сказалъ Тартаренъ, который не прочь былъ доставить тарасконскимъ альпинистамъ удовольствіе блеснуть ловкостью своего президента. Конечно, это опять маленькая задержка; ну, да Юнгфрау можетъ подождать, — дойдетъ и до нея очередь!...

Выйдя изъ трактира чернымъ ходомъ, путешественники миновали садикъ, размѣрами не больше цвѣтника начальника желѣзнодорожной станціи, и очутились въ дикомъ горномъ ущельѣ, заросшемъ соснякомъ и терновникомъ. Трактирщикъ пошелъ впередъ; его фигура мелькала уже на высокихъ стремнинахъ. Тарасконцы видѣли, какъ онъ машетъ руками и бросаетъ камни, — ясно, выпугиваетъ дикихъ козъ. Съ величайшимъ трудомъ стали они взбираться за

нимъ по скалистымъ крутизнамъ, почти совсѣмъ недоступнымъ для людей, плотно пообѣдавшихъ и столь мало привычныхъ къ горамъ, какъ наши добрые тарасконскіе альпинисты. Къ тому же, въ тяжеломъ воздухѣ чувствовалась близость грозы, — темныя облака медленно ползли: по вершинамъ горъ надъ самыми ихъ головами.

— Boufre! — стоналъ Бравида.

Экскурбанье рычалъ:

— Outre!...

Самъ кроткій Паскалонъ чуть ли не готовъ былъ ругнуться. Но вотъ проводникъ махнулъ рукой, давая имъ знакъ молчать и не двигаться.

— Съ оружіемъ въ рукахъ не разговариваютъ, — строго проговорилъ Тартаренъ изъ Тараскона, упуская изъ вида, что оружіето было только у него въ рукахъ.

Всѣ остановились и затаили дыханіе. Вдругъ Паскалонъ крикнулъ:

— Э, серна... вонъ, э!...

Въ ста метрахъ надъ ними, на краю скалы, дѣйствительно стояла серна съ прямыми рожками, точно выточенная изъ сѣраго дерева, и смотрѣла на нихъ безъ малѣйшихъ признаковъ страха. Тартаренъ, по своему обыкновенію, не спѣша, поднялъ ружье, прицѣлился... Серна исчезла.

— Это все вы, — обратился Бравида къ Паскалону. — Вы зачѣмъ свиснули?... Вотъ и спугнули.

— Я?... Я не свисталъ.

— Такъ это Спиридонъ.

— И не думалъ.

Между тѣмъ, всѣ явственно слышали рѣзкій и продолжительный свистъ. Президентъ прекратилъ пререканіе, разъяснивши, что серны, при видѣ опасности, издаютъ рѣзкій свистъ ноздрями. Дока этотъ Тартаренъ, знатокъ до тонкости охоты за дикими козами, да и всѣхъ другихъ охотъ. По зову проводника, они снова пустились въ путь. Подъемъ становился все труднѣе, скалы все круче и обрывистѣе. Тартаренъ шелъ передомъ, оборачиваясь безпрестанно назадъ, чтобы помочь делегатамъ, протянуть имъ руку или свой карабинъ.

— Руку, руку, пожалуйста, — просилъ добрякъ Бравида, очень боявшійся заряженныхъ ружей.

Проводникъ подалъ опять знакъ, путники опять остановились, глядя по верхамъ.

— Мнѣ капля дождя на носъ капнула, — проговорилъ капитанъ тревожно.

Въ то же время послышался глухой раскатъ грома, заглушенный отчаяннымъ воплемъ Экскурбанье:

— Береги, береги, Тартаренъ!

Серна проскочила близехонько отъ нихъ, но только мелькнула, перепрыгнувъ рытвину такъ быстро, что Тартаренъ не успѣлъ приложиться. Быстрота прыжка не помѣшала имъ, однако же, разслышать продолжительный свистъ ея ноздрей.

— Ну, да я же до тебя, все-таки, доберусь! — сказалъ президентъ, но делегаты начали протестовать. Экскурбанье даже обозлился и спросилъ его, не поклялся ли онъ ихъ доканать насмерть.

— До-орого-ой мой! — замычалъ Паскалонъ. — Я слыхалъ, будто серна, доведенная до отчаянія, кидается на охотника и становится опасною.

— Такъ не станемъ доводить ее до отчаянія, — проговорилъ Бравида, грозно надвигая фуражку.

Тартаренъ назвалъ ихъ мокрыми курицами. И вдругъ, въ самый разгаръ ссоры, ихъ скрылъ другъ отъ друга сплошной теплый ливень, сквозь который они напрасно искали другъ друга и перекликались.

— Э! Тартаренъ.

— Гдѣ вы, Пласидъ?

— До-орогоой!…

— Хладнокровіе… Прежде всего, хладнокровіе!

Произошла настоящая паника. Порывъ вѣтра

разорвалъ тучу, какъ клочья газа, изъ которыхъ зигзагами блеснула молнія съ оглушающимъ трескомъ подъ ногами путешественниковъ.

— Фуражка... моя фуражка! — вопилъ Спиридонъ, хватаясь за открытую голову, накоторой волосы поднялись дыбомъ и трещали электрическими исирами.

Наши пріятели были въ центрѣ грозы, въ самой кузницѣ Вулкана. Бравида первый пустился бѣжать, что было силы, за нимъ кинулись и остальные члены делегаціи. Ихъ, однако же, тотчасъ же остановилъ крикъ предусмотрительнаго П. А. К.:

— Несчастные... берегитесь молніи!...

Впрочемъ, и помимо дѣйствительной опасности, указанной Тартареномъ, бѣгство было физически невозможно по крутымъ, изрытымъ скатамъ, превращеннымъ ливнемъ въ стремительные потоки и водопады. Обратный путь былъ, поистинѣ, скорбнымъ путемъ шагъ за шагомъ подъ проливнымъ дождемъ, среди короткихъ молній, сопровождаемыхъ взрывами грома. Паскалонъ крестился и вслухъ призывалъ на помощь, по-тарасконски, "святую Марту и святую Елену, святую Марію Магдалину"; Экскурбанье ругался, а Бравида, шедшій въ арріергардѣ,

тревожно оглядывался и говорилъ:

— Что тамъ еще за чертовщина позади насъ дѣлается?... Свищетъ, скачетъ, потомъ останавливается...

Мысль о разсвирѣпѣвшей сернѣ, кидающейся на охотника, не выходила изъ головы стараго воина. Потихоньку, чтобы не испугать товарищей, онъ сообщилъ Тартарену о своихъ опасеніяхъ. Тотъ храбро занялъ его мѣсто въ аріерргардѣ и, промокшій до костей, шелъ съ гордо поднятою головой, съ выраженіемъ нѣмой отваги, вызываемой неизбѣжностью опасности. Но на то, когда они вернулись въ трактиръ, когда онъ увидалъ, какъ дорогіе его сердцу альпинисты выжимаютъ свои одѣянія, сушатъ ихъ и сами сушатся передъ огромнымъ каминомъ въ комнатѣ перваго этажа, потягивая носомъ сладкій ароматъ заказаннаго грога, — тогда президентъ почувствовалъ дрожь, сильно поблѣднѣлъ и объявилъ:

— Я, навѣрное, схватилъ болѣзнь...

"Схватить болѣзнь — prendre le mal!" — мѣстное выраженіе, страшное своею неопредѣленностью и краткостью, обозначаетъ все, что угодно: чуму, холеру, черную немочь и всѣ другія болѣзни, черныя, желтыя, смертельныя, которыми считаетъ себя одержимымъ всякій тарасконецъ при

малѣйшемъ недомоганіи.

Тартаренъ схватилъ болѣзнь! Тутъ уже не могло быть рѣчи о возобновленіи охоты, да и делегація ничего такъ не жаждала, какъ покоя. Быстро была нагрѣта постель, принесено горячее вино, и со втораго стакана президентъ почувствовалъ, какъ живительное тепло разливается по его размякшему тѣлу, предвѣщая благополучный исходъ. Съ двумя подушками за спиной, съ периной на ногахъ, съ обвязанною головой, онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, укрытый отъ бушевавшей снаружи непогоды, окруженный своими альпинистами, тѣснившимися вокругъ его постели и закутанными въ одѣяла, ковры и занавѣски, придававшія необычайно странный видъ ихъ гальско-сарацинско-римскимъ лицамъ. Забывая о самомъ себѣ, Тартаренъ обращался къ нимъ съ благодушнымъ участіемъ:

— Лучше ли вамъ, Пласидъ?... Спиридонъ, вы, кажется, дурно себя чувствовали?...

Нѣтъ, Спиридонъ чувствовалъ себя теперь очень хорошо; съ него — какъ рукой сняло, какъ только онъ увидалъ, что президентъ-таки сильно занемогъ. Бравида, любившій говорить пословицами, цинично прибавилъ:

— Чужая хворь свою прогоняетъ!...

Потомъ они заговорили про свою охоту, воодушевляясь при воспоминаніи о нѣкоторыхъ опасныхъ эпизодахъ, о томъ, напримѣръ, какъ на нихъ кинулось разсвирѣпѣвшее животное. И безъ уговора, совершенно искренно, они уже складывали небылицы, которыя будутъ разсказывать по возвращеніи домой. Вдругъ Паскалонъ, ходившій въ кухню за новымъ запасомъ грога, вбѣжалъ совсѣмъ растерянный и едва могъ выговорить лишь одно слово:

— Серна!....

— Ну, что — серна?

— Тамъ... въ кухнѣ... грѣется!...

— Э!... Какъ?... что?...

— Ты шутишь!...

— Не пройдете ли вы взглянуть, Пласидъ?

Бравида не рѣшался. Пошелъ Экскурбанье, крадучись, на цыпочкахъ, и почти тотчасъ же вернулся въ сильномъ волненіи... Часъ отъ часу не легче!... Серна пьетъ изъ чашви теплое вино.

По правдѣ сказать, бѣдная возочва честно заслужила свою порцію; не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, хозяинъ такъ немилосердно гонялъ ее по горамъ и подзывалъ свисткомъ. Обыкновенно онъ ограничивался тѣмъ, что въ залѣ показывалъ путешественникамъ тѣ штуки, которымъ онъ

ее выучилъ.

— Это чортъ знаетъ что! — воскликнулъ Брависда, не пытаясь даже понять.

А Тартаренъ тихонько спряталъ лицо, чтобы не дать замѣтить делегатамъ сладостной веселости, успокоительно охватывавшей его при каждомъ новомъ подтвержденіи разсказовъ Бонпара о компанейской Швейцаріи съ ея фокусными штуками и поддѣлками.

X

Въ отелѣ Бельвю, на Малой Шейдекъ, собралось особенно много туристовъ. Несмотря на дождь и вѣтеръ, столы были накрыты на террасѣ подъ навѣсомъ, среди цѣлой выставки альпенштоковъ, баклагъ, подзорныхъ трубъ, рѣзныхъ изъ дерева часовъ съ кукушками. За завтракомъ путешественники могли любоваться, съ одной стороны, чудесною долиной Гриндельвальда, лежащею тысячи на двѣ метровъ ниже веранды, съ другой — долиной Лаутербруннена; а прямо, противъ отеля, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, какъ казалось на глазъ, поднималась дѣвственная и величественная Юнгфрау съ ея обрывами, ледниками, сіяющими ослѣпительною бѣлизной, отъ которой воздухъ казался чище, стаканы на столахъ — прозрачнѣе и скатерти — бѣлѣе.

Общее вниманіе было вдругъ привлечено шумливымъ караваномъ бородатыхъ людей, только что прибывшихъ верхами на лошади, на мулѣ, на ослѣ, и даже съ носилками. Пріѣхавшіе, очевидно, готовились къ восхожденію на Юнгфрау и засѣли за плотный завтракъ. Ихъ громкій говоръ

и ничѣмъ не стѣсняемое увлеченіе представляли собою рѣзкую противуположность съ тоскливо-чопорною сдержанностью знатныхъ "рисовыхъ" и "черносливныхъ", собравшихся на Шейдекъ; тутъ были и лордъ Чипендаль, и бельгійскій сенаторъ съ супругой, и австро-венгерскій дипломатъ, и многіе другіе. Можно было предполагать, что бородатые господа, завтракающіе за однимъ столомъ, отправляются на гору вмѣстѣ, всею компаніей, такъ какъ каждый изъ нихъ принималъ живое участіе въ приготовленіяхъ, каждый вскакивалъ, кидался отдавать какія-то приказанія проводникамъ, осматривалъ запасы и съ одного конца террасы во все горло перекликался съ товарищами:

— Ге! Пласидъ, положили ли миску въ мѣшокъ?... Смотрите забудьте спиртовую лампу...

Только въ минуту отправленія оказалось, что все это провожающіе и что въ опасный путь пускается лишь одинъ изъ всей компаніи, но за то — каковъ этотъ одинъ!...

— Ну, дѣти, готово? — спросилъ добрякъ Тартаренъ торжественнымъ и радостнымъ голосомъ, въ которомъ не было и тѣни тревоги передъ будущими опасностями путешествія.

Его послѣднія сомнѣнія относительно того, что

въ Швейцаріи все поддѣлано напоказъ, окончательно разсѣялись въ это самое утро передъ двумя ледниками Гриндельвальда, у входовъ на которые поставлены калитка и турникетъ съ надписью: "Entrée du glacier: un franc cinquante" [7].

Такимъ образомъ, нашъ герой могъ спокойно наслаждаться сборами въ путь, сулившій ему настоящій апоѳеозъ; онъ радостно сознавалъ, что всѣ на него смотрятъ, всѣ завидуютъ ему, что маленькія миссъ, задорно смѣявшіяся надъ нимъ въ Риги-Кульмъ, приходятъ теперь въ восторгъ отъ сравненія его, такого малекькаго человѣка, съ большущею горой, на которую онъ взойдетъ. Одна изъ этихъ шалуній рисовала его портретъ въ своемъ альбомѣ, другая за честь считала прикоснуться рукой къ его альпенштоку.

— Чимпеннь!... чимпеннь!... (шампанскаго!) — крикнулъ вдругъ сухой, длинный и мрачный англичанинъ, подходя съ бутылкой и стаканомъ. Чокнувшись съ героемъ, онъ прибавилъ:

— Лордъ Чипендаль, сэръ... Et vô?

— Тартаренъ изъ Тараскона.

— О! yes... Тэртеринъ... хорошее имя для лошади... — сказалъ лордъ, большой спортсменъ,

---

[7] Примечания: 7
"За входъ на ледникъ 1 фр. 50 сант."

должно быть.

Австро-венгерскій дипломать тоже подошелъ пожать руку альпиниста своими одряхлѣвшими лапками. Онъ смутно помнилъ, что гдѣ-то встрѣчалъ этого господина, и нѣсколько разъ промямлилъ:

— Enchanté!... enchanté!...- потомъ, не придумавши, что бы сказать еще, прибавилъ:- Супругѣ прошу передать мое почтеніе...

Такою фразой онъ издавна привыкъ заканчивать свѣтскіе разговоры.

Между тѣмъ, проводники торопили; надо было засвѣтло добраться до хижины альпійскаго клуба, гдѣ обыкновенно заночевываютъ послѣ перваго перехода. Нельзя было терять ни минуты. Тартаренъ понялъ это, сдѣлалъ общій поклонъ, отечески улыбнулся смѣшливымъ миссъ и громовымъ голосомъ сказалъ:

— Паскалонъ, знамя!

Оно было развернуто, вѣтеръ заигралъ его складками, гарасконцы сняли шляпы, — въ ихъ добромъ Тарасконѣ любятъ театральные эффекты, — загремѣли крики:

— Да здравствуетъ президентъ!... Да здравствуетъ Тартаренъ!... A! a!... fen dé brut!...

И шествіе двинулось въ такомъ порядкѣ: вперe-

ди двое проводниковъ съ мѣшками, съ провизіей и дровами, за ними Паскалонъ съ развернутымъ знаменемъ, наконецъ? П. А. К. и делегаты, желавшіе проводить его до ледника Гужи. Вдругъ доблестный командиръ Бравида тревожно крикнулъ:

— Ахъ, быки!...

Нѣсколько штукъ рогатаго скота щипало низкую траву въ одной изъ западинъ. Эти животныя возбуждаля чувство непреодолимаго нервнаго страха въ бывшемъ воинѣ; а такъ какъ его нельзя было покинуть одного то и вся дилегація принуждена была остановиться. Паскалонъ передалъ свою хоругвь одному изъ проводниковъ; послѣдовали прощанія, рукопожатія, пожеланія и совѣты:

— Et adieu, que!

— Осторожность, осторожность, прежде всего...

Разстались, и ни одинъ изъ членовъ альпійскаго клуба не подумалъ даже вызваться сопутствовать президенту, — очень ужь высоко!... А по мѣрѣ приближенія казалось, что гора все ростетъ; къ тому же, кругомъ пропасти, скалы, лѣзущія вверхъ изъ снѣжнаго хаоса, представляющагося непроходимымъ. Лучше посмотрѣть на восхож-

деніе съ Шейдекъ.

Президентъ альпійскаго клуба, разумѣется, никогда въ жизни не ступалъ ногой ни на одинъ ледникъ. Ничего подобнаго нельзя найти въ покрытыхъ душистыми цвѣтами и зеленью горахъ Тараскона, и, тѣмъ не менѣе, первый ледникъ производилъ на него впечатлѣніе чего-то уже видѣннаго, напоминалъ объ охотахъ въ Провансѣ, вблизи моря. И здѣсь, какъ тамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ ниже становится трава, кое-гдѣ виднѣется застоявшаяся вода, обросшая чахлымъ тростникомъ, что-то похожее на песчаныя дюны, на разбитыя раковины, а вдали точно волны зеленовато-голубаго льда съ бѣлыми гребнями изъ снѣга, точно волны, застывшія и неподвижныя. Оттуда несется рѣзкій, пронзительный вѣтеръ, точно такъ же, какъ дуетъ онъ съ моря, насквозь прохватывая живительною свѣжестью.

— Нѣтъ, благодарю... У меня есть свои... — сказалъ Тартаренъ проводнику, когда тотъ предложилъ ему надѣть шерстяные чулки поверхъ сапоговъ. — У меня подковки Беннеди... усовершенствованныя... необыкновенно удобныя! — кричалъ онъ изъ всѣхъ силъ, точно говорилъ съ глухимъ, предполагая, что такъ его скорѣе пойметъ Христіанъ Инебнитъ, который

такъ же мало разумѣлъ по-французски, какъ и его товарищъ Кауфманъ.

Тартаренъ присѣлъ на первое попавшееся возвышеніе и пристегнулъ въ сапогамъ ремнями нѣчто похожее на кованную подошву съ тремя огромными и острыми шипами. Онъ уже сотню разъ пробовалъ эти усовершенствованныя подковы Кеннеди въ своемъ садикѣ съ боабабомъ и, все-таки, эффектъ вышелъ совсѣмъ неожиданный. Подъ тяжестью нашего героя шипы врѣзались въ ледъ съ такою силой, что всѣ попытки вытащить ихъ обратно оказались тщетными. Тартаренъ какъ бы приросъ въ мѣсту; онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, ругался, размахивалъ руками и альпенштокомъ и, въ концѣ-концовъ, вынужденъ былъ крикнуть проводникамъ, ушедшимъ далеко впередъ въ полномъ убѣжденіи, что они имѣютъ дѣло съ очень опытнымъ альпинистомъ.

Въ виду невозможности извлечь его съ усовершенствованнымъ приборомъ Кеннеди, проводники разстегнули ремни; приборъ такъ и остался во льду и былъ замѣненъ вязаными шерстяными чулками. Президентъ пустился въ дальнѣйшій тяжелый и утомительный путь. По непривычкѣ управляться съ длинною палкой,

Тартаренъ цѣплялъ за нее ногами; желѣзный наконечникъ скользилъ, когда путникъ сильно налегалъ на него; онъ попробовалъ было пустить въ ходъ кирку, — орудовать ею оказалось еще труднѣе. А ледяныя волны становились все крупнѣе, громоздились одна на другую, точно взбитыя бурей и сразу застывшія, сдѣлавшіяся неподвижными.

Неподвижность была, однако же, только кажущеюся, такъ какъ глухой трескъ и шуршаніе, едва уловимое передвиженіе громадныхъ ползущихъ льдинъ, свидѣтельствовали о непрестанной скрытой работѣ, совершающейч;я внутри застывшихъ, измѣнчивыхъ массъ. Передъ глазами альпиниста, подъ его альпенштокомъ, открывались трещины, бездонныя пропасти, въ которыя съ безконечнымъ рокотомъ катились мелкія льдины. Герой падалъ нѣсколько разъ, однажды оборвался до половины въ зеленоватую расщелину и удержался только благодаря ширинѣ своихъ плечъ.

Видя, какъ онъ неловокъ и, въ то же время, спокоенъ и увѣренъ въ себѣ, видя, какъ онъ смѣется, поетъ и жестикулируетъ, проводники вообразили, что на него подѣйствовало швейцарское шампанское, выпитое за завтракомъ.

Могли ли они подумать что-либо иное о президентѣ альпійскаго клуба, знаменитомъ своими восхожденіями на горы, громогласно прославляемомъ товарищами? Взяли они его подъ обѣ руки съ почтительною твердостью полисменовъ, усаживающихъ въ карету подгулявшаго барина, и старались словами и жестами втолковать ему объ опасностяхъ пути, о необходимости поспѣть засвѣтло въ хижину. Они грозили ему разсѣлинами, холодомъ, лавинами, указывали киреами на огромныя скопленія льдовъ, громоздившихся отвѣсными стѣнами, готовыми вотъ-тотъ наклониться и рухнуть... Добрякъ Тартаренъ отъ души потѣшался надъ всѣмъ этимъ:

— Ха! трещины... о-хо-хо!...- прыскалъ онъ-отъ смѣха, подмигивая проводникамъ и подталкивая ихъ локтями въ бока, чтобы дать имъ уразумѣть, что его не проведешь такими штуками, что онъ отлично знаетъ всю подноготную этой комедіи.

Подъ конецъ развеселились и швейцарцы, — и на нихъ подѣйствовала увлекательная живость тарасконскихъ пѣсенъ. Пріостанавливаясь на нѣсколько минутъ въ болѣе надежныхъ мѣстахъ, чтобы дать вздохнуть путешественнику, они и сами принимались напѣвать по-своему, только не очень громко, изъ опасенія обваловъ, и не

долго, такъ какъ уже наступалъ вечеръ. Чувствовалась близость твердой земли; холодъ сталъ рѣзче, снѣгъ и ледъ получили какой-то тусклый оттѣнокъ. Кругомъ сдѣлалось еще мрачнѣе, еще безмолвнѣе, точно смертью повѣяло. И самъ Тартаренъ попритихъ было, когда отдаленный крикъ горной куропатки вдругъ воскресилъ въ его памяти пейзажъ, сожженный южнымъ солнцемъ и освѣщенный цѣлымъ заревомъ ярко пылающаго заката... толпу тарасконскихъ охотниковъ, сидящихъ на пустыхъ ягдташахъ подъ тѣнью оливковаго дерева... Это воспоминаніе вновь подбодрило его.

Въ то же время, Кауфманъ показалъ вверхъ на что-то, похожее на вязанку дровъ, брошенную на снѣгу.

— Die Hütte, — проговорилъ проводникъ.

То была хижина. Казалось, до нея всего нѣсколько шаговъ, въ дѣйствительности же приходилось идти еще добрыхъ полчаса. Одинъ изъ проводниковъ пошелъ впередъ развести огонь. Наступала ночь, холодъ давалъ себя чувствовать. Несмотря на сильное пониженіе температуры, на Тартаренѣ не оставалось ни одной сухой нитки; отъ усталости онъ уже плохо понималъ, что съ нимъ дѣлается; поддерживаемый сильною рукой

горца, онъ прыгалъ, спотыкался и едва брелъ впередъ. Вдругъ вспыхнулъ яркій свѣтъ очага въ нѣсколькихъ шагахъ, донесся аппетитный запахъ луковаго супа.

Пришли.

Нѣтъ ничего болѣе первобытнаго, чѣмъ эти "станціи", устроенныя въ горахъ заботами швейцарскаго альпійскаго клуба. Это нѣчто вродѣ сарая съ наклонными деревянными нарами, предназначенными для спанья и занимающими почти все помѣщеніе, за исключеніемъ небольшаго пространства, оставленнаго для очага и для длиннаго стола, наглухо прибитаго къ полу, также какъ и окружающія его скамейки. Столъ былъ уже накрытъ: три чашии, оловянныя ложки, спиртовая лампа для варки кофе, двѣ коробки консервовъ изъ Чикаго. Тартаренъ былъ въ восторгѣ отъ обѣда, хотя луковый супъ распространялъ очень смрадный запахъ, а знаменитая патентованная лампа, долженствовавшая изготовлять кофе въ три минуты, вчистую отказалась дѣйствовать.

За дессертомъ онъ запѣлъ: то былъ единственный возможный для него способъ бесѣдовать съ проводниками. Онъ спѣлъ имъ: "La Tarasque, les Filles d'Avignon". Они отвѣчали ему своими

мѣстными пѣснями: "Mi Vater isch en Appenzeller... aou... aou..." Обѣдъ приходилъ къ концу, когда послышались тяжелые шаги и шумъ приближающихся голосовъ, потомъ нетерпѣливый стукъ въ дверь. Тартаренъ въ сильномъ волненіи взглянулъ на проводниковъ... Что такое? Ночное нападеніе?... Стукъ въ дверь усилился. "Кто тамъ?" — крикнулъ герой, хватаясь за кирку. Но въ хижину уже вошли два янки огромнаго роста, за ними проводники, носильщики, цѣлый караванъ, возвращающійся съ вершины Юнгфрау.

— Милости просимъ, милорды, — сказалъ Тартаренъ съ привѣтливымъ жестомъ добродушнаго хозяина, приглашающаго гостей.

Но "милорды", повидимому, не нуждались въ его приглашеніи и расположились какъ дома. Въ одинъ мигъ столъ былъ занятъ, приборы сняты, перемыты горячею водой и опять поставлены для новоприбывшихъ, по заведенному порядку во всѣхъ альпійскихъ хижинахъ; сапоги "милордовъ" сушились передъ очагомъ, а сами "милорды" съ обвернутыми соломой ногами принялись за вторично изготовленный луковый супъ.

Американцы были отецъ съ сыномъ, оба — громадные, рыжіе, съ рѣзкими, непреклонно

упрямыми лицами истыхъ піонеровъ. Широко раскрытые глаза старшаго были безъ взгляда, точно въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлковъ. Скоро Тартаренъ догадался, по его неувѣреннымъ движеніямъ, какъ бы ощупью разысвивающимъ ложву и чашку, и по заботамъ о немъ сына, что это — знаменитый слѣпой альпинистъ, о которомъ говорили въ отелѣ Бельвю и въ существованіе котораго онъ не хотѣлъ вѣрить. Необыкновенный ходокъ по горамъ въ молодости, американецъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и на слѣпоту, пустился опять въ прежнія горныя экскурсіи вмѣстѣ съ сыномъ. Онъ уже побывалъ, такимъ образомъ, на Веттерхорнѣ и на Юнгфрау, разсчитывалъ взобраться на Сервенъ и Монъ-Бланъ и увѣрялъ, что воздухъ большихъ высотъ доставляетъ ему своею свѣжестью, своимъ "снѣговымъ вкусомъ" неизъяснимое наслажденіе, возвращаетъ ему бодрость молодости.

— Однако, — спрашивалъ Тартаренъ одного изъ носильщиковъ, такъ какъ янки были несообщительны и на всѣ подходы отвѣчали короткими yes и по, — однако, какъ же онъ справляется въ опасныхъ мѣстахъ, ничего не видя?

— О, у него привычныя къ горамъ ноги; къ тому же, сынъ не отходитъ отъ него ни на шагъ,

водитъ его, ноги ему ставитъ, когда нужно... Какъ бы то ни было, все обходится благополучно.

— Къ тому же, и неблагополучные случаи не очень-то страшны, кажется? — подмигнулъ Тартаренъ съ многозначительною улыбкой вытаращившему на него глаза носильщику. Часъ отъ часу все болѣе и болѣе убѣжденный въ томъ, что "все это вранье и штуки", Тартаренъ улегся на нары, завернулся въ одѣяло и заснулъ, несмотря на шумъ, дымъ трубокъ и запахъ лука.

— Мосье!... Мосье!...

Одинъ изъ проводниковъ расталкивалъ его, чтобъ отправляться въ путь, между тѣмъ какъ другой наливалъ въ чашки горячій кофе. Тартаренъ поворчалъ немного съ просонья, раза два ругнулся про себя, а, все-таки, поднялся. Наружи его охватидъ холодъ, ослѣпилъ волшебный блескъ луннаго свѣта, отраженный бѣлизною снѣга и застывшихъ ледяныхъ водопадовъ, на которыхъ черными силуэтами вырѣзывались очертанія скалъ и остроконечныхъ пиковъ. Два часа! Добрымъ ходомъ можно къ полудню добраться до вершины...

— Такъ ходу! — бодро крикнулъ П. А. К. и пустился было впередъ, точно на приступъ. Проводники его остановили, — надо было связаться

другъ съ другомъ.

— Э, чего тамъ связываться?... Впрочемъ, по мнѣ, какъ хотите, если это вамъ нравится...

Христіанъ Инебнитъ пошелъ передомъ; три метра веревки отдѣляли его отъ Тартарена, и на такомъ же разстояніи шелъ за нимъ другой проводникъ съ провизіей и знаменемъ. Тарасконецъ шелъ много лучше, чѣмъ наканунѣ, и его убѣжденіе такъ крѣпко засѣло въ немъ, что онъ и теперь далеко не серьезно относился къ трудностямъ дороги, если только можно назвать дорогой страшный ледяной гребень, по которому они осторожно подвигались впередъ, — гребень въ нѣсколько сантиметровъ ширины и настолько скользкій, что Христіанъ долженъ былъ вырубать въ немъ киркой ступеньки.

Вершина гребня сверкала тонкою линіей между двумя пропастями. А Тартаренъ идетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, страха — ни-ни! Только легкимъ морозцемъ пробѣгаютъ мурашки по тѣлу, какъ у новичка, посвящаемаго въ масоны, при первыхъ испытаніяхъ. Онъ аккуратно ступалъ въ вырубки, сдѣланныя переднимъ проводникомъ, дѣлалъ точь-въ-точь то же, что дѣлалъ тотъ, и такъ же спокойно, какъ въ своемъ садикѣ съ боабабомъ, когда онъ упражнялся въ

хожденіи по закраинѣ бассейна, къ великому ужасу плававшихъ тамъ красныхъ рыбокъ. Въ одномъ мѣстѣ гребень сталъ такъ узокъ, что пришлось сѣсть на него верхомъ. Въ то время, какъ они медленно подвигались такимъ образомъ, вправо отъ нихъ и нѣсколько ниже загрохоталъ какой-то оглушительный взрывъ.

— Лавина! — проговорилъ Инебнитъ и замеръ безъ движенія на все время, пока длились раскаты, подобные грому, много разъ повторяемые горнымъ эхо. Но вотъ смолкъ послѣдній гулъ, и опять невозмутимая тишина покрыла все, какъ могильнымъ саваномъ.

Гребень былъ пройденъ. Путники вступили на довольно пологую равнину еще не заледенѣлаго снѣга, казавшуюся безконечною. Они взбирались уже болѣе часа времени, когда тонкая розоватая линія начала обозначать вершины горъ высоно, высоко надъ ихъ головами. То была предвѣстница утра. Какъ истый южанинъ, врагъ сумрака, Тартаренъ привѣтствовалъ разсвѣтъ радостною пѣснью:

"Grand souleu de la Provenèo
Gai compaire dou raistrau..."

Сильное подергиваніе веревки спереди и сзади

прервало неоконченный куплетъ.

— Тши... Тшши!...- унималъ пѣвца Инебнитъ, показывая киркою на грозную линію громадныхъ, нависшихъ снѣговъ, готовыхъ рухнуть отъ малѣйшаго сотрясенія воздуха. Но тарасконецъ отлично зналъ, въ чемъ суть дѣла; его не проведешь и не собьешь на пустякахъ, и онъ еще громче запѣлъ:

"Tu du'escoulès la Duranèo
Gommo un flot dé vin de Crau".

Проводники поняли, что имъ не унять отчаяннаго пѣвуна, и сдѣлали большой обходъ подальше отъ нависшихъ снѣговъ, но скоро были остановлены огромною разсѣлиной, въ неизмѣримую глубину которой уже начинали проникать первые лучи разсвѣта. Черезъ трещину перекидывался такъ называемый "снѣговой мостъ", такой тонкій и хрупкій, что при первомъ же шагѣ разсыпался цѣлымъ облакомъ снѣговой лыли, увлекая съ собою перваго проводника и Тартарена, привязанныхъ одною веревкой въ Рудольфу Кауфману, заднему проводнику. Ему-то и пришлосъ одному сдерживать упавшихъ, ухватившись изъ всѣхъ силъ за глубоко воткнутую въ снѣгъ кирку. Но сдержать надъ пропастью онъ

еще кое-какъ могъ, вытащить же обоихъ у него не хватало силъ. Стиснувши зубы, онъ чуть не припалъ къ землѣ, застывши безъ движенія, и не могъ видѣть того, что дѣлается въ разсѣлинѣ.

Ошеломленный паденіемъ и ослѣпленный снѣгомъ, Тартаренъ сперва безсознательно барахтался руками и ногами, потомъ повисъ на веревкѣ носомъ къ ледяной стѣнѣ въ позѣ кровельщика, спущеннаго съ врыши чинить трубу. Онъ видѣлъ надъ собой узкую полосу неба, на которомъ гасли послѣднія звѣзды, подъ собою — темную пропасть, дышащую леденящимъ холодомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только миновало первое впечатлѣніе внезапности, къ нему вернулись и прежняя его увѣренность, и веселое настросніе.

— Эй! вы тамъ, папа Кауфманъ, не заморозьте насъ... Ишь тутъ сввозной вѣтеръ, да и веревка рѣжетъ бока.

Кауфманъ не могъ отвѣчать: разжать губы значило лишиться части силы. Но Инебнитъ крикнулъ снизу:

— Мосье!... Мосье!... кирку!...

Свою онъ выронилъ при паденіи. Тартаренъ передалъ ему кирку съ большимъ трудомъ. Тогда швейцарецъ выбилъ ею во льду зарубки,

за которыя могъ зацѣпиться руками и ногами. Такимъ образомъ, тяжесть, висѣвшая на веревкѣ, убавилась на половину. Рудольфъ Кауфманъ, тихо, разсчитывая каждое движеніе, началъ вытягивать президента. Наконецъ, его тарасконская фуражка показалась надъ краемъ обрыва. Инебнитъ выбрался въ свою очередь, и оба горца обмѣнялись одушевленными короткими фразами, какія обыкновенно вырываются у людей неразговорчивыхъ по минованіи большой опасности; они были сильно взволнованы и еще дрожали отъ страшныхъ физическихъ усилій. Тартаренъ предложилъ имъ свою баклажку съ киршвассеромъ въ видѣ укрѣпляющаго средства. Самъ же онъ былъ невозмутимо спокоенъ, даже веселъ, напѣвалъ какую-то пѣсенку, въ неописуемому изумленію проводниковъ.

— Brav… brav… Franzose… — говорилъ Кауфманъ, похлопывая его по плечу, на что Тартаренъ продолжалъ себѣ посмѣиваться.

— Шутники вы… Я зналъ, вѣдь, что нѣтъ никакой опасности.

Другаго такого альпиниста не запомнятъ проводники. Они пустидись въ путь, взбираясь на почти отвѣсную гигантскую стѣну въ шесть или семьсотъ метровъ вышиной, для чего вырубали

въ ней приступку за приступкой. На это уходило много времени. Нашъ тарасконецъ началъ выбиваться изъ силъ этимъ яркимъ солнцемъ, отраженнымъ бѣлизною всей окружающей мѣстности; въ особенности этотъ блескъ утомлялъ глаза, такъ какъ, на бѣду, синія очки пузырями остались на днѣ пропасти. Скоро страшная слабость совсѣмъ охватила Тартарена, та горная болѣзнь, которая производитъ одинаковое дѣйствіе съ морскою болѣзнью. Измученный, готовый потерять сознаніе отъ головокруженія, едва держащійся на ногахъ, онъ спотыкался и упалъ бы, если бы проводники не подхватили его подъ обѣ руки, какъ наканунѣ; и не втащили на вершину ледяной стѣны. До вершины Юнгфрау оставалось всего сто метровъ. Но хотя снѣгъ сталъ тверже и путь легче, этотъ послѣдній переходъ отнялъ очень много времени, такъ какъ дурнота и изнеможеніе П. А. К. все усиливались.

Вдругъ проводники выпустили его изъ рукъ и, махая шляпами, начали восторженно кричать. Они были на вершинѣ горы. Цѣль достигнута, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступилъ и конецъ полубезсознательному состоянію, въ которомъ уже около часа находился Тартаренъ. — Шейдекъ! Шейдекъ! — кричали проводники, указывая внизу

на зеленѣющей возвышенности отель Бельвю, кажущійся не болѣе игральной кости.

Передъ утомленными путниками развернулась дивная панорама уступами возвышающихся снѣговыхъ плоскостей, золотимыхъ солнцемъ, синѣющихъ льдовъ, громоздящихся другъ на друга въ необычайно причудливыхъ сочетаніяхъ. Тутъ сверкали, перекрещивались, то дробясь, то сливаясь, всѣ цвѣта призмы, отраженные громадными ледниками, имѣющими видъ гигантскихъ застывшихъ водопадовъ. На большой высотѣ ослѣпительная яркость этой массы блестящихъ лучей значительно смягчалась и уже не рѣзала глазъ, а разливалась ровнымъ и холоднымъ свѣтомъ, что, вмѣстѣ съ необыкновенною тишиной пустыни, производило на Тартарена впечатлѣніе чего-то таинственнаго и невольно заставляло его вздрагивать.

Снизу, отъ отеля, донеслись чуть слышные звуки выстрѣловъ, взвился дымокъ... Тамъ увидали нашихъ путниковъ, чествовали ихъ пушечными выстрѣлами. Мысль, что на него смотрятъ, что тамъ — его альпинисты, шалуньи миссъ, "рисовыя" и "черносливныя" знаменитости, что на него устремлены всѣ подзорныя трубы и бинокли, напомнила Тартарену о его великой миссіи.

О, знамя Тараскона! Онъ выхватилъ его изъ рукъ проводника и два или три раза высоко поднялъ надъ головой; потомъ онъ воткнулъ въ снѣгъ свою кирку и присѣлъ на нее, сіяющій торжествомъ, лицомъ къ публикѣ. А невидимо для него, вслѣдствіе довольно частыхъ на большихъ высотахъ отраженій предметовъ, находящихся между солнцемъ и поднимающимися позади ихъ туманами, въ воздухѣ появилась фигура гигантскаго Тартарена, широкая, приземистая, коренастая, съ всклокоченною бородой, напоминающая одного изъ скандинавскихъ боговъ, изображаемыхъ легендою царящими въ облакахъ...

XI

Отъ восхожденія на гору у Тартарена взволдырялъ носъ и сталъ лупиться, щеки потрескались. Въ теченіе пяти дней нашъ герой не выходилъ изъ своей комнаты въ отелѣ Бельвю. Прикладывая компрессы, смазываясь мягчительными мазями, онъ отъ скуки игралъ въ крестики съ делегатами, или диктовалъ длинный, обстоятельный и самый подробный разсказъ о своей экспедиціи для прочтенія въ засѣданіи клуба тарасконскихъ альпинистовъ и для напечатанія въ Форумѣ. Когда же устадость прошла, а на благородномъ лицѣ П. А. К. осталось всего, нѣсколько значковъ и слѣдовъ ссадинъ на общемъ фонѣ превосходнаго цвѣта этрусской вазы, тогда вся делегація съ президентомъ отправилась въ обратный путь въ Тарасконъ, черезъ Женеву.

Я не стану описывать этого путешествія, не стану разсказывать про изумленіе и тревогу, которыя возбуждала компанія южанъ въ тѣсныхъ вагонахъ, на пароходахъ, за табль-д'отами своимъ пѣніемъ, криками, слишкомъ экспансивною привѣтливостью и своимъ знаменемъ, и

своими альпенштоками. Со времени восхожденія президента на вершину Юнгфрау, его товарищи вооружились горными палками, на которыхъ были выжжены вирши, прославляющія знаменитыя восхожденія на горы.

Монтрё.

Здѣсь, по предложенію своего предводителя, делегаты порѣшили пріостановиться на день, на два, чтобы посѣтить славныя берега Лемана, въ особенности же Шильонъ съ его легендарною тюрьмой, въ которой томился великій патріотъ Бонниваръ и которую прославили лордъ Байронъ и Делакруа [8].

Тартаренъ, впрочемъ, весьма умѣренно интересовался Бонниваромъ, такъ какъ изъ приключенія съ Вильгельмомъ Телемъ онъ уже уразумѣлъ настоящую цѣну швейцарскимъ легендамъ. Но въ Интерлакенѣ онъ узналъ, что блондинка съ золотистыми волосами отправилась въ Монтрё съ больнымъ братомъ, которому сдѣлалось хуже; и онъ придумалъ это маленькое историческое паломничество въ надеждѣ еще разъ увидать молодую дѣвушку и — почемъ знать? — убѣдить ее, быть можетъ, уѣхать съ

---

[8] Примечания: 8

У насъ въ Россіи — Жуковскій въ своемъ Шильонскомъ узникѣ.

нимъ въ Тарасконъ.

Его спутники, само собою разумѣется, вполнѣ искренно вѣрили въ то, что они отправляются отдать подобающій долгъ памяти великаго женевскаго гражданина, исторію котораго имъ разсказалъ президентъ. По склонности въ театральнымъ эффектамъ, они хотѣли даже, высадившись въ Монтрё, развернуть свое знамя и торжественнымъ шествіемъ направиться прямо на Шильонъ, при несмолкаемыхъ крикахъ: "Да здравствуетъ Бонниваръ!" Президентъ вынужденъ былъ попридержать ихъ пылъ:

— Давайте-ка сперва позавтракаемъ, а тамъ видно будетъ...

И они усѣлись въ омнибусъ одного изъ отелей, высылающихъ свои экипажи въ пароходной пристани.

— Жандармъ-то... чего онъ такъ на насъ смотритъ? — сказалъ Паскалонъ, указывая на блюстителя порядка запакованнымъ знаменемъ, причинявшимъ не мало хлопотъ и стѣсненій въ дорогѣ.

— А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ,- встревожился Бравида, — чего онъ смотритъ на насъ?... Ишь, вѣдь... чего ему?...

— Меня узналъ, вотъ и смотритъ! — скромно

замѣтилъ Тартаренъ и издали благодушно улыбнулся стражу швейцарской безопасности, упорно слѣдившему глазами за омнибусомъ, быстро катившимся между прибрежными тополями.

Въ Монтрё былъ базарный день. Вдоль озера тянулись ряды маленькихъ открытыхъ лавочекъ, торгующихъ фруктами, зеленью, дешевыми кружевами и разными блестящими бездѣлушками, точно вылѣпленными изъ снѣга или выточенными изъ льда цѣпочками, кружками и застежками, которыми швейцарки украшаютъ свои костюмы. А кругомъ шла суетливая толкотня маленькаго порта, гдѣ готовилась къ отплытію цѣлая увеселительная флотилія ярко изукрашенныхъ лодокъ, гдѣ выгружались массы мѣшковъ и бочекъ, привезенныхъ на большихъ парусныхъ бригантинахъ, слышались свистки и звонки пароходовъ, шумъ кофеенъ и пивныхъ... Освѣтись все это горячимъ лучомъ солнца, и можно бы подумать, что находишься гдѣ-нибудь на берегу Средиземнаго моря между Ментономъ и Бордигерой. Но солнца не было, и наши тарасконцы видѣли все это сквозь мокрый туманъ, стелящійся надъ голубымъ озеромъ, ползущій по берегу, вдоль маленькихъ, плохо вымощенныхъ улицъ, поднимающійся надъ домами къ такому же ту-

ману, сгустившемуся въ темныя облака, готовыя вотъ-вотъ хлынуть нескончаемымъ дождемъ.

— Вотъ подлость-то! Не люблю я этой слякоти, — сказалъ Спиридонъ Экскурбанье, протирая стекло, чтобы взглянуть на панораму ледниковъ.

— И я тоже… — вздохнулъ Паскалонъ. — Этотъ туманъ… эти лужи стоячей воды… унынiе какое-то… такъ бы и заплакалъ.

Бравида, съ своей стороны, выражалъ то же недовольство, опасаясь приступовъ ревматизма.

Тартаренъ остановилъ ихъ строгимъ замѣчанiемъ. Неужели они ни во что ставятъ возможность разсказать, по возвращенiи домой, что видѣли тюрьму Боннивара, написали свои имена на ея историческихъ стѣнахъ рядомъ съ именами Руссо, Байрона, Виктора Гюго, Жоржъ-Зандъ, Евгенiя Ею?… Вдругъ, не докончивши тирады, президентъ смолкъ, измѣнился въ лицѣ… Передъ нимъ мелькнула знакомая шапочка на бѣлокурой головкѣ… Не останавливая даже омнибуса, ѣхавшаго, впрочемъ, шагомъ въ гору, онъ выскочилъ на мостовую и крикнулъ пораженнымъ альпинистамъ:

— Увидимся въ отелѣ…

Онъ узналъ молодую дѣвушку и пустился за

нею почти бѣгомъ. На его зовъ она оглянулась и остановилась.

— А, это вы, — сказала она, пожимая ему руку, и пошла впередъ.

Онъ пошелъ рядомъ, слегка запыхавшись, и началъ извиняться въ томъ, что такъ внезапно уѣхалъ, даже не простившись... пріѣздъ его друзей... необходимость восхожденія, слѣды котораго еще видны на его лицѣ... Она молча слушала, не глядя на него, и быстро шла дальше. Тартарену показалось, что она поблѣднѣла, какъ бы осунулась; въ лицѣ замѣтно было что-то жесткое и рѣзкое, но вся фигура была такъ же изящна и граціозна, такъ же капризно вились ея золотистые волосы.

— А вашъ братъ... какъ онъ поживаетъ? — спросиль Тартаренъ, котораго нѣсколько стѣсняли ея молчаніе и видимая холодность.

— Братъ? — она вздрогнула. — Ахъ, да! Вѣдь, вы не знаете... Пойдемте, пойдемте...

Они шли уже за городомъ, по дорогѣ, окаймленной виноградниками, спускающимися къ озеру, и дачами съ хорошенькими садиками. Отъ времени до времени имъ встрѣчались, очевидно, пріѣзжіе иностранцы, съ исхудалыми, больными лицами, какія такъ часто можно видѣть въ

Ментонѣ, въ Монако... Только тамъ солнце все скрашиваетъ и скрадываетъ, тогда какъ подъ этимъ сумрачнымъ небомъ страдальческое выраженіе лицъ явственнѣе бросалось въ глаза.

— Войдемте... — сказала дѣвушка, отворяя чугунную рѣшетку подъ бѣлымъ каменнымъ фронтономъ съ какою-то надписью золотыми буквами.

Тартаренъ не сразу сообразилъ, куда они зашли. Небольшой, чисто содержанный садъ, съ убитыми щебнемъ дорожками, былъ полонъ вьющимися розами, раскиданными среди зеленыхъ деревьевъ; большія купы желтыхъ и бѣлыхъ розъ наполняли его благоуханіемъ и блескомъ своихъ цвѣтовъ. Между ихъ куртинами виднѣлись лежащія плиты и вертикально стоящіе камни, на которыхъ были высѣчены имена, фамиліи и числа. Молодая дѣвушка остановилась у совершенно новенькаго памятника. Подъ нимъ былъ похороненъ ея братъ, умершій тотчасъ по пріѣздѣ въ Монтрё. Тартаренъ и его спутница простояли нѣсколько минутъ молча и недвижимо передъ этою свѣжею могилой.

— Бѣдняжечка!...- сказалъ Тартаренъ взволнованнымъ голосомъ и сжалъ своею сильною рукой концы пальцевъ молодой дѣвушки. — Какъ же

вы-то теперь? Что вы станете дѣлать?

Она пристально взглянула ему въ лицо сухими, блестящими глазами, въ которыхъ не видно было ни одной слезинки.

— Черезъ часъ я уѣзжаю.

— Вы уѣзжаете?

— Да. Наши уже уѣхали... Надо опять приниматься за дѣло...

Потомъ она прибавила тихо и не сводя глазъ съ Тартарена, старавшагося не смотрѣть на нее:

— Кто меня любитъ, тотъ со мной!

Да, хорошо ей говорить — "со мной". Ея экзальтація слишкомъ пугала Тартарена, а кладбищенская обстановка порасхолодила его любовь. Однако, нельзя же было такъ сразу обратиться въ постыдное бѣгство, и, приложивши руку къ сердцу, съ жестомъ Абенсерага, нашъ герой началъ:

— Послушайте, моя дорогая! Вы меня знаете...

Большаго она знать не захотѣла.

— Пустомеля!...- проговорила она, пожимая плечами, и, не оглядываясь, направилась къ выходу.

"Пустомеля!..." и ни слова больше, и сказала она это съ выраженіемъ такого презрѣнія, что добрякъ Тартаренъ, покраснѣвши до ушей и даже съ ушами, быстро осмотрѣлся кругомъ, чтобы

удостовѣриться, не слыхалъ ли кто этого слова.

Къ счастью, у нашего тарасконца впечатлѣнія смѣнялись быстро. Черезъ пять минутъ онъ уже бодро возвращался въ Монтрё разыскивать своихъ альпинистовъ, ожидающихъ его къ завтраку, и вся его фигура дышала полнымъ довольствомъ, даже радостью, что онъ покончилъ съ этою опасною любовью. На ходу онъ движеніями головы какъ бы усиливалъ краснорѣчивыя объясненія, которыхъ не хотѣла дослушать дѣвушка и которыя онъ мыслепно давалъ теперь самому себѣ: "Э, да, конечно, теоретически — это одно дѣло... Противъ теоріи онъ ничего не имѣетъ... Но переходить отъ теоретическихъ идей къ дѣйствію... boufre!... Да и, потомъ, хорошее это занятіе быть анархистомъ, нечего сказать!... Нѣтъ, слуга покорный!..."

Его монологъ былъ рѣзко прерванъ пронесшеюся во всю прыть каретой. Тартаренъ едва успѣлъ отскочить на тротуаръ.

— Не видишь, что ли, животное? — крикнулъ онъ кучеру; но гнѣвъ тотчасъ же смѣнился неописуемымъ удивленіемъ:

— Què aco!... Что такое!... Быть не можетъ!...

Нѣтъ, читатель, ни за что въ мірѣ вы не угадаете, что онъ увидалъ въ только что проѣхавшемъ

старомъ ландо. Онъ увидалъ свою делегацію, — делегацію въ полномъ составѣ: Бравиду, Паскалона, Экскурбанье, блѣдныхъ, растерянныхъ, очевидно, потрепанныхъ въ схваткѣ, а противъ нихъ двухъ жандармовъ съ ружьями въ рукахъ. Всѣ эти фигуры, неподвижныя и нѣмыя, промелькнули передъ нимъ въ узкой рамѣ каретнаго окна, какъ какой-нибудь дурной сонъ. Тартаренъ такъ и остолбенѣлъ, точно приросъ къ тротуару, не хуже, чѣмъ недавно приросъ было ко льду на усовершенствованныхъ подковахъ Кеннеди. Карета промчалась мимо, а онъ все еще стоялъ и, глазамъ своимъ не вѣря, смотрѣлъ ей вслѣдъ, когда около него раздался крикъ:

— А вотъ и четвертый!...

Въ ту же минуту его схватили, связали, скрутили и запихали въ наемную карету съ жандармами, изъ которыхъ одинъ былъ офицеръ, вооруженный какимъ-то огромнымъ дреколіемъ, доходившимъ своею рукоятвой до верха экипажа.

Тартаренъ началъ было говорить, хотѣлъ объясниться. Тутъ, очевидно, какое-то недоразумѣніе... Онъ сказалъ свое имя, назвалъ отечество, сослался на консула, торговца швейцарскимъ медомъ, по фамиліи Ишенеръ, котораго онъ зналъ

по ярмаркамъ въ Боверѣ. Потомъ, видя упорное молчаніе своихъ стражей, онъ подумалъ, не новая ли это "штучка" изъ фееріи Бонпара, и съ хитрою улыбкой обратился въ офицеру:

— Вѣдь, вы это такъ — нарочно, que!... Э, ну, полно, шутникъ вы эдакій... вѣдь, я знаю, что все это штучки...

— Извольте молчать, не то я прикажу вамъ ротъ заткнуть! — сказалъ офицеръ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что можно было подумать — вотъ-вотъ онъ проткнетъ арестованнаго насквозь своимъ дреколіемъ.

Нашъ герой примолкъ, сидѣлъ не двигаясь и смотрѣлъ въ окно кареты на мелькающія воды озера, на высокія горы, покрытыя мокрою травой, на отели съ причудливыми крышами и золотыми вывѣсками, видными за версту. По склонамъ, какъ на Риги, сновали взадъ и впередъ люди съ корзинами, ослики; какъ на Риги же, маленькая желѣзная дорога, опасная механическая игрушка, лѣпилась по крутизнамъ до Гліона, и для довершенія сходства съ Regina montium, не переставая, лилъ сплошной дождь въ сплошномъ туманѣ, непрерывный обмѣнъ влаги между озеромъ и облаками, какъ бы касавшимися волнъ.

Карета проѣхала по подъемному мосту между

маленькими лавчонками роговыхъ издѣлій, перочинныхъ ножей, перчаточныхъ застежекъ, гребенокъ, прогремѣла подъ низкимъ сводомъ башенныхъ воротъ и остановилась на дворѣ стариннаго замка, заросшемъ травой, обставленномъ по угламъ башенками съ крышами, похожими на перечницы. Куда они пріѣхали? Тартаренъ понялъ это изъ разговора жандармскаго офицера съ смотрителемъ замка, толстякомъ въ греческой шапочкѣ, позвякивавшимъ связкою заржавленныхъ ключей.

— Въ секретную, въ секретную... Да откуда же я вамъ ее возьму, когда всѣ заняты остальными?... Только и осталась, что тюрьма Боннивара.

— И сажайте въ тюрьму Боннивара, туда ему и дорога, — приказалъ офицеръ.

Шильонскій замовъ, о которомъ Тартаренъ не переставалъ въ теченіе двухъ дней повѣствовать своимъ альпинистамъ и въ который, по странной ироніи судьбы, засадили теперь его самого, невѣдомо за что, принадлежитъ въ числу наиболѣе посѣщаемыхъ историческихъ памятниковъ Швейцаріи. Когда-то онъ служилъ лѣтнею резиденціей графамъ Савойскимъ, потомъ сдѣлался тюрьмою для государственныхъ преступниковъ, потомъ — складомъ оружія и боевыхъ запасовъ,

теперь же это не болѣе, какъ цѣль для прогулки туристовъ, подобно Риги-Кульмъ или Тельсплатту. Въ немъ, однако же, оставили полицейскій постъ жандармовъ и кутузку для пьяницъ и заворовавшихся молодцовъ кантона; но ихъ такъ мало въ этихъ мирныхъ палестинахъ, что кутузка вѣчно пустуетъ, и сторожъ-смотритель хранитъ въ ней свой запасъ дровъ на зиму. Неожиданное прибытіе столькихъ арестантовъ привело его въ прескверное расположеніе духа, въ особенности же его тревожила мысль, что теперь уже нельзя будетъ показывать туристамъ знаменитую тюрьму и какъ разъ въ самое бойкое, прибыльное время года.

Онъ сердито повелъ Тартарена, слѣдовавшаго за нимъ безъ малѣйшей попытки сопротивленія. Пройдя нѣсколько сбитыхъ ступеней, сырой, пахнущій затхлымъ подваломъ корридоръ и необычайной толщины дверь на огромныхъ петляхъ, они очутились въ обширномъ помѣщеніи со сводами, поддерживаемыми массивными столбами, съ вдѣланными въ нихъ желѣзными кольцами, въ которымъ во времена давно минувшія приковывали преступниковъ. Сквозь окно продушиной виднѣлся клочокъ хмураго неба.

— Вотъ вамъ и квартира, — сказалъ смотри-

тель. — Только не очень разгуливайте, тамъ дальше — тайники!

Тартаренъ попятился въ ужасѣ:

— Тайники!...

— Да, ужь не взыщите, пріятель... Мнѣ приказано посадить въ тюрьму Боннивара, я и сажаю... Теперь, если у васъ есть средства, то вамъ можно будетъ доставить нѣкоторыя удобства, матрацъ, напримѣръ, одѣяло.

— Прежде всего — ѣсть! — сказалъ Тартаренъ, у котораго, по счастью, не отобрали кошелька.

Смотритель принесъ свѣжаго хлѣба, пива, колбасу, на которые жадно накинулся новый шильонскій узникъ, ничего не ѣвшій со вчерашняго дня, изнемогавшій отъ усталости и пережитыхъ волненій. Пока онъ ѣлъ, смотритель оглядывалъ его добродушнымъ взоромъ.

— Не знаю я, что вы такое натворили и за что съ вами распорядились такъ круто... — началъ онъ.

— Ну, пропади они совсѣмъ, и я тоже не знаю! — проговорилъ Тартаренъ, уписывая ѣду за обѣ щеки.

— А вотъ, что вы недурной человѣкъ, это я сразу вижу и надѣюсь, что вы не захотите лишить бѣднаго отца семейства его маленькихъ доходовъ. Правда, вѣдь?... Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Тамъ у

меня цѣлое общество пріѣзжихъ желаетъ посмотрѣть тюрьму Боннивара... Если бы вы были такъ добры и обѣщали мнѣ держать себя смирненько, не пытаться бѣжать...

Добрякъ Тартаренъ клятвенно обѣщался, и черезъ пять минутъ въ его тюрьмѣ толпились старые знакомые по Риги-Кульмъ и Тельсплатту: "безмозглый оселъ" Шванталеръ, "vir ineptissium" Астье-Рею (какъ величали другъ друга почтенные ученые), членъ жокей-клуба съ племянницей (гм!... гм!...), — словомъ, вся компанія. Сконфуженный, боящійся быть узнаннымъ, несчастный Тартаренъ прятался за колонны, подвигаясь все дальше въ глубь тюрьмы по мѣрѣ того, какъ къ нему приближалась толпа туристовъ подъ давно заученныя причитанія смотрителя: "Водъ здѣсь несчастный узникъ Боннивараъ..."

Они двигались медленно, задерживаемые спорами вѣчно несогласныхъ между собою ученыхъ, готовыхъ каждую минуту накинуться другъ на друга. Отходя все дальше, Тартаренъ очутился близехонько отъ отверстія тайниковъ, родъ колодца, открытаго вровень съ землей, изъ котораго вѣяло холодомъ и ужасомъ давно прошедшихъ временъ. Онъ остановился въ испугѣ, прижался съ стѣнѣ, надвинулъ фуражку на глаза... Но

сырость стѣны дала себя тотчасъ же знать, здоровеннѣйшее чиханье огласило своды тюрьмы и заставило туристовъ попятиться назадъ.

— Tiens, Bonnivard... — воскликнула чрезмѣрно бойкая маленькая парижанка, которую членъ жокей-клуба выдавалъ за свою племянницу.

Тартаренъ, однако же, не растерялся.

— А премиленькая штучка эти тайники!...- сказалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто онъ тоже, вмѣстѣ со всѣми, пришелъ осматривать тюрьму изъ любопытства, и тотчасъ же замѣшался въ толпу путешественниковъ, улыбавшихся старому знакомому альпинисту Риги-Кульмъ, устроившему тамъ импровизированный балъ.

— А, mossié... dansiren, walsiren!...- вертѣлась уже передъ нимъ веселая толстушка профессорша Шванталеръ, готовая хоть сейчасъ пуститься въ плясъ.

Только ему-то уже совсѣмъ не до танцевъ было. Не зная, какъ отдѣлаться отъ вертлявой барыньки, онъ предложилъ ей руку и сталъ любезно показывать тюрьму, кольцо, въ которому приковывали на цѣпи узниковъ, слѣды, протоптанные ногами несчастныхъ въ полу подъ этимъ еольцомъ. И веселой профессоршѣ никогда въ голову не могло придти, что ея спутникъ — самъ

"узникъ", жертва людсвой несправедливости и жестокости. Но за то ужасенъ былъ моментъ ухода туристовъ, когда несчастный "шильонскій узникъ" проводилъ свою даму до двери и сказалъ съ улыбкою свѣтскаго человѣка:

— Нѣтъ, простите... Я останусь еще на нѣсколько минутъ.

Онъ раскланялся, а зорео слѣдившій за нимъ смотритель захлопнулъ дверь и заперъ ее тяжелыми засовами къ невообразимому удивленію всѣхъ присутствующихъ.

А? каковъ афронтъ? Бѣднягу даже въ потъ бросило, когда до него донеслись восклицанія удаляющихся туристовъ. Къ счастью, въ теченіе дня это мученье уже не повторялось; по случаю дурной погоды посѣтителей больше не было. Страшный вѣтеръ завывалъ во всѣ щели, изъ тайниковъ, казалось, вырывались глухіе стоны забытыхъ покойниковъ, снаружи слышны были всплески озера, бороздимаго дождемъ, брызги котораго долетали до арестованнаго. Отъ времени до времени раздавался звонъ пароходнаго колокола, и клокотанье воды подъ его колесами являлось какъ бы аккомпаниментомъ къ невеселымъ думамъ бѣднаго Тартарена въ то время, какъ сгущающіяся сумерки ненастнаго вечера

дѣлали его тюрьму еще мрачнѣй, еще ужаснѣй.

Чѣмъ объяснить его арестъ, его заключеніе въ этомъ страшномъ замкѣ? Быть можетъ, Костекальдъ... его злостная интрига передъ самыми выборами?... Или же полиція прознала про нѣкоторыя неосторожныя слова, про его связь съ тѣми?... Но, въ такомъ случаѣ, за что же арестованы делегаты?... Въ чемъ могли обвинить этихъ несчастныхъ, страхъ и отчаянье которыхъ онъ легко представлялъ себѣ, хотя они и не заперты, подобно ему, въ тюрьму Боннивара, гдѣ съ наступленіемъ ночи появились огромныя крысы, какія-то ползающія насѣкомыя, безобразныя пауки съ мохнатыми лапами...

Но вотъ что значитъ чистая совѣсть! Несмотря на крысъ, на холодъ и на пауковъ, доблестный Тартаренъ и въ тюрьмѣ для государственныхъ преступниковъ, полной всякихъ ужасовъ, такъ же крѣпко уснулъ и такъ же громогласно храпѣлъ, какъ на заоблачныхъ высотахъ въ хижинѣ альпійскаго клуба, между небомъ и ледяными пропастями. Онъ не сразу опомнился и поутру, когда его будилъ смотритель:

— Вставайте, пріѣхалъ самъ префектъ, требуетъ васъ...

Потомъ, съ оттѣнкомъ своего рода уваженія,

онъ прибавилъ:

— Ужь если самъ префеитъ пріѣхалъ, такъ, должно быть, вы изъ ряду выходящій негодяй.

Негодяй... Да, послѣ ночи, проведенной въ сырой и грязной тюрьмѣ, и когда не даютъ времени ни переодѣться, ни даже умыться, немудрено показаться Богъ знаетъ чѣмъ. Въ бывшей конюшнѣ замка, превращенной въ кордегардію, Тартаренъ постарался ободрить взглядомъ своихъ альпинистовъ, разсаженныхъ на скамьѣ между жандармами, и предсталъ передъ префектомъ съ чувствомъ большой неловкости за свой неприглядный видъ передъ щеголеватостью мѣстнаго администратора.

— Вы принадлежите къ преступному сообществу людей, совершившихъ покушеніе на убійство въ Швейцаріи, — обратился онъ рѣзко къ Тартарену.

— Въ жизни моей никогда не принадлежалъ... Это ошибка... судебная ошибка...

— Молчите, не то вамъ заткнутъ ротъ! — перебилъ его капитанъ.

А щеголеватый префектъ продолжалъ:

— Чтобы сразу покончить съ вашими запирательствами — вотъ... Узнаете ли вы эту веревку?

Его веревка! его собственная, сдѣланная въ

Авиньонѣ изъ желѣзной проволоки по его заказу. Въ полному изумленію делегатовъ, онъ опустилъ голову и сказалъ:

— Узнаю.

— Этою веревкой былъ повѣшенъ человѣкъ въ кантонѣ Унтервальдена...

Тартаренъ въ ужасѣ клянется, что ни въ чемъ не повиненъ.

— А вотъ сейчасъ увидимъ!

Вводятъ итальянскаго тенора, котораго анархисты повѣсили было на дубу при переходѣ черезъ Брюнигъ и котораго угольщики вовремя успѣли вынуть изъ петли. Итальянецъ смотритъ на Тартарена.

— Да это не тотъ!... И это не тѣ...- заявляетъ онъ, указывая на делегатовъ. — Вы ошиблись.

— Такъ зачѣмъ вы-то сюда попали? — сердито обращается префектъ къ Тартарену.

— Вотъ это любопытно было бы отъ васъ узнать, — отвѣчаетъ тотъ съ апломбомъ невинности.

Послѣ коротваго объясненія, тарасконскіе альпинисты были отпущены на свободу и удалились изъ Шильонскаго замка, восчувствовавши лучше, чѣмъ кто-либо, его подавляющую романическую унылость. Заѣхали они въ отель взять

свой багажъ, знамя и заплатить за завтракъ, котораго не успѣли съѣсть наканунѣ, потомъ сѣли въ вагонъ и отправились въ Женеву. Сквозь мокрыя отъ дождя стекла мимо нихъ мелькнули названія станцій, аристократическихъ дачныхъ мѣстъ: Клярансъ, Веве, Лозанна… нарядныя дачи, палисадники съ рѣдкими растеніями, остроконечныя крыши, террасы отелей…

Размѣстившись на двухъ лавочкахъ длиннаго швейцарскаго вагона, наши альпинисты смотрятъ сконфуженно и растерянно. Бравида злится, жалуется на ревматизмъ и ехидно спрашиваетъ у Тартарена:

— Ну, что, видѣли вы тюрьму Боннивара?… Вамъ такъ хотѣлось ее посмотрѣть… Надѣюсь, теперь досыта насмотрѣлись?

Экскурбанье притихъ въ первый разъ въ жизни, уныло смотритъ на озеро и жалобно говоритъ:

— Воды-то… воды-то, Господи!… Теперь зарокъ дамъ никогда въ жизни не купаться…

Все еще не опомнившійся отъ ужаса, Паскалонъ держитъ передъ собою знамя и прячется за него, озираясь направо и налѣво, какъ травленный заяцъ… А Тартаренъ?… О, спокойный, какъ всегда, съ сознаніемъ собственнаго достоинства,

онъ наслаждается чтеніемъ доставленныхъ ему съ юга Франціи газетъ, въ которыхъ перепечатанъ изъ Форума разсказъ о его восхожденіи на Юнгфрау, — разсказъ, имъ самимъ продиктованный, но еще изукрашенный и приправленный чудовищными восхваленіями. Вдругъ вагонъ оглашается неистовымъ крикомъ героя. Пассажиры вскакиваютъ съ мѣстъ, — не ударъ ли хватилъ?... Просто-напросто — короткое извѣстіе въ Форумѣ, которое Тартаренъ читаетъ своимъ альпинистамъ...

— Послушайте-ка: "Мы слышали, что В.-П. А. К. Костекальдъ, только что оправившійся отъ желтухи, которою онъ страдалъ, уѣзжаетъ въ Швейцарію для восхожденія на Монъ-Бланъ, чтобы забраться еще выше Тартарена"... А? каковъ разбойникъ?... Онъ хочетъ убить мою Юнгфрау... Такъ нѣтъ же! Шалишь, изъ-подъ носу у тебя вырву я твою гору... Шамуни въ нѣсколькихъ часахъ Ѣзды отъ Женевы... Я взойду прежде его на Монъ-Бланъ! Вѣдь, вы со мной, друзья?

Бравида отнѣкивается, не хочетъ пускаться ни въ какія новыя приключенія, — довольно съ него.

— Довольно и предовольно... — рычитъ Экскурбанье упавшимъ голосомъ.

— А ты, Паскалонъ?... — ласково спрашиваетъ Тартаренъ.

— До-дорого-ой мой... — мямлитъ аптекарскій ученикъ, не смѣя поднять глазъ.

Отступился и этотъ.

— А когда такъ, — торжественно проговорилъ разсерженный герой, — когда такъ, я пойду одинъ, за мной однимъ будетъ и слава... Отдавайте знамя!...

XII

На колокольнѣ въ Шамуни пробило девять часовъ. На улицахъ было темно, въ домахъ огни потушены, кромѣ подъѣздовъ и дворовъ отелей, гдѣ горѣлъ газъ, отчего все окружающее казалось еще мрачнѣе. Дождь лилъ, не переставая.

Въ отелѣ Бальте, одномъ изъ лучшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ въ этомъ альпійскомъ селеніи, многочисленные путешественники и пансіонеры скрылись одинъ по одному, измученные дневными экскурсіями. Въ большой залѣ оставались только англиканскій пасторъ, молча игравшій въ шашки съ своею супругой, да его безчисленныя дочки въ суровыхъ фартучкахъ, усердно переписывавшія приглашенія на ближайшую евангелическую службу, и еще молодой шведъ, блѣдный и худой, мрачно пившій грогъ у камина. Отъ времени до времени черезъ залу проходилъ запоздалый туристъ въ промокшихъ гетрахъ и въ каучукѣ, съ котораго струилась вода, — останавливался на мгновенье у висящаго на стѣнѣ барометра, постукивалъ его, справлялся о погодѣ на завтрашній день и, обезкураженный,

уходилъ спать. Не слышно ни одного слова, ни признака жизни, кромѣ потрескиванья огня въ каминѣ, шуршанья дождя по окнамъ, да сердитаго рокота Арвы подъ деревяннымъ мостомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отеля.

Вдругъ дверь растворилась настежъ; вошелъ служитель, расшитый серебряными галунами и нагруженный чемоданами и одѣялами, за нимъ — четыре альпиниста, вздрагивающихъ и жмурящихся отъ внезапнаго перехода изъ темноты и холода къ свѣту и теплу.

— Вотъ такъ погодка!

— Ѣсть скорѣй!

— Нагрѣйте постели! — приказывали они всѣ разомъ изъ-за своихъ кашне, башлыковъ, фуражекъ съ наушниками.

Прислуга не знала, кого слушать, съ чего начать, когда небольшой толстякъ, котораго они называли présidam, заставилъ ихъ молчать, крикнувши громче всѣхъ:

— Прежде всего, книгу пріѣзжающихъ!

Книга была тотчасъ же подана. Перелистывая ее окоченѣлою рукой, онъ громко прочитывалъ имена путешественниковъ, перебывавшихъ въ отелѣ за истекшую недѣлю:

— Докторъ Шванталеръ съ супругой... Опять

они!... Астье-Рею de l'Académie Franèaise...

Такъ онъ перечиталъ двѣ или три страницы, блѣднѣя каждый разъ. когда передъ нимъ мелькало имя, похожее на то, которое онъ искалъ. Дочитавши до конца, онъ бросилъ книгу на столъ, радостно разсмѣялся и даже подпрыгнулъ, продѣлалъ "козелка", весьма необычайнаго при его еорпуленціи.

— Нѣтъ его!...- крикнулъ онъ. — Нѣтъ, не пріѣхалъ... Кромѣ ему негдѣ остановиться. Провалили мы Костекальда... Lagodigadeou!... Теперь скорѣе за Ѣду, друзья!...

И Тартаренъ, раскланявшись съ дамами, направился въ столовую, сопровождаемый проголодавшеюся, шумливою делегаціей. Да, да! — со всею делегаціей, даже съ самимъ Бравидой... Да развѣ же могло быть иначе?... Что бы сказали тамъ, дома, если бы они вернулись безъ Тартарена? Каждый изъ нихъ отлично зналъ это. И въ минуту разставанья, на женевскомъ вокзалѣ, весь буфетъ былъ свидѣтелемъ высоко-патетической сцены — слезъ, объятій, душу надрывающихъ прощаній со знаменемъ, въ результатѣ каковыхъ прощаній оказалось, что вся компанія засѣла въ ландо, нанятое П. А. К. до Шамуни. Тарасконская делегація не видала чудной дороги до Шамуни,

проспала ее, плотно завернувшись въ одѣяла, храпя взапуски и нисколько не интересуясь восхитительными видами, развертывающимися начиная съ Салланша: пропастями, лѣсами, пѣнистыми водопадами и то скрывающеюся, то вновь показывающеюся надъ облаками вершиной Монъ-Блана. Успѣвшіе уже приглядѣться къ этого рода красотамъ природы, наши тарасконцы спѣшили наверстать скверно проведенную ими ночь въ качествѣ шильонскихъ узниковъ. Даже и теперь, сидя въ пустынной столовой отеля Бальте, жадно кушая супъ и разныя прелести табль-д'ота, они только о томъ и думали, какъ бы скорѣе добраться до постелей. Вдругъ Спиридонъ Экскурбанье приподнялъ голову, понюхалъ воздухъ и проговорилъ:

— Outre! Пахнетъ чеснокомъ...

— А, вѣдь, правда, чесновомъ пахнетъ... — подтвердилъ Бравида, и за нимъ всѣ точно пріободрились отъ этого воспоминанія родины, отъ сладостнаго сердцу аромата національной кухни, котораго Тартаренъ давно уже не слыхалъ. Всѣ завертѣлись на стульяхъ, жадно поводя носами. Запахъ доносился изъ маленькой комнатки въ концѣ залы, гдѣ особливо отъ другихъ кушалъ какой-то путешественникъ, повидимому, изъ

важныхъ, такъ какъ колпакъ главнаго повара поминутно показывался въ окнѣ кухни, чтобы передать прислуживающей дѣвушкѣ маленькія закрытыя блюда, которыя она относила въ отдѣльный кабинетъ.

— Кто-нибудь изъ нашихъ южанъ, — тихо проговорилъ Паскалонъ.

Президентъ помертвѣлъ при мысли о Костекальдѣ и обратился въ Экскурбанье:

— Пойдите, Спиридонъ, взгляните, кто...

Взрывъ громкаго смѣха раздался изъ комнаты, въ которую вошелъ посланный на развѣдку тарасконскій "гонгъ". Черезъ минуту онъ уже вводилъ за-руку длиннаго, носастаго молодца, съ плутоватыми глазами, обвязаннаго вокругъ шеи салфеткой, какъ ученая "лошадь-гастрономъ" въ циркѣ.

— Э! Бонпаръ!...

— А-а! нашъ враль!...

— Тэ! Здорово, Гонзагъ... Какъ ты?...

— Душевно радъ, господа, душевно радъ!...- Курьеръ пожалъ протянутыя ему руки и усѣлся вмѣстѣ съ тарасконцами, чтобы раздѣлить съ ними блюдо грибовъ съ чеснокомъ, приготовленное самою хозяйкой гостиницы, ненавидѣвшею, какъ и ея мужъ, табль-д'отныя кушанья.

Вкусъ ли національной стряпни, или радость встрѣтить земляка, милѣйшаго Бонпара съ его неисчерпаемою фантазіей, такъ подѣйствовали на пріятелей, но дѣло въ томъ, что усталости и дремоты — какъ не бывало; потребовали шампанскаго, развеселились, послышались смѣхъ и громкіе крики, сопровождаемые энергическими жестами, выраженіями дружескихъ чувствъ.

— Теперь я съ вами… не покину васъ, — говорилъ Бонпаръ. — Мои перувіянцы уѣхали… Я свободенъ…

— Свободенъ!… Славно!… Завтра же мы съ вами отправляемся на Монъ-Бланъ.

— А, вы завтра хотите на Монъ-Бланъ? — довольно сдержанно спросилъ Бонпаръ.

— Да… вырву изъ-подъ носа у Костекальда… Онъ пріѣдетъ, онъ — хвать, фю-фю!… нѣтъ Монъ-Блана… Вѣдь, мы вмѣстѣ, Гонзагъ?

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ… Вотъ только какъ погода… Въ это время года не всегда можно, — гора бываетъ недоступна…

— Ну, вотъ еще, недоступна! — проговорилъ Тартаренъ, сощуривая глаза и посмѣиваясь смѣхомъ авгура, котораго, однако же, Бонпаръ какъ будто не понялъ.

— Пойдемте пить кофе въ залу… Мы посовѣту-

емся со старикомъ Бальте. Онъ по этой части дока, долго служилъ проводникомъ, двадцать семь разъ побывалъ на Монъ-Бланѣ.

— Двадцать семь разъ! Boufre! — воскликнули въ одинъ голосъ пораженные делегаты.

— Ну, Бонпаръ, пожалуй, и убавитъ... — замѣтиль президентъ недовольнымъ тономъ, въ которомъ сквозилъ оттѣнокъ зависти.

Въ залѣ семейство пастора продолжало свою переписку приглашеній; самъ пасторъ съ супругою дремали надъ шашечною доской; худой шведъ апатично помѣшивалъ свой грогъ ложечкой. Появленіе тарасконскихъ альпинистовъ, подогрѣтыхъ шампанскимъ, само собою разумѣется, нѣсколько отвлекло дочерей пастора отъ ихъ пригласительныхъ билетовъ. Никогда въ жизни эти юныя дѣвицы не видывали, чтобы кто-нибудь пилъ кофе съ такимъ избыткомъ мимики и выразительности взглядовъ.

— А сахару, Тартаренъ?

— Да что вы, командиръ?... Развѣ не знаете?... Съ поѣздки въ Африку!...

— А, да, виноватъ... Тэ! вотъ и monsieur Бальте!

— Садитесь, садитесь сюда, monsieur Бальте.

— Vive monsieur Baltet!... Ah! ah!... fen de brut!

Окруженный, чуть не тормошимый этими

господами, которыхъ онъ никогда не видывалъ, старикъ Бальте улыбался спокойною улыбкой. Крѣпкій савоецъ, высокій, широкій, съ неторопливою походкой, крупнымъ лицомъ, онъ смотрѣлъ на нихъ смышленнымъ взглядомъ еще молодыхъ глазъ, составлявшихъ большой контрастъ съ головою, лишенною волосъ, которые онъ потерялъ едва не замерзнувъ на зорѣ въ снѣгахъ.

— Такъ вамъ желательно взобраться на Монъ-Бланъ? — сказалъ онъ, оглядывая тарасконцевъ почтительнымъ и, въ то же время, насмѣшливымъ взглядомъ.

Тартаренъ хотѣлъ отвѣчать, но Бонпаръ поспѣшилъ предупредить:

— Не правда ли, что время года теперь неблагопріятно?

— Я не скажу этого, — отвѣтилъ бывшій проводникъ. — Вотъ господинъ шведъ отправляется завтра, а къ концу недѣли я ожидаю двухъ американцевъ, которые тоже пойдутъ на гору. Одинъ изъ нихъ даже совсѣмъ слѣпой.

— Знаю. Я встрѣтилъ его въ Гужи.

— А, вы были въ Гужи?

— Да, съ недѣлю назадъ, при восхожденіи на Юнгфрау…

Барышни, писавшія евангелическія приглашенія, навострили ушки и повернули головки въ сторону Тартарена, который сразу получилъ особливое значеніе въ глазахъ молодыхъ англичанокъ, отчаянныхъ лазальщицъ но горамъ, ловвихъ во всѣхъ родахъ спорта. Онъ былъ на Юнгфрау!

— Походецъ знатный! — сказалъ старикъ Бальте, поглядывая съ дѣкоторымъ удивленіемъ на фигуру П. А. К.

Между тѣмъ, Паскалонъ, сконфуженный присутствіемъ дамъ, проговорилъ, краснѣя и запинаясь:

— Разскажите-ка... про... какъ его... про обрывъ.

— Дитя! — снисходительно улыбнулся президентъ и, все-таки, началъ разсказъ о своемъ паденіи, сперва въ довольно отрывочномъ видѣ и равнодушнымъ тононъ, потомъ, увлекшись, онъ продолжалъ уже со всѣми жестами, съ воспроизведеніемъ въ лицахъ отчаяннаго положенія на веревкѣ надъ пропастью и т. д.

Пасторскія дѣвицы вздрагивали, пожирая разскащика своими холодными англійскими глазами.

Во время наступившей затѣмъ паузы раздался

голосъ Бонпара:

— На Чимборазо, для перехода черезъ пропасти, мы никогда не связывались веревкой.

Делегаты переглянулись. Своею тарасконадой Бонпаръ перещеголялъ ихъ всѣхъ.

— Ну, Бонпаръ... вотъ это такъ! — прошепталъ Паскалонъ въ наивномъ удивленіи.

Но старикъ Бальте принялъ въ серьезъ Чимборазо и возсталъ противъ обычая не привязываться веревкой; по его мнѣнію, невозможно пускаться черезъ горные ледники безъ хорошей веревки изъ манильской пеньки. Если одинъ поскользнется или сорвется, другіе его удержатъ.

— Если не оборвется веревка, monsieur Бальте, — добавилъ Тартаренъ и припомнилъ катастрофу на Монъ-Сервенѣ.

— Тамъ, на Сервенѣ, не веревка лопнула, — сказалъ хозяинъ, взвѣшивая каждое слово, — тамъ задній проводникъ пересѣкъ ее ударомъ кирки.

И на выраженіе Тартареномъ негодованія за такой поступокъ онъ возразилъ:

— Извините меня, государь мой, проводникъ былъ вправѣ это сдѣлать. Онъ понялъ невозможность сдержать упавшихъ и перерѣзалъ веревку, чтобы спасти жизнь себѣ, своему сыну и путешественнику, котораго онъ сопровождалъ. Не

сдѣлай онъ этого, было бы семь жертвъ, вмѣсто четырехъ.

Заспорили. Тартаренъ находиль, что связаться одною веревкой — это все равно, что взаимно обязаться честью жить и умереть вмѣстѣ, и затѣмъ, воодушевившись, въ особенности присутствіемъ дамъ, онъ подкрѣпилъ свои слова фактами, ссылкою на находившихся тутъ же лицъ.

— Такъ завтра, — говорилъ онъ, — когда я привяжу себя къ Бонпару, это не будетъ съ моей стороны простою мѣрой предосторожности, это будетъ равносильно клятвенному обѣщанію передъ Богомъ и передъ людьми составлять какъ бы нѣчто единое съ моимъ товарищемъ и скорѣе умереть, чѣмъ вернуться безъ него.

— Я принимаю вашу клятву, Тартаренъ, и съ своей стороны клянусь! — воскликнулъ Бонпаръ, поднимаясь изъ-за стола.

Трогательная минута! Взволнованный пасторъ подошелъ къ герою и пожалъ ему руку, по-англійски, раскачивая ее, какъ пожарный насосъ. За пасторомъ послѣдовала его супруга, за нею дочки съ такими же chackenhand'ами, достаточно сильными для подъема воды на пятый этажъ. Делегаты, надо сказать правду, не проявили особеннаго энтузіазма.

— Eh bé! Что до меня, — сказалъ Бравида, — то я раздѣляю мнѣніе г. Бальте. Въ такихъ дѣлахъ всякій свою шкуру береги, чортъ возьми, и я отлично понимаю ударъ киркою по веревкѣ...

— Вы меня удивляете, Пласидъ! — строго замѣтилъ Тартаренъ, потомъ, наклонившись къ самому уху капитана, добавилъ:- Перестаньте... Что вы?... На насъ смотритъ Англія!

Храбрый вояка все еще злобствовалъ въ душѣ за экскурсію въ Шильонъ и отвѣтилъ выразительнымъ жестомъ, означавшимъ: "А наплевать мнѣ на эту самую Англію!" Онъ, навѣрное, дождался бы очень серьезной головомойки отъ президента за такой цинизмъ, если бы не вмѣшался въ разговоръ унылый молодой человѣкъ, переполненный грогомъ и скукой. Онъ тоже считалъ, что проводникъ хорошо поступилъ, перерѣзавши веревку: онъ такимъ образомъ сразу освободилъ отъ жизни четырехъ несчастныхъ, молодыхъ еще, то-есть обреченныхъ долго, пожалуй, влачить свое существованіе; онъ однимъ ударомъ кирки далъ имъ покой, погрузилъ ихъ въ небытіе... Что можетъ быть благороднѣе и великодушнѣе такого поступка?

— Какъ, молодой человѣкъ! — вскричалъ Тартаренъ. — Можно ли въ ваши лѣта говорить про

жизнь съ такимъ отчаяньемъ, съ ненавистью?... Чѣмъ она васъ такъпрогнѣвила?

— Ничѣмъ, — она наскучила мнѣ.

Онъ изучалъ философію въ Христіаніи и, поддавшись вліянію идей Шопенгауэра и Гартмана, рѣшилъ, что жизнь мрачна, нелѣпа, безсмысленна. Готовый на самоубійство, онъ, по настоянію родныхъ, отложилъ всѣ книги въ сторону и отправился путешествовать, жалуясь вездѣ на ту же скуку, на ту же мрачную безцѣльность жизни. Тартаренъ и его товарищи казались тоскующему шведу единственными существами, довольными жизнью, изъ всѣхъ, кого онъ когда-либо видалъ на своемъ вѣку. Добрякъ П. А. К. разсмѣялся.

— Это уже дѣло племенной особенности, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ. — Мы всѣ таковы въ Тарасконѣ, въ нашемъ Богомъ хранимомъ краю. Тамъ съ утра до ночи смѣются и поютъ, а въ остальное время пляшутъ фарандолу... вотъ такъ, вотъ! — и онъ началъ выдѣлывать антраша съ легкостью и граціей молодаго медвѣдя-муровлятника.

Но у делегатовъ нервы не были такъ устойчивы и воодушевленіе такъ неистощимо, какъ у ихъ президента. Экскурбанье ворчалъ недовольнымъ тономъ:

— Президентъ опять расходился… Время-то уже къ полночи.

— Спать пора, вотъ что! — вышелъ изъ себя Бравида. — Моихъ уже силъ нѣтъ… Ревматизмъ…

Тартаренъ согласился, вспомнивъ о предстоящемъ на завтра восхожденіи на Монъ-Бланъ. Тарасконцы забрали подсвѣчники и отправились на покой, а старикъ Бальте занялся приготовленіемъ припасовъ, наймомъ проводниковъ и муловъ.

— Тé! Снѣгъ идетъ! — проговорилъ Тартаренъ, какъ только проснулся и увидалъ оконныя стекла запушенными инеемъ и всю комнату залитою бѣловатымъ отблескомъ. Но онъ скоро понялъ, что ошибся и что весь этотъ свѣтъ былъ отраженіемъ яркихъ солнечныхъ лучей, заливавшихъ возвышающійся противъ окна Монъ-Бланъ. Нашъ герой открылъ окно, чтобы подышать свѣжестью вѣтерка, вмѣстѣ съ которымъ ворвались въ комнату звуки колокольчиковъ идущаго на пастбище стада и завыванія пастушьихъ роговъ. Отъ всего вѣяло чѣмъ-то здоровымъ и первобытно-простымъ, чего Тартаренъ не видалъ въ Швейцаріи.

Внизу его дожидались проводники. Шведъ уже сидѣлъ на своемъ мулѣ; въ толпѣ любопытныхъ была вся семья пастора, его бойкія дочки пришли въ утреннихъ костюмахъ обмѣняться еще разъ chackenhand'омъ съ героемъ, которымъ онѣ пробредили всю ночь.

— Славная погода! Поторапливайтесь! — кричалъ хозяинъ, сверкая голою головой на солнцѣ.

Какъ ни поторапливался Тартаренъ, для него было не легкою задачей разбудить делегатовъ, которые должны были проводить его до Пьеръ-Пуантю, гдѣ кончается проходимая для муловъ дорога. Ни просьбы, ни убѣжденія не дѣйствовали на командира Бравиду; надвинувши ночной колпакъ на уши и уткнувшись носомъ въ стѣну, онъ на всѣ доводы президента отвѣчалъ циническою тарасконскою поговоркой:

— Кто извѣстенъ своимъ раннимъ вставаньемъ, тотъ можетъ спать до полудня...

Что же касается Бонпара, то онъ все время повторялъ:

— Ну, вотъ еще, Монъ-Бланъ!... Вранье одно...

Онъ поднялся лишь послѣ настоятельнаго приказанія П. А. К.

Наконецъ, караванъ двинулся въ путь и торжественно прослѣдовалъ по улицамъ Шамуни

въ такомъ порядкѣ: Паскалонъ съ развернутымъ знаменемъ на переднемъ мулѣ; шествіе замыкалъ окруженный проводниками, важный, какъ мандаринъ, возсѣдающій на своемъ мулѣ Тартаренъ, нарядившійся для такого случая въ новыя очки съ выпуклыми дымчатыми стеклами и съ знаменитою авиньонскою веревкой у пояса. При выѣздѣ изъ села, Бонпаръ подъѣхалъ близко къ президенту, и съ какимъ-то необыкновенно значительнымъ видомъ сказалъ:

— Тартаренъ, мнѣ необходимо поговорить съ вами...

— Послѣ, послѣ,- отвѣтилъ тотъ, занятый философскимъ споромъ съ молодымъ шведомъ, мрачный пессимизмъ котораго онъ пытался разсѣять, указывая на чудесные, окружавшіе ихъ виды, на роскошныя пастбища, на темно-зеленые лѣса, надъ которыми высились ослѣпительные своею бѣлизной снѣговые гребни.

Послѣ двухъ безплодныхъ попытокъ переговортъ съ Тартареномъ особнякомъ, Бонпаръ былъ вынужденъ оставить его въ покоѣ. Перебравшись черезъ Арву по маленькому мосту, нараванъ двинулся дальше по узкой тропинкѣ, лентой вьющейся среди сосенъ. Мулы пошли гуськомъ, карабкаясь своими цѣпкими копытами

по крутизнамъ надъ обрывами, причемъ наши тарасконцы принуждены были сосредоточить все свое вниманіе на томъ, чтобы не потерять равновѣсія.

На привалѣ у Пьеръ-Пуантю, гдѣ Паскалонъ и Экскурбанье должны были дожидаться возвращенія экспедиціи, Тартаренъ былъ занятъ распоряженіями относительно завтрака, распредѣленіемъ проводниковъ и носильщиковъ, и опять не обратилъ вниманія на таинственныя шептанія Бонпара. Но, странная вещь, — на это, впрочемъ, обратили вниманіе только впослѣдствіи, — несмотря на прекрасную погоду, на хорошее вино, на прозрачность и чистоту воздуха на высотѣ двухъ тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря, за завтракомъ настроеніе у всѣхъ было особенно меланхолическое. Въ въ кружкѣ проводниковъ и носильщиковъ слышались шутки, смѣхъ, а за столомъ тарасконцевъ полная тишина нарушалась только звономъ стакановъ, да стукомъ приборовъ. Происходило ли это отъ присутствія наводившаго на всѣхъ уныніе шведа, или же отъ очевидно тревожнаго настроенія Бонпара, или тутъ дѣйствовало какое-то предчувствіе… Какъ бы то ни было, въ дальнѣйшій путь къ леднику Боссонъ, откуда собственно и должно

было начаться настоящее восхожденіе, общество пустилось въ очень уныломъ настроеніи, какъ батальонъ безъ музыки...

Вступая на ледникъ, Тартаренъ невольно улыбнулся при воспоминаніи о Гужи и о своихъ усовершенствованныхъ шипахъ Кеннеди. Какая разница между тѣмъ новичкомъ, какимъ онъ былъ тогда, и первоклассным альпинистомъ, какимъ онъ себя чувствовалъ теперь! Какъ спокойно и твердо стоитъ онъ теперь въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ, которые въ это утро швейцаръ гостивицы подбилъ ему четырьмя большими гвоздями, какъ ловко управляется онъ съ киркою и если пользуется иногда рукою проводника, то не столько ради поддержки, сколько въ видѣ указанія пути! Дымчатыя очки ослабляютъ рѣзкость лучей, отраженныхъ ледникомъ, покрытымъ свѣжимъ снѣгомъ недавно обрушившейся лавины, сквозь который тамъ и сямъ мелькаютъ скользкія, зеленоватыя, предательскія прогалины. Совершенно спокойный, на опытѣ убѣдившійся въ томъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, Тартаренъ смѣло идетъ по краю страшныхъ обрывовъ, среди нависшихъ массъ снѣга, озабоченный единственно тѣмъ только. чтобы не отстать отъ шведскаго студента,

отличнѣйшаго ходока. Ихъ философскій споръ продолжается, несмотря на трудность пути, и надъ гладкою поверхностью глетчера звонко раздается слегка запыхавшійся голосъ: "Вы меня знаете, Отто"...

Бонпару, между тѣмъ, приходилось часъ отъ часу не легче. Убѣжденный даже въ это утро, что Тартаренъ никогда не осуществитъ въ дѣйствительности своей похвальбы взойти на Монъ-Бланъ, что онъ только хвастается мнимымъ восхожденіемъ на Юнгфрау, несчастный курьеръ одѣлся въ обыкновенный костюмъ, не подбивъ гвоздями сапоговъ и не взявъ даже альпенштока, котораго не употребляютъ горцы Чимборазо. Вооруженный легонькою тросточкой, очень идущей къ его шляпѣ съ голубою лентой и къ его ульстеру, онъ пришелъ въ ужасъ, очутившись передъ глетчеромъ; едва ли нужно говорить о томъ, что "враль" никогда въ жизнь свою не всходилъ ни на одну гору. Онъ нѣсколько пріободрился, увидавши, какъ легко управляется Тартаренъ на льду, и рѣшился слѣдовать за нимъ до стоянки "des Grands-Mulets", гдѣ предположено было переночевать. Не безъ труда добрался онъ до этого ночлега. Съ первыхъ же двухъ шаговъ онъ растянулся на спину, потомъ тотчасъ же

упалъ впередъ на руки и на колѣни...

— Благодарю... это я такъ... нарочно, — увѣрялъ онъ проводниковъ, пытавшихся поднять его. — По-американски, знаете, какъ на Чимборазо!

На четверенькахъ ему показалось удобнѣе; онъ такъ и остался, такъ и продолжалъ свой путь, заметая снѣгъ полами своего ульстера. При этомъ онъ не терялъ полнаго спокойствія и разсказывалъ находившимся по близости, какъ онъ въ Кордильерахъ точно такимъ манеромъ взошелъ на гору въ десять тысячъ метровъ вышины. Онъ не пояснялъ, во сколько, примѣрно, времени онъ это продѣлалъ; но полагать надо, что не особенно быстро, судя по тому, что на ночлегъ онъ попалъ часомъ позднѣе Тартарена, весь въ снѣгу и съ закоченѣвшими отъ холода руками въ вязаныхъ перчаткахъ.

Сравнительно съ хижиною Гужи, станціонный домъ des Grands-Mulets, выстроенный общиной Шамуни, можетъ почитаться совершенно комфортабельнымъ. Когда Бонпаръ добрался до кухни, гдѣ былъ разведенъ большой огонь, то Тартаренъ и шведъ уже давно просушивали свою обувь и слушали разсказы трактирщика-хозяина, окостенѣлаго отъ лѣтъ старика съ длинными бѣлыми волосами, выкладывавшаго передъ

путешественниками драгоцѣнности своего маленькаго музея.

Зловѣщее впечатлѣніе производитъ этотъ музей, составленный изъ памятниковъ всѣхъ катастрофъ, случившихся на Монъ-Бланѣ за сорокалѣтній періодъ времени, въ теченіе котораго старикъ держитъ станцію. Вынимая различные предметы изъ витрины, онъ разсказываетъ плачевныя исторіи ихъ происхожденія... Съ этимъ лоскутомъ сукна, съ этою жилетною пуговицей связано воспоминаніе объ одномъ русскомъ ученомъ, снесенномъ ураганомъ на ледникъ Бренны... Вотъ этотъ осколокъ челюсти остался послѣ одного проводника знаменитаго каравана, состоявшаго изъ одиннадцати человѣкъ путешественниковъ и носильщиковъ, погребенныхъ снѣговою бурей... Въ сумракѣ догорающаго дня, при блѣдномъ отблескѣ снѣга, эта выставка замогильныхъ останковъ, сопровождаемая монотоннымъ повѣствованіемъ, производила тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе, что разскащикъ старался въ патетическихъ мѣстахъ придать особенную чувствительность своему дребезжащему голосу, чуть не плакалъ, развертывая зеленую вуаль англичанки, задавленной лавиной въ 1827 году.

Какъ ни старался Тартаренъ успокоивать себя тѣмъ, что все это случилось давно, въ то время, когда "компаніей" еще не были организованы совершенно безопасныя восхожденія, тѣмъ не менѣе, его сердце болѣзненно сжималось отъ мрачныхъ исторій старика, и онъ вышелъ немного освѣжиться на воздухъ.

Наступившая ночь закрыла уже всѣ низы; Боссоны едва были видны и казались очень близкими, а вершина Монъ-Блана еще свѣтилась, окрашенная розовыми тонами скрывшагося солнца. Южанинъ пріободрился было отъ этой нѣжной улыбки природы, когда позади его появилась фигура Бонпара.

— А, это вы, Гонзагъ... Какъ видите, я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ... Этотъ старикъ тоску пагналъ своими исторіями...

— Тартаренъ! — заговорилъ Бонпаръ, крѣпко сжимая его руку. — Тартаренъ, надѣюсь, что съ насъ довольно, и что вы теперь же покончите эту смѣшную экспедицію.

Великій человѣкъ тревожно вытаращилъ глаза на товарища.

— Это еще что за штуки?

Тотда Бонпаръ началъ расписывать ужасающую картину тысячи смертей, которыми грозятъ

имъ пропасти, обвалы, порывы вѣтра, снѣгоныя бури... Тартаренъ прервалъ его:

— Эхъ вы, шутникъ!... А компанія-то на что?... Развѣ Монъ-Бланъ не обдѣлана, какъ другія горы?

— Обдѣлана?... Компанія?... — проговорилъ озадаченный Бонпаръ.

Онъ ни слова не помнилъ изъ своей тараскониды. Тартаренъ слово въ слово повторилъ ему про компанейскую Швейцарію, про заарендованныя горы, про разсѣлины съ театральными приспособленіями. Бывшій буфетчикъ клуба засмѣялся:

— Какъ, и вы повѣрили?... Да, вѣдь, это же такъ, къ слову пришлось... Мало ли что говорится между тарасконцами, надо же понимать...

— Стало быть, — спросилъ встревоженный Тартаренъ, — и Юнгфрау не была подготовлена?

— Да ни чуточку!

— И если бы веревка оборвалась?..

— Ахъ, мой бѣдный другъ...

Герой закрылъ глаза, поблѣднѣлъ отъ ужаса и съ минуту не могъ выговорить ни слова... Передъ нимъ лежалъ задернутый полумракомъ грозный пейзажъ съ зіяющими пропастями, въ его ушахъ все еще звучалъ плаксивый голосъ старика.

— Э, да ну васъ совсѣмъ!... - Тартаренъ коле-

бался; но тотчасъ же ему вспомнился Тарасконъ съ своими обывателями, вспомнилось знамя, воображеніе подсказало, какъ онъ водрузитъ его на недосягаемой высотѣ; затѣмъ онъ сообразилъ, что съ хорошими проводниками, съ такимъ надежнымъ товарищемъ, какъ Бонпаръ... что, наконецъ, побывалъ же онъ на вершинѣ Юнгфрау, — такъ почему же не попытать взобраться на Монъ-Бланъ?

И, положивши свою широкую руку на плечо пріятеля, онъ началъ твердымъ голосомъ:

— Послушайте, Гонзагъ...

XIII

Темною, совсѣмъ черною ночью, безъ луны, безъ звѣздъ, безъ неба, на неясной бѣлизнѣ огромнаго снѣговаго ската недленно тянется длинная веревка, въ которой одна за другою привязаны крошечныя, боязлиныя фигурки, предшествуемыя въ ста метрахъ фонаремъ, какъ бы ползущимъ по землѣ небольшимъ красноватымъ пятномъ. Только удары кирки о затвердѣвшій снѣгъ, да шумъ скатывающихся обломковъ льда нарушаютъ безмолвіе снѣговой пустыни, по которой тихо подвигается караванъ. Отъ времени до времени раздается слабый крикъ, подавленный стонъ, паденіе чьего-то тѣла на ледъ и, вслѣдъ за тѣмъ, басистый голосъ съ конца веревки:

— Падайте осторожнѣе, Гонзагъ.

Да, бѣдняга Бонпаръ рѣшился слѣдовать за Тартареномъ до вершины Монъ-Блана. Съ двухъ часовъ утра, — на часахъ съ репетиціей президента уже пробило четыре, — несчастный курьеръ двигается ощупью, спотыкается, падаетъ; его, какъ настоящаго каторжника на цѣпи, тащатъ впередъ, толкаютъ, а онъ вынужденъ сдерживать

невольно вырывающіеся у него стоны, въ виду подстерегающихъ со всѣхъ сторонъ обваловъ, могущихъ обрушиться снѣговою или ледяною массой отъ малѣйшаго толчка, отъ сотрясенія морознаго воздуха. Какова пытка для тарасконца — терпѣть и молчать!

Караванъ остановился на привалѣ. Слышенъ какой-то споръ, оживленный шепотъ. Тартаренъ справляется, что случилось.

— Вашъ товарищъ не хочетъ идти дальше, — отвѣчаетъ шведъ.

И, все-таки, они идутъ. Порядокъ нарушенъ, натянутая веревка слабнетъ, всѣ сходятся вмѣстѣ къ краю огромной разсѣлины изъ тѣхъ, что горцы называютъ "une roture". Переправа черезъ предшествовавшія совершилась при помощи перекинутой лѣстницы, по которой переходили ползкомъ на колѣняхъ. На этотъ разъ разсѣлина слишкомъ широка и противуположный ея край выше другаго метровъ на восемьдесятъ или на сто. Призодится спуститься на дно трещины по ступенькамъ, которыя надо вырубать киркою, и такимъ же способомъ взобраться опять наверхъ. Бонпаръ упорно отказывается отъ такого перехода. Наклонившись надъ пропастью, кажущеюся въ темнотѣ бездонною, онъ смотритъ, какъ едва

мелькаетъ внизу маленькій фонарь передоваго проводника, выбивающаго путь. Самъ Тартаренъ далеко не спокоенъ и подбадриваетъ себя увѣщаніями, обращенными къ пріятелю:

— Будетъ, Гонзагъ!... Zou!... - и потомъ тихонько, чтобы никто не слыхалъ, онъ стыдитъ его, обращается къ его чувству чести, напоминаетъ про Тарасконъ, про знамя, про клубъ.

— Э, что мнѣ вашъ клубъ... Я не членъ... — отвѣчаетъ тотъ цинично.

Тогда Тартаренъ говоритъ, что будетъ переставлять ему ноги, — ничего не можетъ быть проще.

— Да, для васъ можетъ быть, а не для меня...

— Вы же говорили, что привыкли...

— Ну, да, привыкъ... привыкъ, конечно... только къ чему? Мало ли я къ чему привыкъ... вотъ курить привыкъ, спать...

— А въ особенности лгать, — обрываетъ его президентъ.

— Ну, ужь и лгать!... Преувеличивать нѣсколько... — возражаетъ Бонпаръ невозмутимо.

Однако, послѣ многихъ колебаній, угроза покинуть его тутъ одного заставляетъ Бонпара рѣшиться, и онъ начинаетъ спускаться тихонько, осторожно по этой страшной воздушной лѣстницѣ... Еще труднѣе взбираться наверхъ по

совершенно отвѣсной стѣнѣ, гладкой, какъ мраморъ, и болѣе высокой, чѣмъ башня короля Рене въ Тарасконѣ. Снизу мерцающій свѣтъ переднего фонаря кажется ползущимъ свѣтлякомъ. Но дѣлать нечего, надо рѣшаться, такъ какъ снѣгъ подъ ногами ненадеженъ; подъ нимъ слышится журчанье подъѣдающей его воды, чуется существованіе новой пропасти.

— Смотрите не сорвитесь, Гонзагъ! — повторялъ Тартаренъ нѣжно, почти умоляющимъ тономъ, имѣвшимъ особенное значеніе въ виду положенія поднимающихся, которые цѣплялись руками и ногами другъ надъ другомъ, связанные одною веревкой, такъ что паденіе или неосторожность одного могли грозить опасностью всѣмъ... И еще какою опасностью! Достаточно прислушаться къ тому, какъ летятъ внизъ и подпрыгиваютъ ледяные обломки, чтобы представить себѣ пасть того чудовища, которое стережетъ васъ и поглотитъ непремѣнно при первомъ невѣрномъ шагѣ.

Но... что тамъ такое? Долговязый шведъ, какъ разъ предшествующій Тартарену, пріостановился и трогаетъ своими подбитыми гвоздями каблуками фуражку П. А. К. Напрасно кричатъ ему проводники: "Впередъ!..." — напрасно говоритъ президентъ: "Что же вы стали, молодой

человѣкъ?..." — никто ни съ мѣста. Вытянувшись во всю длину и небрежно держась одною рукой, шведъ наклоняется внизъ. Первые лучи занимающагося дня скользятъ по его жидкой бородкѣ и освѣщаютъ странное выраженіе широко раскрытыхъ глазъ. Свободною рукой онъ дѣлаетъ знаки Тартарену.

— Вотъ гдѣ упасть-то, а?... Что, если сорваться?...

— Ого!... Еще бы!... Всѣ полетимъ за вами... Лѣзьте!

А тотъ, не двигаясь, продолжаетъ:

— Вотъ удобный случай покончить съ жизнью, перейти въ небытіе, погрузившись въ нѣдра земли, изъ пропасти въ пропасть, какъ этотъ осколокъ льда... — и шведъ, страшно наклонившись, слѣдитъ за льдиной, подпрыгивающей и громыхающей въ непроглядномъ сумракѣ.

— Несчастный, что вы дѣлаете?... — кричитъ Тартаренъ, зеленѣя отъ ужаса, и, отчаянно схватившись за скользкую выбоину, онъ горячо повторяетъ свои вчерашніе доводы о прелестяхъ жизни:- Все же въ ней есть много хорошаго!... Въ ваши лѣта, такой молодчика-красавецъ, какъ вы, развѣ вы не вѣрите въ любовь?

Нѣтъ, шведъ и въ любовь не вѣрилъ. Идеальная

любовь выдумана поэтами; а иной, потребности организма, онъ не знаетъ.

— Ну, да... да... Правда, поэты всѣ немножко тарасконцы, всегда любятъ прикрасить... Но, все-таки, женщинка, какъ говорятъ у насъ, хорошее существо... А тамъ пойдутъ дѣтишки, славныя такія, на васъ похожи...

— Ахъ! дѣти — источникъ заботъ и горя. Моя мать, не переставая, плачетъ съ тѣхъ поръ, какъ я явился на свѣтъ.

— Послушайте, Отто, вы меня знаете, мой добрый другъ...

Изъ всѣхъ силъ своей доблестной души бьется Тартаренъ оживить, расшевелить эту жертву Шопенгауэра и Гартмана, двухъ шутовъ гороховыхъ, которыхъ нашъ герой очень желалъ бы встрѣтить гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ и раздѣлаться съ ними, — чортъ ихъ возьми! — за все зло, причиненное ими молодежи...

Представьте же себѣ, что все это философское препирательство происходитъ на отвѣсной ледяной стѣнѣ, мокнущей и оскользающей, едва освѣщенной блѣднымъ утреннимъ лучомъ; представьте себѣ длинную вереницу лѣпящихся къ ней другъ за другомъ и связанныхъ другъ съ другомъ людей, зловѣщее журчанье воды,

доносящееся снизу изъ глубины зіяющей бездны, ругательства проводниковъ, ихъ угрозы отвязать веревку и покинуть путешественниковъ... Наконецъ, Тартаренъ понялъ, что никакія убѣжденія не подѣйствуютъ на безумца, безсильны разогнать охватившій его порывъ къ самоубійству; тогда нашъ герой попытался внушить шведу мысль спрыгнуть съ вершины Монъ-Блана... — "То ли дѣло броситься съ такой вышины!... А то нашелъ гдѣ, въ какомъ-то подвалѣ... въ мерзкой щели!..." Тартаренъ проговорилъ это такимъ рѣзкимъ, задушевно-откровеннымъ голосомъ и такимъ убѣжденнымъ тономъ, что шведъ послушался, согласился, и вотъ они одинъ за другимъ вылѣзли изъ ужасной пропасти.

Вылѣзли, развязались, сдѣлали привалъ, выпили и закусили. Совсѣмъ ободняло. Холодно и сумрачно; кругомъ грандіозмыя скалы, отдѣльные остроконечные пики и надъ ними Монъ-Бланъ, до вершины котораго все еще остается пятнадцать тысячъ метровъ. Проводники отошли въ сторону, жестикулируютъ, о чемъ-то совѣщаются, покачивая головами. Бонпаръ и Тартаренъ, прозябшіе и встревоженные, оставили шведа одного доѣдать завтракъ и подошли въ проводникамъ въ то время, когда старшій

изъ нихъ (guide-chef) съ озабоченнымъ видомъ говорилъ:

— Это точно, куритъ трубку... Что вѣрно, то вѣрно.

— Кто куритъ трубку? — спросилъ Тартаренъ.

— Монъ-Бланъ куритъ... Вонъ смотрите.

И проводникъ указалъ на самой вершинѣ какъ бы облачко, бѣлый дымокъ, тянущійся по направленію въ Италіи.

— А скажите, другъ, когда Монъ-Бланъ куритъ трубку, это что же должно означать?

— Это должно, сударь, означать, что тамъ на вершинѣ страшный вѣтеръ, буря снѣговая, которая скорёхонько доберется и до насъ. Штука эта опасная!

— Вернемся, — сказалъ позеленѣвшій Бонпаръ.

— О, да, конечно, — прибавилъ Тартаренъ. — Упрямство и глупое самолюбіе въ сторону!...

Но тутъ вмѣшался шведъ; онъ заплатилъ деньги за то, чтобы быть на Монъ-Бланѣ, и ничто не помѣшаетъ ему быть тамъ. Онъ пойдетъ одинъ, если всѣ откажутся сопровождать его.

— Трусы, подлецы! — прибавилъ онъ, обращаясь въ проводникамъ тѣмъ же замогильнымъ голосомъ, которымъ только что толковалъ о

прелестяхъ самоубійства.

— А вотъ мы вамъ покажемъ, какіе мы трусы… Связывайся, и въ путь! — крикнулъ старшій проводникъ.

На этотъ разъ Бонпаръ сталъ энергически протестовать. Довольно съ него, онъ хочетъ вернуться, требуетъ, чтобы его вели назадъ. Тартаренъ настойчиво поддерживаетъ товарища.

— Развѣ вы не видите, что этотъ молодой человѣкъ сумасшедшій? — восклицаетъ онъ, указывая на шведа, быстро шагавшаго впередъ подъ хлопьями снѣга, наносимаго вѣтромъ. Но ничто уже не могло остановить проводниковъ, которыхъ упрекнули трусостью, и Тартаренъ не успѣлъ уговорить ни одного изъ нихъ отвести его съ Бонпаромъ къ стоянкѣ Grands-Mulets. Къ тому же, и путь былъ очень простъ, всего три часа, считая двадцать минутъ на обходъ большой разсѣлины, если они боятся перейти ее одни.

— Э, да… еще бы не бояться!…- заявляетъ Бонпаръ. уже нисколько не стѣсняясь.

Обѣ партіи разошлись въ разныя стороны.

И вотъ наши тарасконцы остались одни. Связанные веревкой, они осторожно подвигаются

по снѣговой пустынѣ; Тартаренъ впереди важно ощупываетъ каждый шагъ киркой. Онъ проникнутъ лежащею теперь на немъ отвѣтственностью за товарища и въ этомъ сознаніи ищетъ себѣ поддержки.

— Смѣлѣй, смѣлѣй! — покрикиваетъ онъ каждую минуту Бонпару. — Прежде всего, хладнокровіе!...

Такъ офицеръ во время сраженія отгоняетъ отъ себя забирающій его страхъ, махая саблей и врича своимъ солдатамъ:

— Впередъ!... Не всякая пуля попадаетъ!...

Наконецъ, они добрались до конца страшной трещины. Отсюда до станціи нѣтъ уже никакихъ серьезныхъ препятствій. Но сильный вѣтеръ ослѣпляетъ ихъ снѣжною метелью; дальше идтя нельзя, не рискуя заблудиться.

— Остановимся на минуту, — говоритъ Тартаренъ. Огромная ледяная глыба даетъ имъ пріютъ въ углубленіи, находящемся у ея подошвы. Они залѣзаютъ въ него, укладываются на одѣялѣ, подбитомъ каучукомъ, и раскупориваютъ баклажку съ ромомъ, единственный припасъ, оставленный имъ проводниками. Изъ нея пріятели почерпнули немного тепла и благополучнаго настроенія. А тѣмъ временемъ удары кирки слышались все

дальше и выше и свидѣтельствовали объ успѣшномъ ходѣ экспедиціи. Въ сердцѣ Тартарена они возбуждали нѣчто вродѣ сожалѣнія о томъ, что онъ не пошелъ до вершины Монъ-Блана.

— Кто же узнаетъ объ этомъ? — нахально возражаетъ Бонпаръ. — Носильщики захватили съ собою знамя; въ Шамуни подумаютъ, что и мы тамъ.

— Это правда, честь Тараскона спасена, — закончилъ Тартаренъ убѣжденнымъ тономъ.

А непогода становилась все сильнѣе; вѣтеръ перешелъ въ бурю, снѣгъ летѣлъ клубами. Друзья молчали подъ гнетомъ самыхъ мрачныхъ думъ; имъ вспоминались кладбищенская витрина старика, его печальные разсказы, легенда объ американскомъ туристѣ, погибшемъ отъ холода и голода и найденномъ съ записною книжкой въ судорожно сжатой рукѣ. Въ эту книжку онъ записалъ всѣ пережитыя имъ тревоги и муки до потери сознанія, лишившей его возможности подписать свое имя.

— Есть у васъ записная книжка, Гонзагъ?

Бонпаръ безъ объясненія понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— Записная книжка… Что же вы думаете, что я такъ и стану тутъ умирать, какъ тотъ англичан-

инъ?... Идемъ скорѣй, вылѣзайте.

— Невозможно... Съ перваго же шага насъ снесетъ, какъ солому, сброситъ въ пропасть.

— Въ такомъ случаѣ, надо звать. Старикъ трактирщикъ не далеко...

Бонпаръ на колѣняхъ высунулъ голову изъ-подъ ледяной глыбы и въ позѣ ревущей на пастбищѣ скотины завопилъ изъ всѣхъ силъ:

— Помогите, поногите! Сюда...

— Караулъ! — подхватилъ Тартаренъ такимъ голосомъ, что нависшая надъ нимъ ледяная глыба дрогнула.

Бонпаръ схватилъ его за руку.

— Несчастный!... Глыба-то!...

Еще одинъ звукъ и вся масса скопившагося льда обрушилась бы на ихъ головы. И вотъ они лежатъ, не смѣя шевельвуться, затаивши дыханіе, охваченные ужасомъ передъ окружающимъ ихъ безмолвіемъ смерти, среди котораго вдругъ пронесся далекій раскатъ, который все приближался, все росъ и, наконецъ, замеръ гдѣ-то далеко подъ землею.

— Несчастные люди!... - прошепталъ Тартаренъ, разумѣя шведа и его проводниковъ, навѣрное, захваченныхъ и унесенныхъ лавиной.

— Оно и наше-то положеніе, кажется, не луч-

ше, — сказалъ Бонпаръ, покачивая головой.

На самомъ дѣлѣ ихъ положеніе было ужасно; они не смѣли двивуться въ своемъ ледяномъ гротѣ, ни вылѣзти изъ него въ такую бурю. А тутъ еще, какъ нарочно, чтобы лишить ихъ послѣдняго остатка бодрости, изъ глубины долины доносится завыванье собаки, предвѣщающее смерть. Вдругъ Тартаренъ, со слезами на глазахъ, съ дрожащими губами, беретъ за руку товарища и, кротко глядя на него, говоритъ:

— Простите меня, Гонзагъ... да, да, простите меня. Я былъ рѣзокъ съ вами, я назвалъ васъ лгуномъ...

— Э, вотъ велика важность!...

— Я-то менѣе, чѣмъ кто-нибудь, имѣлъ на это право, потому что и самъ много лгалъ въ моей жизни... И въ этотъ страшный, быть можетъ, послѣдній мой часъ я чувствую необходимость признаться, снять съ моей души тяжесть, принести публичное покаяніе въ моихъ обманахъ.

— Въ обманахъ... вы?

— Выслушайте меня, другъ... Начать съ того, что я никогда не убивалъ львовъ.

— Это меня нисколько не удивляетъ... — говоритъ Бонпаръ спокойно. — Такъ развѣ же стоитъ мучиться изъ-за такой малости?... Вѣдь, это же не

мы... это все наше солнце дѣлаетъ; мы родимся съ лганьемъ... Да хоть бы я... Развѣ я хоть разъ въ жизни сказалъ правду?... Стоитъ мнѣ ротъ открыть, а нашъ югъ-то — тутъ какъ тутъ, такъ и подхватываетъ. Я разсказываю про людей, а самъ ихъ въ глаза не видывалъ, говорю про страны, и никогда въ нихъ не бывалъ... И изъ всего этого составляется такой переплетъ всякихъ небылицъ, что я уже и самъ не могу въ немъ разобраться.

— Это воображеніе! — вздыхаетъ Тартаренъ. — Это оно въ насъ лжетъ.

— И наша ложь никогда никому не причинила зла, тогда какъ злой человѣкъ, завистливый, какъ Костекальдъ...

— Не напоминайте мнѣ никогда объ этомъ негоднѣ! — прерываетъ его П. А. К., охваченный внезапнымъ припадкомъ злости. — Чортъ его возьми! Что-же, легко, что ли...

Испуганный жестъ Бонпара остановилъ его.

— Ахъ, да, глыба... — и, понизивши тонъ, вынужденный изливать свой гнѣвъ шепотомъ, бѣдняга Тартаренъ продолжаетъ, дѣлая огромныя и забавныя усилія говорить непривычнымъ тихимъ голосомъ:

— Легко, что ли, умирать во цвѣтѣ лѣтъ по милости мерзавца, который теперь преспокойно

попиваетъ кофе на Городскомъ кругу!...

Пока онъ высказывалъ все накопившееся въ немъ негодованіе, воздухъ мало-по-малу прояснился. Вѣтеръ стихъ, снѣга нѣтъ, кое-гдѣ начинаетъ проглядывать синева неба. Въ путь, скорѣе въ путь!... Быстро связавшись веревкой съ товарищемъ, Тартаренъ опять пускается передомъ и, оглянувшись, прикладываетъ палецъ къ губамъ:

— Только знаете, Гонзагъ, все, что здѣсь говорено, чтобы осталось между нами.

— Ну, еще бы!...

Они бодро подвигаются впередъ по колѣна въ свѣженанесенномъ снѣгу, закрывшемъ собою слѣды каравана; а потому Тартаренъ черезъ каждыя пять минутъ посматриваетъ на компасъ. Только компасъ-то у него тарасконскій, привычный къ жаркому влимату и совсѣмъ сбившійся съ толку со времени пріѣзда въ Швейцарію. Стрѣлка вертится зря, какъ попало. И вотъ путники идутъ наудачу, разсчитывая съ минуты на минуту увидать черныя скалы Grands-Mulets среди однообразной и безмолвной бѣлизны, ослѣпляющей ихъ и нагоняющей большой страхъ, такъ какъ подъ ея гладкою поверхностью могутъ таиться опасныя трещины.

— Хладнокровіе, Гонзагъ... прежде всего, хладнокровіе!

— Его-то какъ разъ мнѣ и не хватаетъ, — жалобно отвѣчалъ Бонпаръ. — Ой-ой! нога... — стонетъ онъ. — Ай, нога... Пропали наши головы... не выберемся мы отсюда!...

Послѣ двухъ часовъ ходу, на серединѣ одного труднаго снѣжнаго подъема, Бонпаръ испуганно крикнулъ:

— Тартаренъ, вѣдь, мы идемъ вверхъ!

— Да и я тоже вижу, что вверхъ, — отвѣчаетъ президентъ далеко не спокойнымъ тономъ.

— Понастоящему, я думаю, намъ слѣдовало бы спускаться внизъ.

— Конечно! Но что же я-то тутъ подѣлаю? Пойдемъ, все-таки, до верху; быть можетъ, тамъ и окажется спускъ.

Спусвъ, точно, оказался, и даже страшно крутой, сначала по снѣговому уклону, потомъ чуть не по отвѣсному глетчеру, за которымъ на огромной глубинѣ чуть виднѣлась хижина, лѣпящаяся на скалѣ. До этого убѣжища надо было непремѣнно добраться до ночи, такъ какъ надежда найти стоянку Grands-Mulets была совсѣмъ потеряна. Но легко сказать — добраться, а какихъ это должно стоить усилій, сколько предстоитъ опасностей,

быть можетъ?

— Смотрите, Гонзагъ, пуще всего не выпустите меня...

— И вы меня тоже, Тартаренъ.

Они обмѣнялись этими обоюдными увѣщаніями, уже не видя другъ друга. Ихъ раздѣлялъ гребень, за которымъ исчезъ Тартаренъ, чтобы начать тихо и боязливо спускаться, тогда какъ Бонпаръ продолжалъ еще лѣзть вверхъ. Оба примолкли даже, сберегая всѣ свои силы. Вдругъ, въ ту минуту, когда Бонпаръ былъ въ разстояніи одного метра отъ гребня, онъ услыхалъ отчаянный крикъ товарища, и, въ то же время, туго натянутая веревка начала безпорядочно дергаться... Бонпаръ хочетъ потянуть ее на себя, чтобы удержать друга надъ пропастью. Но, должно быть, веревка попалась старая, не выдержала, лопнула.

— Outre!

— Bouffre!

Два зловѣщихъ крика одновременно огласили горныя пустыни. Вслѣдъ за тѣмъ наступила ужасающая тишила, безмолвіе смерти, ничѣмъ ненарушаемое на всемъ пространствѣ дѣвственныхъ снѣговъ и льдовъ.

Вечеромъ того же дня человѣкъ, смутно напо-

минающій собою Бонпара, похожій на призракъ съ того свѣта, съ волосами, стоящими дыбомъ, измокшій, покрытый грязью, едва добрелъ до трактира Grands-Mulets, гдѣ его оттерли, отогрѣли, уложили въ постель, причемъ отъ него не могли добиться ни одного другаго слова, кромѣ слѣдующихъ безсвязныхъ, возгласовъ, прерываемыхъ слезами и рыданіями:

— Тартаренъ… погибъ… веревка лопнула…

Понятно было одно, что произошло несчастье.

Пока старый трактирщикъ хныкалъ и присоединялъ новую главу къ повѣствованіямъ о катастрофахъ, въ ожиданіи обогащенія своего музея какимъ-нибудь остаткомъ отъ погибшаго, шведъ и его проводники возвратились изъ экспедиціи и тотчасъ же пустились на поиски Тартарена съ веревками, лѣстницами и всѣмъ необходимымъ припасомъ для спасенія погибающихъ. Увы, всѣ ихъ старанія остались тщетными. Бонпаръ, точно обезумѣвшій, не могъ дать никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній ни о подробностяхъ случившагося несчастья, ни о мѣстѣ происшествія. Только на вершинѣ, носящей названіе Dôme du Goûter, былъ найденъ обрывокъ веревви, застрявшей въ трещинѣ льда. Но, что всего страшнѣе, веренна эта оказалась обрѣзанной съ обѣихъ концовъ

какъ бы какимъ-то острымъ орудіемъ. Наконецъ, послѣ цѣлой недѣли самыхъ тщательныхъ розысковъ, когда всѣ убѣдились, что нѣтъ никакой возможности найти несчастнаго президента, удрученные горемъ делегаты отправились въ Тарасконъ и взяли съ собою Бонпара, потрясенный мозгъ котораго все еще не могъ оправиться отъ страшнаго пережитаго имъ удара.

— Не напоминайте мнѣ обо этомъ, — отвѣчалъ онъ на все разспросы о несчастьи, — никогда не надоминайте!

Къ списку жертвъ, погибшихъ на Монъ-Бланѣ, прибавилось еще одно имя, и какое имя!

XIV

Нѣтъ, да и никогда не было на всемъ земномъ шарѣ болѣе впечатлительнаго города, чѣмъ Тарасконъ. Иной разъ въ праздничный день, когда весь городъ на улицѣ, когда гремитъ музыка, "Городской кругъ" кишмя кишитъ гуляющими, пестрѣетъ красными и зелеными юбками, арльскими косынками, когда разноцвѣтныя афиши сулятъ всякія зрѣлища, — стоитъ только какому-нибудь шутнику крикнуть: "Бѣшеная собака!..." или: "Быкъ сорвался!..." и всѣ бросаются бѣжать, давятъ другъ друга, жечутся, какъ угорѣлые, запираютъ двери на всѣ замки и засовы, закрываютъ окна, ставни, жалузи... и въ городѣ пусто, не слышно ни звука, не видно ни души живой, ни даже кошки, сами кузнечики прячутся и замолкаютъ.

Такой именно видъ представлялъ городъ въ одинъ прекрасный день, который не былъ, однако, ни воскреснымъ, ни праздничнымъ: лавки заперты, дома точно вымерли, улицы и площади пусты. "Vasta silentio", — говоритъ Тацитъ, описывая Римъ въ день похоронъ Германика, и это

выраженіе великаго историка о Римѣ, облекшемся въ трауръ, какъ нельзя болѣе подходило къ Тараскону, такъ какъ въ его соборѣ шла заупокойная служба о душѣ Тартарена, и все населеніе оплакивало своего героя, обожаемаго, непобѣдимаго, сложившаго свои кости и двойные мускулы въ ледникахъ Монъ-Блана.

И вотъ въ то время, какъ заунывный погребальный звонъ оглашалъ пустынныя улицы, дѣвица Турнатуаръ, сестра доктора; которую болѣзнь вынуждала сидѣть вѣчно дома и изнывать отъ скуки въ большомъ креслѣ у окна смотрѣла теперь въ это окно и прислушивалась къ жалобному голосу колоколовъ. Домъ доктора Турнатуара находился на Авиньонской дорогѣ, почти противъ дома Тартарена. Видъ этого прославленнаго жилища, хозяинъ котораго уже не возвратится въ него, видъ навсегда запертой калитки сада наполняли щемящею тоской сердце бѣдной больной дѣвушки, уже болѣе тридцати лѣтъ пылавшей тайною страстью къ тарасконскому герою. О, неразгаданная тайна сердца старой дѣвы! Для него высокимъ наслажденіемъ было подкарауливать выходъ изъ дома героя въ его урочные часы и повторять каждый разъ: "Куда онъ идетъ?"... слѣдить за измѣненіями въ его туалетѣ, будь онъ

одѣтъ альпинистомъ и въ свою жакетку змѣино-зеленаго цвѣта. Теперь уже она его никогда не увидитъ; она лишена даже послѣдняго утѣшенія пойти помолиться за упокой его души вмѣстѣ со всѣми дамами города.

Вдругъ на длинномъ и безцвѣтномъ лошадиномъ лицѣ дѣвицы Турнатуаръ проступила легкая краска; ея полинявшіе глаза широко раскрылись, а худая, морщинистая рука начала творить широкія крестныя знаменія... Онъ, положительно онъ шелъ вдоль стѣнъ по противуположной сторонѣ улицы... Сперва она приняла было его появленіе за галлюцинацію... Но нѣтъ, это самъ Тартаренъ, своею собственною, настоящею персоной, только поблѣднѣвшій, жалкій, оборванный, крадущійся, какъ нищій или воръ... Однако, чтобы объяснить его никому невѣдомое пребываніе въ Тарасконѣ, намъ необходимо вернуться на Монъ-Бланъ, на Dôme du Goûter, и къ тому самому моменту, когда каждый изъ друзей находился на разныхъ его склонахъ и когда Бонпаръ почувствовалъ, что веревка вдругъ рванулась какъ бы отъ паденія привязаннаго къ ней человѣка.

Насамомъ же дѣлѣ веревка увязла, заѣла между двумя льдинами, и Тартаренъ, почувствовавшій

такой же толчокъ, подумалъ съ своей стороны тоже, что его товарищъ сорвался въ пропасть и его увлекаетъ за собой. Тогда, въ эту рѣшительную минуту... — но какъ передать это, Боже мой!...- тогда оба, смертельно перепуганные, забыли торжественную клятву, данную въ отелѣ Бальте, и одинаково инстинктивнымъ движеніемъ одновременно перерѣзали веревку: Бонпаръ — своимъ ножомъ, а Тартаренъ — ударомъ кирки. Потомъ, въ ужасѣ отъ совершоннаго преступленія и убѣжденный въ томъ, что погубилъ друга, каждый изъ нихъ бросился бѣжать въ противуположномъ направленіи.

Въ то время, какъ еле живой Бонпаръ явился въ трактиръ Grands-Mulets, еле живой Тартаренъ добрался до старожки Авезайль... Какъ, какимъ чудомъ, послѣ сколькихъ паденій и скатываній? На это могъ бы отвѣтить только Монъ-Бланъ, такъ какъ П. А. К. провелъ двое сутокъ въ совершенномъ безпамятствѣ и безъ языка. При первой возможности его доставили въ Курмайоръ — Шамуни итальянской стороны. Въ отелѣ, гдѣ онъ остановился, чтобъ окончательно оправиться, только и было говору, что о страшной катастрофѣ, случившейся на Монъ-Бланѣ, точь-въ-точь такой же, что когда-то произошла на Сервенѣ,

причемъ погибъ одинъ альпинистъ отъ того, что оборвалась веревка.

Въ полномъ убѣжденіи, что дѣло идетъ о Бонпарѣ, Тартаренъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, не посмѣлъ ни явиться къ делегатамъ, ни вернуться на родину. Ему казалось, что на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ взглядахъ онъ встрѣтитъ одинъ вопросъ: "Каинъ, что сдѣлалъ ты съ братомъ твоимъ?"... Но недостатокъ въ деньгахъ, въ бѣльѣ, наступленіе сентябрьскихъ холодовъ, разогнавшихъ туристовъ, заставили его пуститься въ путь. Какъ бы тамъ ни было, а, вѣдь, никто же не былъ свидѣтелемъ его преступленія. Ничто не помѣшаетъ ему придумать какую-нибудь подходящую исторію, и, при помощи дорожныхъ развлеченій, онъ началъ совсѣмъ оправляться. Но когда онъ былъ уже близко отъ Тараскона и увидалъ на лазурномъ небѣ нѣжныя очертанія Альпинъ, его опять охватили и стыдъ, и раскаянье, и страхъ суда; тутъ-то, чтобъ избѣжать появленія въ городскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ, онъ сошелъ на послѣдней станціи.

Ахъ! Сколько разъ, бывало, по этой чудесной тарасконской дорогѣ, на вершокъ покрытой бѣлою, скрипящею подъ ногами пылью, безъ малѣйшей тѣни, кромѣ телеграфвыхъ столбовъ и проволокъ;

сколько разъ по этому тріумфальному пути онъ проходилъ во главѣ своихъ альпинистовъ или охотниковъ по фуражкамъ!... И кто бы призналъ теперь доблестнаго, всегда торжествующаго героя въ этомъ жалкомъ, оборванномъ пѣшеходѣ, боязливо озирающемся кругомъ, какъ бродяга, высматривающій жандармовъ? Знойный воздухъ, вопреки наступившей уже осени, и арбузъ, купленный имъ у бакчевника, показались ему восхитительными въ тѣни телѣги въ то время, какъ крестьянинъ изливалъ свое негодованіе на тарасконскихъ хозяекъ, поголовно убѣжавшихъ въ это утро съ рынка "по случаю заупокойной обѣдни по комъ-то изъ горожанъ, сломавшемъ себѣ шею гдѣ-то въ горной трущобѣ. Ишь вонъ... колокола звонятъ!... Отсюда слышно"...

Не могло быть сомнѣнія, что этотъ печальный перезвонъ по покойникѣ раздается въ честь несчастнаго Бонпара. И подъ такой-то аккомпаниментъ приходилось великому человѣку возвращаться на родину!...

Тартаренъ быстро отворилъ и тотчасъ же захлопнулъ калитку своего садика. Онъ дома, и тутъ видъ узенькихъ дорожекъ, исправно вычищенныхъ, съ аккуратно подстриженными бордюрами, бассейнъ съ фонтаномъ, красныя

рыбки, встрепенувшіяся отъ шума его шаговъ, и гигантскій боабабъ въ горшкѣ изъ-подъ резеды, — все это на минуту погрузило Тартарена въ благополучное настроеніе покоя у себя дома, въ тепломъ гнѣздѣ, послѣ столькихъ подвиговъ и опасностей. Но колокола, эти ужасные колокола зазвонили еще сильнѣе, и ихъ мрачные звуки легли опять нестерпимымъ гнетомъ на его сердце. Въ этихъ похоронныхъ звукахъ ему опять сшшатся вопросы: "Каинъ, что сдѣлалъ ты съ братомъ твоимъ? Тартаренъ, что сталось съ Бонпаромъ?..." И онъ безпомощно опустился на раскаленный солнцемъ бортъ бассейна, подавленный и уничтоженный...

Колокола смолкли. Религіозная церемонія окончилась, и весь Тарасконъ направился къ альпійскому клубу, гдѣ въ торжественномъ засѣданіи Бонпаръ долженъ прочесть сообщеніе о катастрофѣ, передать всѣ подробности о послѣднихъ минутахъ жизни президента. Кромѣ членовъ клуба, множество привилегированныхъ лицъ, военныхъ, духовныхъ, дворянъ, крупныхъ коммерсантовъ, заняли свои мѣста въ залѣ засѣданій. Настежь открытыя окна дозволяли толпившейся подъ ними массѣ городскаго населенія примѣшивать выраженія своего сочувствія

и печали къ рѣчамъ господъ членовъ. Громадная толпа тѣснится на улицѣ, на крыльцѣ, стараясь уловить хоть какіе-нибудь отрывки изъ того, что говорится въ засѣданіи; но окна слишкомъ высоко и никто бы ничего не узналъ безъ двухъ или трехъ молодцовъ, которые залѣзли на большой платанъ и съ его вѣтвей кидали внизъ кое-какія свѣдѣнія, подобно тому, какъ бросаютъ съ дерева косточки съѣденныхъ вишенъ.

"Э! Костекальдъ-то притворяется, что плачетъ. Ишь, негодный, сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ... А бѣдняга Безюке... какъ онъ сморкается! Глаза красные, красные!... Тé! Знамя обвязано крепомъ... Вотъ Бонпаръ... идетъ къ столу съ тремя делегатами... Онъ что то кладетъ на столъ... начинаетъ говорить... Должно быть, хорошо говоритъ! Всѣ чуть не падаютъ отъ слезъ".

На самомъ дѣлѣ впечатлѣніе становилось все болѣе и болѣе общимъ по мѣрѣ того, разъ развивался фантастическій разсказъ Бонпара. О, въ нему вернулась память, а съ нею и воображеніе. На вершину Монъ-Блана они взобрались лишь вдвоемъ, — онъ и его славный товарищъ, такъ какъ проводники, испуганные дурною погодой, отказались слѣдовать за ними. Тутъ, на высочайшей горѣ Европы, они развернули знамя

Тараскона. Затѣмъ онъ разсказалъ, и съ какимъ глубокимъ чувствомъ, о необычайныхъ опасностяхъ спуска, о паденіи Тартарена въ пропасть, о томъ, какъ онъ, Бонпаръ, обвязавшись веревкой въ двѣсти метровъ, спустился въ обрывъ на поиски.

— Болѣе двадцати разъ, милостивые государи... нѣтъ, что я говорю, болѣе девяноста разъ предпринималъ я изслѣдованія этой ледяной бездны и не могъ добраться до нашего несчастнаго президента, хотя нашелъ явственный слѣдъ его паденія по этимъ обрывкамъ, подобраннымъ мною на острыхъ выступахъ льда.

Говоря это, онъ выложилъ на столъ осколокъ челюсти, нѣсколько волосъ бороды, лоскутъ жилета, пряжку отъ помочей — ни дать, ни взять, какъ въ музеѣ стараго трактирщика на Grands-Mulets.

При видѣ этихъ печальныхъ останковъ, собраніе уже не могло сдерживать долѣе выраженія всеобщаго горя. Даже самые черствые люди, приверженцы Костекальда, и люди самые солидные, нотаріусъ Камбалалетъ, докторъ Турнатуаръ, пролили слезы величиной въ графинную пробку. Присутствующія дамы огласили залу раздирательными воплями, покрытыми ревомъ Экс-

курбанье, плаксивымъ мычаніемъ Паскалона, звуками похороннаго марша, который заигралъ расположенный подъ окнами оркестръ.

Видя, что общее возбужденіе дошло до высшей степени, до настоящаго отчаянія, Бонпаръ закончилъ свой разсказъ выразительнымъ жестомъ по направленію къ предметамъ, разложеннымъ на столѣ въ видѣ вещественныхъ доказательствъ, и такими заключительными словами:

— И вотъ, милостивые государи и дорогіе сограждане, все, что я могъ разыскать и что осталось намъ отъ нашего славнаго и горячо любимаго президента… Остальное намъ возвратятъ альпійскіе ледники черезъ сорокъ лѣтъ.

Онъ уже хотѣлъ пуститься, для лицъ мало свѣдущихъ, въ объясненіе новѣйшихъ открытій относительно правильнаго движенія глетчеровъ, но его прервалъ скрипъ маленькой двери въ глубинѣ залы, въ которую вошелъ Тартаренъ, блѣднѣе вызваннаго Юмомъ привидѣнія.

— Vé! Тартаренъ!

— Té! Гонзагъ!…

И таковъ этотъ удивительный тарасконскій народъ, легко готовый вѣрить всякимъ неправдоподобнымъ исторіямъ, самымъ отчаяннымъ небылицамъ и ихъ быстрымъ опроверженіямъ,

что появленіе великаго человѣка, посмертные останки котораго лежали еще у всѣхъ на глазахъ, произвело на присутствующихъ довольно слабое впечатлѣніе.

— Это простое недоразумѣніе, — сказалъ успокоенный и сіяющій Тартаренъ, дружески кладя руку на плечо человѣка, въ смерти котораго такъ горько винилъ себя. — Простое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что я взошелъ на Монъ-Бланъ съ одной стороны, а сошелъ съ другой, что и дало поводъ думать, будто я погибъ.

При этомъ онъ умолчалъ, конечно, о томъ, что съ Монъ-Блана онъ не сошелъ, а съѣхалъ на спинѣ.

— Ну, Бонпаръ! — сказалъ Безюке, — задалъ же онъ намъ своею исторіей...

И всѣ смѣялись, всѣ жали другъ другу руки, тогда какѣ оркестръ, не слушая приказаній замолчать, продолжалъ играть на улицѣ похоронный маршъ Тартарену.

— Vé! Посмотрите, какъ пожелтѣлъ Костекальдъ! — прошепталъ Паскалонъ командиру Бравидѣ, показывая на оружейника, поднявшагося съ мѣста, чтобъ уступить президентское кресло благодушно сіяющему Тартарену.

Бравида, неизмѣнно вѣрный своей привычкѣ

говорить короткими сентенціями, взглянулъ на разжалованнаго Костекальда, вынужденнаго занять опять подчиненное положеніе, и тихо отвѣтилъ:

— Да, непріятно изъ поповъ попасть въ дьяконы!...

И засѣданіе пошло обычнымъ порядкомъ.